

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

В. А. ЖУКОВСКАГО

ВЪ 12-ТИ ТОМАХЪ.

Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ
и примѣчаніями

проф. **А. С. Архангельскаго.**

Съ приложеніемъ портрета Жуковскаго, гравированнаго на стали,
и его факсимиле.

III.

Приложеніе къ журналу „Нива“ за 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе **А. Ф. МАРКСА.**
1902.

В. И. ЖАКОВСКОГО

1878 г.

III

Издательство А. Ф. МАРНОА, Измайловский просп., № 29.

1819.

НА КОНЧИНУ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, КОРО-
ЛЕВЫ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ.

элегия.

Ты улетѣлъ, небесный посеѣтитель;
Ты погостилъ недолго на земли;
Мечталось намъ, что *здѣсь* твоя обитель;
Навѣкъ *своимъ* тебя мы нарекли...
Пришла судьба, свирѣбный истребитель,
И вдругъ слѣдовъ твоихъ ужъ не нашли:
Прекрасное погибло въ пыльномъ цвѣтѣ...
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!

Губителемъ, слышимымъ и незримымъ,
На всѣхъ путяхъ бѣда насъ сторожить;
Пріюта нѣтъ главамъ, равно грозимымъ;
Гдѣ не была, тамъ будетъ и сразить.
Вотще дераать въ борьбу съ необходимымъ:
Житейскаго никто не побѣдитъ;
Гнетомы все единой грозной силой;
Намъ всеяъ сказать о здѣшнемъ счастьѣ:
было!

Но въ свой чередъ съ деревьевъ обветша-
лыхъ

Осенній листь, отвянувши, падеть;
Слагая жизнь старикъ съ раменъ усталыхъ,
Ее, какъ долгъ, могилѣ отдаетъ;
Въ страдалицу смерть на прахъ надеждъ
увялыхъ,

Какъ званый другъ, желанная, идетъ...
Природа здѣсь вѣрна стезѣ привычной:
Безъ ужаса беремъ удѣлъ обычный.

Но если вдругъ, неожиданная, вбѣгаетъ
Бѣда въ семью играющихъ надеждъ;
Но если жизнь измѣною слетаетъ
Съ веселыхъ, ей лишь мигъ знакомыхъ
И счастье младое умираетъ, [вѣждъ,
Еще не снявъ и праздничныхъ одеждъ...

Тогда нашъ духъ объемлетъ трепетанье,
И силой въ грудь вырывается роптанье.

О, наша жизнь, гдѣ вѣрны лишь утраты,
Гдѣ милому мновенье лишь дано,
Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты,
И гдѣ навѣкъ минувшее одно...
Почто жъ мы здѣсь мечтами такъ богаты,
Когда мечтамъ не сбыться суждено?
Внимая гласъ надежды, намъ поющей,
Не слышимъ мы шаговъ бѣды грядущей.

Кого снѣшишь ты, прелесть молодая,
Въ твоихъ дверяхъ такъ радостно встрѣчать?
Куда бѣжишь, ужаасаго не чая,
Привыкшая съ сею жизнью лишь играть?
Не радость—вѣсть стучится гробовая...
О! подожди сей прагъ переступать;
Пока ты здѣсь—ничто не умирало;
Переступи—и милое пропадо.

Ты, знавшая житейское страданье,
Постигшая все таинства утратъ,
И ты снѣшишь съ надеждой на свиданье...
Ахъ! удались отъ входа сихъ палатъ;
Отложено навѣкъ торжествованье;
Счастливыцъ тамъ тебя не угостятъ;
Ты посеѣтишь обитель ужъ пустую...
Смерть унесла хозяйку молодую.

Изъ дома въ домъ по улицамъ столицы
Страшилищемъ скитается молва;
Ужъ прорвалась къ убжицу царицы;
Ужъ шепчетъ тамъ ужасныя слова;
Трепетаетъ все, печалью блѣдны лица...
Но мертвая для матери жива;
Въ ея душѣ спокойствіе незнающа;
Предъ ней мечта недавняго свиданья.

О, счастье, почто же на отлетѣ
Ты намъ въ лицо умильно такъ глядишь?
Почто въ своемъ предательскомъ привѣтѣ,
Снѣшиа отъ насъ: *я вѣчно!* говоришь;

И къ милому, ужъ бывшему на свѣтъ,
Насъ прелестью ибжибѣйшею манишь?..
Увы! въ тотъ часъ, какъ мать ты плѣняло,
Ты только дочь на жертву украшало.

И, насъ губя съ холодною ужасной,
Еще судьба смѣяться любить намъ;
Ея ужъ нѣтъ, сей жизни столь прекрасной...
А мать, склоняясь къ обманчивымъ листамъ,
Въ нихъ видитъ дочь надеждою напрасной,
Даруетъ жизнь безжизненнымъ чертамъ,
Въ нихъ голосу умоляемому внимаешь,
Въ нихъ воскресить умершую мечтаешь.

Скажи, скажи, супругъ оспрогѣтый,
Чего надъ ней ты такъ упорно ждешь?
Съ ея лица привѣтное слѣтло;
Въ ея глазахъ узнанья не найдешь;
И въ руку ей рукой оцѣненѣлой
Отвѣтнаго движенья не можешь.
На голосъ чады зовущихъ ибжжима...
О! вѣрь, отецъ, она невозвратима.

Запри навѣкъ ту мирную обитель,
Гдѣ спутникъ твой тебѣ минуту жияъ;
Твоей души свидѣтель и хранитель,
Съ кѣмъ жизни долгъ не столько бременилъ,
Совѣтникъ думъ, прекраснаго дѣлителя,
Слабѣющихъ очарователь сила —
Съ полупути ушелъ онъ отъ земного,
Отъ бытія прелестно-молодого.

И вотъ—сія минутная царица,
Какою смерть се намъ отдала;
Отторгнута отъ скинетра десница;
Развѣнчано величіе чела;
На страшный гробъ упала багряница,
И жадная судьбина пожрала
Въ минуту все, что было такъ прекрасно,
Что всѣхъ влекло и такъ влекло напрасно.

Супругъ, зовутъ! иди на разставанье!
Сорвавъ съ чела супружескій вѣнецъ,
Въ послѣднее земное провожайте
Веди сиротъ за матерью, вдовецъ;
Послѣднее отдайте ей лобзанье;
И тамъ, гдѣ всѣмъ свиданіямъ копецъ,
Невнемлющей *прости* свое скажите,
И въ землю съ ней всѣ блага положите.

Прости жъ, нашъ цвѣтъ, столь нышно вос-
ходившій—

Едва зарю успѣлъ ты перецвѣть.
Ты, жизнь, прости, красавецъ не дожившій;
Какъ радости обманчивая вѣсть,
Пропала ты, лишь сердце приманивши,
Не давъ и дня надеждѣ перечеть.
Простите вы, благія начинающа,
Вы, славныхъ дѣлъ напрасны упованья...

Но мы... смотря, какъ наше счастье тѣжно,
Мы жизнь свою дерзнемъ ли презирать?
О, нѣтъ, главу подставивши смиренно,
Чтобъ нону бѣдъ отъ Промысла принять,
Себя отдавъ рукѣ неоткровенной,
Не мни Творца, страдалицъ, вопрошать;
Слѣпцомъ иди къ концу стези ужасной...
Въ послѣдній часъ слѣпцу все будетъ ясно.

Земная жизнь небеснаго наслѣдникъ;
Несчастье намъ учитель, а не врагъ;
Спасительно-суровый собесѣдникъ,
Безжалостный разитель бранныхъ благъ,
Великаго попятный проповѣдникъ,
Намъ объ руку на тайный жизни прагъ
Оно идетъ, все руша передъ нами,
И скорбію дружа насъ съ небесами.

Здѣсь радости—не наше обладанье;
Пролетные плѣнители земли,
Лишь по пути заносить къ намъ преданье
О благахъ, намъ обѣщанныхъ вдали;
Земли жилецъ безвыходный—страданье;
Ему на часть судьбы насъ обрекли;
Блаженство намъ по слуху, лишь знакомецъ;
Земная жизнь—страданія питомецъ.

И сколь душа велика симъ страданьемъ!
Сколь радости при немъ помрачены!
Когда, простаясь свободно съ упованьемъ,
Въ величїи покорной тишины,
Она молчитъ предъ грознымъ испытаньемъ,
Тогда... тогда съ ей свѣтлой вышины
Вся Промысла ей видима дорога;
Она полна понятнаго ей Бога.

О! Матери печаль непостижима,
Смирятся всѣ мысли предъ тобой!
Какъ милое сокровище, тама,
Какъ бытіе, слѣянная—съ душой,
Она съ однимъ лишь небомъ раздѣлима...
Что ей сказать дерзнетъ языкъ земной?
Что міръ съ своимъ презрѣннымъ утѣшень-
Передъ ея великимъ вдохновеньемъ? [емъ

Когда грустишь, о мать, одипока,
Скажи, тебѣ не слышится ли гласъ,
Призывное несущій издалека,
Изъ той страны, куда все манитъ насъ,
Гдѣ милое скрывается до срока,
Гдѣ возвратимъ отнятое на часть?
Не сходить ли къ душѣ благовѣститель,
Земныхъ утратъ и неба изъяснитель?

И въ горнее упишемъ влекома,
Не вѣрою ль душа твоя полна?
Не мнитесь ли ей, что отческаго дома
Лишь только входъ земная сторопа?
Что милая небесная знакома,
И ждущею семьей населена?
Все тайное не зрится ль откровеннымъ,
А бытіе великимъ и священнымъ?

Внеми жъ: когда молчить во храмѣ пѣше,
И Вышнихъ силъ мы чувствуемъ нисходъ;
Когда въ алтарь на жертвоисхождение
Сосудъ любви сіяющей грядетъ;
И на тебя съ дѣтми благословенъ
Торжественно мольба съ небесъ зоветъ;
Въ часъ тайнства, когда союзомъ тѣснымъ
Соединенъ житейскій мѣръ съ небеснымъ, —

Уже въ сей часъ не будетъ, какъ бывало,
Отшедшая твоя наречена;
О ней навѣкъ земное замолчало;
Небесному она передала;
Задернулось за нею покрывало...
Въ божественномъ святилищѣ она,
Незрима намъ, но, видя насъ отголѣ,
Возмолвуетъ при жертвенномъ престолѣ.

Святой символъ надеждъ и утѣшенія!
Мы все стоимъ у таинственныхъ вратъ;
Опущена завѣса Провидѣнья;
Но проникать ее дерзаетъ взглядъ;
За нею скрытъ предѣлъ соединенія;
Изъ-за нея, мы слышимъ, говоря:
«Мужайтесь; душою не скорбите!
«Съ надеждою и съ вѣрой приступите!

ГОСУДАРЫНЬ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРИИ ФЕОДОРОВНѢ.

[въ июль 1819 года].

Отъ вашего величества давно

Я высочайшее имѣю повелѣнье —

О Павловской лупѣ представить донесенье.

Слѣшна исполнить то, что мнѣ повелѣно,
И надлежащее окончивъ обозрѣнье,
Я всеподданнѣйше теперь имѣю честь
Стихами вашему величеству донести
О томъ, что прозой скудной
Описывать и совѣстно и трудно.

Съ послушной музою, съ усердною мечтой
По берегамъ Славянки я скитался,
И ночью за луной
Присматривать старался;

Но съ горемъ долженъ я признаться, что луна
Лишь для небесъ теперь сіяетъ красотою!
Знать, исключительно желаетъ быть она
Небесною, а не земной луною;

Иль солнце, можетъ-быть, въ досадѣ, что
для насъ
Она плѣнительнѣй своею красой заемной,
Чѣмъ пышный блескъ его столь тягост-
ный для глазъ,

Преобратило ночь въ прозрачную изъ темной,
Дабы чрезъ то лишитъ всей яркости луну.
Изгнанница луна теперь на вышину
Восходитъ пѣхотя, одиѣмъ звѣздамъ бли-
стать,

И, величаяся прозрачностью ночей,

Неблагодарная земля ея лучей

Совѣмъ не замѣчаетъ;

Едва, едва при нихъ отъ сосенъ и дубовъ
Ложатся на траву сомнительныя тѣни;
Едва трепещетъ блескъ на зелени луговъ,
Едва сквозь зыбкія, рѣсчатыя сѣни
Прозрачнымъ сумракомъ наполненныхъ
лѣсовъ

Печальный полувѣтъ невѣрно проникаетъ,
Едва туманитъ оупъ верхи густыхъ деревьевъ;

И словомъ, жить лунѣ мѣшаетъ

Ревнивый свѣтъ ночныхъ небесъ!

Не измѣнили ей одиѣ лишь только воды;
Въ нихъ отражается попрежнему она:
То полумѣсяцемъ веходя на тихи своды;
То пламеннымъ щитомъ катясь, окружена
Разорванными облаками;

То одинокая, то съ яркими звѣздами;

Попрежнему она — то въ зеркалѣ рѣки

Педвижима сіяетъ,

И въ ней нагбешный лѣсъ, прибрежны

челноки

И тихо шепчущій тростникъ изображаетъ;

То вдругъ, когда порхнеть надъ спящею
волной

Пролетный вѣтерокъ, съ волною затре-
И воды огненной подернетъ чешуей, [пещетъ,
Иль ярко въ пихъ блеснётъ излучистой

Иль раздробленная заблещетъ! [змѣей,
Короче: на водахъ плѣнительна она,

А на землѣ какъ будто не луна,
И солнце гордое, затмивъ се собою,

Тирански властвуетъ и небомъ и землёю.
Но какъ ни жалъ луны, а надобно отдать

И солнцу справедливости!
Не безразсудная хвастливость

И не надменное желаніе блистать
Теченьемъ пылаго свѣтила управляютъ:

Прямымъ достоинствомъ оно
На небесахъ воцарено,—

Его лучи палятъ, но вмѣстѣ и плѣняютъ.
Свидѣтелемъ тому сама Славянка намъ;

И если вашего величества желанье
Исполнить я не могъ, представивъ описанье

Прекрасной Павловской луны, то смѣю вамъ
О солнцѣ Павловскомъ прекрасномъ

Въ изображеньѣ безпристрастномъ
Стихами вѣрными допеть!

Оно привѣтливо [за то ему и честь!]
Къ приятной Павловской природѣ.

Издѣсь его видаль и въ пламенномъ восходѣ,
И на полдневной вышинѣ,

И въ свѣтозарной тишинѣ
Великолѣпнаго съ лазури снисхожденья.

Какія пышныя творить оно явленья
На очарованныхъ Славянки берегахъ!

Но величавое въ младыхъ лучахъ развѣтъа
И неприступное въ полуденныхъ лучахъ,

Въ спокойномъ вечерѣ оно съ душой поэта
Краснорѣчивѣй говорить.

Сколь мила въ Павловскѣ вечернія картины!
Люблю, когда закатъ безоблачный горитъ;

Пылая, зыблется древесныя вершины,
И яркимъ заревомъ осыпанный дворець,

Глядясь съ полугоры въ водахъ, покры-
тыхъ тѣнью,

Мрачится медленно, и куполь, какъ вѣнецъ,
Надъ потемнѣвшею деревъ окрестныхъ

сѣнью
Заката пламенемъ сіяетъ въ вышинѣ

И вмѣстѣ съ пламенемъ заката угасаетъ.

Люблю смотрѣть, когда дерновый скакъ
въ огнѣ

И сътъ багряная во мракѣ лишь сіяетъ;
Когда на надпій храмъ, прорѣзаетъ ткапъ

листовъ,
Лучи бросаются золотыми полосами,

Горятъ на бѣлизнѣ разрушенныхъ столбовъ,
И тѣной огненной съ кипящими волнами

Но камнямъ прядаютъ и гаснутъ на асту.
Разнообразіе становится картины,

Когда идемъ рѣкой вдоль Красныя
Такъ названной за красоту. [должны,

То рощей молодой веселья осины
Столпились на берегу, и легкіе листы,

Завѣсой рѣдкою задернувъ солнце, блещутъ,
И неколеблемы трепещутъ;

То воду зеленятъ прибрежные кусты,
И пламень запада, сквозь чащу ихъ про-

равнишь,
Въ ихъ листовенной сѣтѣ сверкаетъ изъ рѣки;

То ива, разметавшись,
И вѣтви дряхлыя оперши на кляки,

Потокъ завѣсила своєю обширной сѣнью;
То одинокій вязъ съ холма черезъ рѣку

Огромною перетянулся тѣнью;
То, парусъ свой отдавъ на волю вѣтерку,

Между зелеными берегами
Плыветъ сіяющій челнокъ,

Куда несетъ его потокъ
Одушевленными волнами,

И воздухъ флагомъ шевелитъ,
И рядомъ тѣнь его бѣжитъ,

И струйка слѣдомъ за кормою
Блестящей тянется змѣю;

Тамъ свѣтится въ кустахъ полускрытый
храмъ,

И тѣнь младыхъ березъ, рѣшеткой по
Раскинувшись, черплетъ: [сѣтнамъ.

А тамъ у башни мостъ, отважною дугой
Рѣку перескочивъ, на зыби водѣ бѣлѣтъ.

Но мѣсто есть—туда вечернею порою
Приходишь слѣдомъ за мечтой

Влекомъ неволей сладкой;
Порхаетъ тамъ украдкой

Съ листочка на листокъ
Вечерній вѣтерокъ.

Тамъ тихо волны плещутъ,
И трепетные блещутъ

Сквозь тѣнь лучи небесъ;

Тамъ что-то есть живое,
 Тамъ что-то неземное
 За тайну запавъсь,
 Невидимой рукою
 Опущенныхъ, манить:
 Надъ юной сей главою
 Пророчески горить
 Звѣзда огнемъ заката;
 А жизнь сія крылата,
 Молящая въ слезахъ,
 Невнемлющую младость,
 А тихой вѣры сладость
 Въ сихъ пламенныхъ очахъ,
 И вечера молчанье,
 И мирное слиянье
 Сихъ гаснущихъ небесъ
 Съ задумчивою тѣнью
 Недвижимыхъ деревьевъ...
 Какъ все воображенью
 Здѣсь душу придаетъ!
 Ей слышится полетъ
 Недвижимыхъ престепныхъ —
 Однихъ уже небесныхъ,
 Другихъ еще земныхъ;
 И блага лѣтъ младыхъ,
 И позднихъ лѣтъ утраты,
 Товарищи крылаты—
 Въ бывалой красотѣ
 Слетаются къ мечтѣ!

Но чувствую, что я забылся,
 И что мой вашему величеству отчетъ
 Изъ описанія въ поэмѣ превратился;
 Напомнить смѣю вамъ: о солнцѣ рѣчь идетъ,
 Итакъ, немудрено, что мысль имъ разогрѣта,
 Что пламенный предметъ воспламенялъ
 Меня еще картина ждесть: [поэта.
 Сей павильонъ уединенный,
 Мечтѣ безмолвной посвященный,
 Столь милый именемъ своимъ.—
 Какъ онъ приманивъ красотой,
 Когда вечернею порою
 Долина блаещетъ передъ нимъ!
 Когда багряными водами,
 Равна съ отлогими берегами,
 Сверкаетъ тихая рѣка,
 Прибрежный бархатъ тростника
 На солнцѣ ярко отливаетъ,
 И, приливая, обѣняетъ

Его веселая волна,
 И въ лонѣ водъ лазурь видна,
 И по лазури тихо рѣя,
 То загораясь, то блѣднѣя,
 Какъ дымъ, вечерни облака
 Минуту на небѣ играютъ!
 Играя съ неба улетаютъ
 За дуновеньемъ вѣтерка.
 Здѣсь милы вечера картины!
 Въ концѣ раздавшейся долины,
 Сквозь пламень запада, село
 Глядится въ зыбкое стекло
 Рѣки, извившейся дугою;
 Тамъ чолнъ, качаемый волною
 У берега въ чащѣ тростника,
 Мелькаетъ съ тѣнью рыбака;
 Тамъ, на дорогѣ, возъ скринучій,
 Передвигаясь, пылить;
 Тамъ, надъ рѣкою, мостъ зыбучій;
 А здѣсь, подъ сводами ракушекъ,
 Каскадь дымится и шумитъ,
 Разбрызнувъ млечной пѣной воды!
 Приятно здѣсь въ вечерній часъ
 Подслушивать послѣдній гласъ
 Полузаснувшія природы,
 Когда шелтанье вѣтерка,
 Или звучный рогъ издалика,
 Или говоръ птицъ, или шумъ отъ стада
 Нерезываются порою
 Съ унылымъ шумомъ водопада;
 Приятно объ-руку съ мечтой
 Здѣсь, на площадкѣ павильона,
 Прохладой вечера дышать
 И солнце взоромъ провожать
 Въ его нисходѣ съ небосклона,
 Когда безоблачно оно!
 Предъ нимъ полнеба зажжено,
 Земля въ лучахъ благоухаетъ,
 И мнится, ангелъ отверзаетъ
 Ему спокойствія чертогъ;
 Оно, взглянувъ, какъ свѣтлый Богъ,
 На тихое уединенье
 Имъ покидаемыхъ небесъ,
 Послѣднее благословенье
 Изъ-за таинственныхъ завѣсь
 Имъ, исчеза, посылаетъ,
 И долго сладостно сияетъ
 Воспоминаніемъ святымъ
 Его, оставленная имъ

Въ залогъ возврата багряница...
 Не благотворная ль царица
 Тогда является мечтѣ?
 Ты виднншь день ея прекрасной,
 Входящій прелестію ясной
 И заходящій въ красотѣ!
 Его веселіе встрѣчаетъ,
 Его надежда провожаетъ,
 И провожающая ждетъ,
 Что онъ попрежнему взойдетъ
 Для уповающихъ усладой,
 Для сырыхъ вѣрною отрадой,
 Для всѣхъ прнвѣтной красотой;
 И всѣ съ молитвою одной:
 Не измѣняяся, день прекрасный!
 Будь долго радостью очесъ
 И, вѣчно тихій, вѣчно ясный,
 Не покидай родныхъ небесъ!

Post-scriptum. Вашему величеству въ
 отчетѣ
 Представилъ съ точностью я то, что
 видѣлъ самъ;

И ежели моимъ стихамъ
 Не много удалось сказать о лунномъ свѣтѣ,
 То не моя вина:
 Въ июлѣ мѣсяцъ луна,
 Какъ я уже донесъ, едва-едва сіяетъ;
 Ея соливый свѣтъ
 Воображенія совсѣмъ не пробуждаетъ,
 И, глядя на нее, лишь сердится поэтъ.
 Но то, что нынѣ *да*, бываетъ завтра *нѣтъ*,
 И строгая велитъ признаться справед-
 ливость,
 Что поубавилась уже луны соливость,
 Что донесеніе мое десятикомъ дней
 И болѣе опоздало;
 Пришелъ июль; лѣтнвѣй солнце стало,
 А ночи сдѣлались темнѣй.
 Вчера, имѣя честь въ саду быть вмѣстѣ
 съ вами,
 Замѣтилъ мелькомъ я луну за облаками,
 И смѣю утвердить, что сдѣлалась она
 Почти по-старому лупа,
 И что по-старому кругомъ ея носилсъ
 Младья облака воздушною толпой,
 То, разлетаясь, серебрились,
 То вдругъ, сляпанныя, тянулись грядой,
 То волновались, то рдѣлись, то дымились.

А должно вспомнить, что она
 Едва лишь только рождена,
 И что лишь мигъ—тогда, какъ западъ
 догораетъ—
 Серпомъ серебримымъ на западѣ сіяетъ!
 Когда же полною заблещетъ красотой,
 То будетъ, какъ была, и музѣ вдохно-
 веньемъ,

И ночи милымъ украшеньемъ,
 И Павловскихъ небесъ достойною луной.

Еще post-scriptum. Я, собирая замѣчанья
 Для составленія отчета о дулѣ,
 Нашелъ, чего не ждалъ: счастливый
 случай мнѣ
 Открылъ забытый слѣдъ стариннаго пре-
 дапья.

Однажды поздною порой
 Я къ навильону шелъ рѣкой.
 Ужъ все въ окрестности дремало,
 И день давно уже погасъ;
 Я былъ одинъ... вдругъ прозвучало!
 На крѣпости пробило часъ!
 Иду... къ развалинамъ дорожка
 Вдоль берега привела меня.
 Взглянулъ... и чтожь увидѣть?... Кошка
 Въ дулѣ растреснутаго ния
 Между упадшими столнами,
 Какъ привидѣніе, сидитъ
 И блещетъ яркими глазами,
 И ярко на меня глядитъ;
 Я отъ нее—она за мною;
 Назадъ я—и она назадъ;
 И все попрежнему звѣздою
 Сверкаетъ неподвижный взглядъ!
 Но я къ дулу—и легкой тѣнью
 Она пропала предо мной!
 Лишь искры брызнули струей.
 Чудяся страшному видѣнью,
 «Тутъ тайна есть», подумалъ я;
 Не безъ труда рука моя
 Большой корнястый пень разрыла...
 И что же, что же наконецъ,
 Его разрывъ, она открыла?
 Не тяжкій кованный ларецъ,
 Не золота огромный слитокъ—
 Пергаментный истаѣвшій святокъ,
 И что-то писано на немъ
 Славянскимъ древнимъ языкомъ;

Но разобрать рукописание
 До сихъ поръ я еще не могъ;
 Языкъ старинный, грубый слогъ...
 Однако, знаю, въ немъ преданье
 Какое-то заключено
 О князѣ древнія Герсики,
 Котораго Альбертъ Великій,
 Епископъ, сжегъ [какъ то давно
 Изъ лѣтописцевъ намъ извѣстно];
 Еще упоминаютъ въ немъ
 О сынѣ князя молодомъ.
 О розѣ, о любви чудесной
 Какой-то дѣвы неземной,
 И прочее... Итакъ, быть-можетъ,
 Когда фантазія поможетъ
 Мнѣ подружиться съ стариной,
 Я разгадаю списокъ мой,
 Быль неблицею приравлаю.
 И всеподданнѣйше представлю
 Вамъ, государыня, въ стихахъ,
 О томъ, что было въ древни лѣты
 На тѣхъ счастливыхъ берегахъ,
 Гдѣ павильонъ Елизаветы.

29 іюля.

Я долженъ вашему величеству признаться:
 Въ псевдовольствіи большомъ я на луну.
 Возможно ли? Вчера ее на вышину
 На фермѣ ждали мы и не могли дожидаться!
 Упрямство вижу лишь одно.
 По небесамъ ночной порою
 Съ своею прежней красотою
 Она гуляетъ ужъ давно,
 И я довольно часто въ садѣ
 Встрѣчался съ нею по ночамъ;
 Мнѣ кажется, она въ досадѣ
 За то, что въ донесеніи вамъ
 Не помѣтилъ я грубой лести
 И ей незаслуженной части
 Не отдалъ, совѣтъ позабывъ;
 II, солнцу лиру посвятивъ,
 Его прославилъ въ воздаянье
 За постоянное сіянье...
 Еще догадка есть вѣрнѣй:
 Ей показаться было стыдно
 Въ одеждѣ скромной и невидной
 Послѣдней четверти своей;
 Къ тому жъ, и свѣтъ ея не ярокъ:
 Вчерашній день былъ очень жарокъ,

Сквозь душиный дымъ паровъ она
 Едва туманисто сіяетъ
 И, знойнымъ днемъ распалена,
 Во мглѣ туманной исчезаетъ
 Съ своею напрасной красотою.
 Но если истинной луной
 [Застѣнчивой или упорной]
 Мы любоваться не могли,
 Зато замѣну мы нашли
 Въ луиѣ прекрасной стихотворной.
 Небесную, въ небесной мглѣ
 Оставивъ страствовать съ звѣздами,
 Мы стихотворную въ столѣ,
 Между летучими листками
 Открывши, вызвали на свѣтъ.
 Любезный граціямъ поэтъ
 Ей прелесть миломи стихами
 Незмѣняемую далъ
 И тайны всѣ ея сказалъ
 Душѣ немногими словами;
 Какъ вѣрно онъ изобразилъ
 Лучей плѣнительныхъ сіянье!
 Онъ съ милой кротостью сравнилъ
 Ихъ животворное вліянье!
 Какъ на лазурной вышинѣ
 Къ очаровательной луиѣ,
 Манимы свѣтлой красотою,
 Младой игривою семьею
 Бѣгутъ, летятъ издалека
 Одушевленны облака:
 Такъ все невольно пріятной
 Летитъ къ богинѣ благодатной.
 Съ веселой пѣжностью въ очахъ,
 Съ пріятной лаской на устахъ,
 Давъ руку молодой свободѣ,
 Она привѣтная стоитъ,
 И радость вокругъ нея шумитъ
 Въ непринужденномъ хороводѣ.
 Какъ жаль, что нашъ Анакреонъ,
 Парнаскій баловень, счастливецъ,
 Не въ пору сдѣлался лѣнивцемъ,
 И къ вѣрной музѣ на поклонъ
 Стиховъ плѣнительныхъ не посылъ,
 Какъ то бывало ветарину,
 И что па Нида вышину
 Его и случай не заброситъ:
 Ему бы пѣть намъ про луну,
 Мое же бѣдно дарованье.
 Когда бы меня онъ научилъ,

Я то бъ восиѣлъ, что онъ забылъ:
Священнос воспоминашь!
«Какъ на душу его привѣтъ
Упылой думою находить,
Когда безмолвная наводитъ
Луна своей робкій полусвѣтъ
На ликъ уснувшія природы,
Какъ сладостно средь тишины
Изъ блеска трепетной луны
На насъ глядятъ минувши годы—
Бывалыхъ радостей земныхъ
Умчавшееся поколѣнье!
Какъ узнаеть воображенье
Тамъ лица милыя родныхъ,
Когда-то мѣръ нашъ украшавшихъ,
И виѣсть съ нами въ немъ выдавшихъ,
Что видимъ мы теперь безъ нихъ».

3 Августа.

Считаю должностью святой
Вамъ, государыня, признаться,
Что я одинъ не могъ добраться
До смысла рукописи той,
Которую судьба зарыла
Таинственно подъ древній пещь,
И гдѣ ее донынѣ тѣнь
Волшебной кошки сторожила;
Но Ливій Сѣвера помогъ
Понять мнѣ непонятный слогъ
И выбрать золото изъ сора;
При свѣтѣ опытнаго взора
Проникнуть сумракъ старины,
И силою воображенья
Изъ сей священной глубины
Исторгнуть древній видѣнья.
И вотъ я сдѣлалъ переводъ
Старишнаго рукописанья...

*
*

Я съ благодарностью сердечной извѣщаю,
Что, выпивши у васъ три полныхъ чашки чаю,
И съѣвъ полдюжины тартинь и сухарей,—
Не умеръ я, а сдѣлалъ живѣй,
И, сверхъ того, мнѣ сонъ привидѣлся чу-
десной...
Мнѣ спилось: будто я сталъ мужъ жены
прелестной,
Что будто счастливо съ ней прожилъ я сто
лѣтъ,

И что когда пришло покинуть здѣшній
свѣтъ—
Мы умереть, какъ должно, полѣнились,
А такъ, какъ Филемонъ съ Бавкидой, пре-
вратились
Въ двѣ липы свѣжія, у васъ передъ крыль-
цомъ,
И что подъ нашими согласными вѣтвями,
За круглымъ, дружескимъ столомъ
Сидите весело въ вѣтвѣ жарь съ гостями
И пьете крѣпкій чай съ *салъ* и сухарями.

27 июля.

Я только-что хотѣлъ гонца къ вамъ послать,
Чтобъ попросить у васъ условнаго обѣда
Для вашего сосѣда—
Какъ вашъ гонецъ пришелъ меня къ вамъ
звать.
Вашъ даръ: въ любезности другихъ пред-
упреждать,
И я, благодаря любезность вашу,
Въ исходѣ трехъ часовъ явлюсь къ вамъ
Чтобы, отвѣдавъ кашу, [на обѣдъ,
Сказать, сидя близъ васъ: я счастливый
сосѣдъ!

P. S. Прошу васъ извинить разсѣянность
поэта!
Я такъ былъ радъ тому, что буду видѣть васъ,
Что проглядѣлъ въ запискѣ вашей часъ
И вѣтрею, въ концѣ отвѣта,
Назначилъ свой,
[Не справясь съ стрѣлкою дворцовой].
Что мы, поэты, всѣ хвораемъ головою,
Вы знаете; но вамъ и то уже не позво,
Что, если видѣть васъ—
Какой часъ ни пошлешь, все будетъ добрый
часъ!

Считаю вызовъ вашъ я милостью судьбы!
Какъ отказаться отъ обѣда,
Къ которому зоветъ сосѣда—
Любезность милая на дружбу и грибы!

Циркулярное послание къ чувствительнымъ
сердцамъ, въ которомъ изображается горест-
ное состояніе некогого стихотворца, прину-
жденнаго употребить собственныя два ноги для
путешествія въ жаркое время на званый обѣдъ
и желающаго перемѣнить сіе горестное состо-
яніе на радостное, и роскошно прокатиться
въ императорской линейкѣ, услаждаясь, въ
ожиданіи землаго обѣда, небеснымъ завтра-
комъ разговора съ любовными грациями двора
ихъ императорскихъ величествъ и высочествъ.

Извѣстно вѣдѣть, что Аполлонъ
Все вѣдаеть, все хочетъ вѣдать:
Теперь узнагъ желаетъ онъ,
Званы ли фрейлины обѣдать
Къ графинѣ Бобринской? и въ чемъ
Сбираются туда: въ каретѣ,
Въ линейкѣ, дрожкахъ или верхомъ?
И просить ихъ онъ о поэтѣ,—
Которому въ жары пѣшкомъ
На званый пиръ идти накладно!
Ему отъ приемъ довольно чадно;
Имъ поэтической угаръ
Давно владѣть свосволено;
Одной горячки ужъ довольно,
И солпечный не пужень жаръ.
Надежду робкую приносить
Онъ къ нѣжнымъ фрейлинскимъ сердцамъ
И мѣста на ансейкѣ просить,
Когда найдете мѣсто тамъ!
Земныя милыя богини,
Хариты царскаго дворца,
Возьмете ль вы съ собою лѣвца
На дачу Бобринской графини?
Скажите въ двухъ словахъ отвѣтъ.
Когда нельзя, то просто: *нѣтъ!*
Но если можетъ рокъ рѣшиться
Изъ тайной урны вынуть *да*,
Тогда примолвите: *когда*
Поэтъ вашъ долженъ къ вамъ явиться,
Чтобъ грацій не заставить ждать
И на обѣдъ не опоздать?..

ГР. С. А. САМОЙЛОВОЙ.

Графиня, признаюсь, большой бѣды въ томъ
Что я, вашъ Павловскій поэтъ, [нѣтъ,
На взморьѣ съ вами не катаюсь,
А скромно въ Колпинѣ спасался
Отъ искушенія той прелести живой,
Которою непобѣдимо
Плѣнилъ бы дуну мнѣ вечернею порой

И вмѣстѣ съ вами зримою,
Подъ очарованной луной,
Безмолвный берегъ Монплезира!
Воскреснула бѣ моя покинутая лира...
Но что бы сдѣлалось съ душой?
Не знаю! да и радъ, признаться, что не знаю!
И безъ опасности все то воображаю,
Что такъ прекрасно мнѣ описано отъ васъ:
Какъ полнаа луна, въ величественный часъ
Всемірнаго уснокоснья,
Надъ спящею морской равниною взопла
И въ тихомъ блескѣ потекла
Среди священнаго небесъ уединенья!
Съ какою прелестью по дремлющимъ бре-
Со тьмою свѣтъ ея мѣшался, [гамъ
Какъ онъ съвозъ вѣтви липы на землю про-
бирался
И ярко въ темнотѣ свѣтился на корняхъ;
Какъ вы на камняхъ надъ водою
Сидѣли, трепетный подслушивая шумъ
Волны, дробимыя предъ вашею ногою,
И какъ толпы крылатыхъ думъ
Летали въ этотъ часъ надъ вашей головою...
Все это вижу я и видѣть не боюсь,
И даже въ пилюпку къ вамъ сажусь
Неустрашимою мечтою!
И мой безпечно взоръ летаетъ по волнамъ!
Любуюсь, какъ онѣ кругомъ руля играютъ,
Какъ прядаютъ лучи по зыбкимъ ихъ вер-
хамъ!
Какъ звучно веслами гребцы ихъ расши-
бають,
Какъ брызги легкія взлетаютъ жемчугомъ,
И, въ воздухѣ блеснувъ, въ падебы уга-
О, мой пріятный уголокъ! [саютъ!
Сей прелестью въ тебѣ я мирно усладился!
Меня мой геній спасъ. Графиня, страшный
рокъ
Неизбѣжимо бы со мною совершился
Въ тотъ часъ, какъ измѣнилъ невѣрный
вамъ платокъ!
Забывъ себя, за нимъ я кинулся бѣ въ
пучину
И утонулъ. И что жъ? Теперь бы вашъ
пѣвецъ
Пугалъ на днѣ морскомъ балладами Ундины,
И сонный дядя Студенецъ,
Склонивши голову на влажную подушку,
Звавъ бы, слушая Старушку!

Платокъ, спасенный мной въ подводной глѣ-
бинѣ,

Наводныхъ престелей не замѣнилъ бы мнѣ.
Пускай бы всякій часъ я могъ имъ любо-
ваться,

Но все бы о землѣ грустить исподтишка;
Платокъ вашъ очень милъ, но сами вы, при-
Милѣ вашего платка! [знаться,

Но только ль?.. Можетъ-быть, подводные на-
[Которые въ своей студеной глубинѣ [роды
Не зная перемѣнъ роскошныя природы,
Въ однообразіи, во скукѣ и во снѣ
Туманные проводятъ годы],

Въ моихъ рукахъ увидя вашъ платокъ,
Со всѣхъ сторонъ столпились бы въ кру-
жокъ

И стали бѣ моему сокровищу дивиться,
И вѣрно бѣ вздумали сокровище отнять!
Ая?. Чтобъ хитростью отъ силы защититься,
Чтобъ шуткой чудаковъ чешуйчатыхъ за-
нять,

Я вызвалъ бы ихъ всѣхъ играть со мною въ
жмурки,

Да самому себѣ глаза бѣ и завязалъ!
Такой бы выдумкой платокъ я удержалъ,
Да всѣ бы вдругъ моря мой вызовъ возбу-
вали!

Стеклось бы все ко мнѣ: изъ темныхъ конурки
Морской бы вышелъ ракъ, кобенясь на
кленяхъ;

Явился бы и китъ съ огромными усами,
И низкій крокодилъ въ узорныхъ чешу-
яхъ,

И выдра, и мокой, свергающій зубами,
И каракатицы, и устрицы съ сельдями,
Короче—весь морской содомъ!

И начали бѣ они кругомъ меня рѣзвиться
И щекотать меня, кто зубомъ, кто хвостомъ,
А я—чтобы съ моимъ сокровищемъ-плат-

На мигъ одинъ не разлучиться, [комъ
Чтобъ не досталось мнѣ глаза имъ завязать,
Ни каракатицѣ, ни раку, ни мокою—
Для вида только бы на нихъ махалъ рукою,
И не ловилъ бы ихъ, а только что пугалъ.
И такъ—теперь легко дойти до заключенья—

Я въ жмурки бы игралъ
До свѣтопреставленья;
И развѣ только въ часъ всѣхъ мертвыхъ
воскресенья.

Платокъ сорвавши съ глазъ, воскликнулъ
бы: поймалъ!

По счастью, жребій сей поэта миновалъ!
Платокъ вашъ странствуетъ по царству
Аквилона

Но знайте, для него не страшнѣ Аквилонъ,—
И сухъ и невредимъ на влагѣ будетъ онъ!
Вы сами знаете, поэта Аріона

Услужливый дельфинъ донесъ до береговъ,
И не воздвигнула съ жизнью пѣвца пучина!
И нынче влукъ того чудснаго дельфина
Лелѣтъ на спинѣ красу земныхъ платковъ!

Пусть буря бездны колыхаетъ,
Пусть рушить корабли и рветъ ихъ паруса,
Вокругъ него ея свирѣпость утихаетъ
Сквозъ тучи на него сіяютъ небеса

Благотворящей теплою;
Онъ скоро пышный Бельтъ покинетъ за
И скоро донесутъ покорные валы [собою.

Его до тѣхъ краевъ, гдѣ треснули скалы
Передъ могущею десницею Геркулеса,
Минуетъ онъ брега стариннаго Гадеса,
И—слушайте жъ, къ чему назначилъ тай-

ный рокъ,
Графиня, дивный вашъ платокъ!—
Благочестивая красавица принцесса,

Купалась на взморь въ лѣтній жаръ,
Его увидить, имъ плѣнится,
И ношу милую поднести прекрасной въ
даръ

Дельфинъ услужливый въ минуту согла-
сится.

Но здѣсь неясное предъ нами объяснися.
Натуралистъ Вомаръ

Въ учебномъ словарѣ ученыхъ увѣряетъ,
Что никогда дельфиновъ не бываетъ
У Петергофскихъ береговъ,

И что поэтому потерянныхъ платковъ
Никакъ не можетъ тамъ ловить спина дель-

И это въ самомъ дѣлѣ такъ! [фина!
Но знайте: нашъ дельфинъ вѣдь не дель-
финъ—башмакъ!

Тотъ самый, что въ Москвѣ графиня Ка-
терина
Петровна вздумала такъ важно утопить

При мнѣ въ большой придворной лужѣ!
По что же? Оттого дельфинъ совѣсьмъ не хуже,
Что счастье имѣлъ онъ башмакомъ служить
Ея сіятельству, и что угодно было

Так жестоко играть ей жизнью башмака!
 Предназначеніе судьбы его хранило!
 Башмакъ дельфиномъ сталъ для вашего
 платка!

Воротимся жъ къ платку. Вы слышали,
 Красавица, у береговъ Гадеса, [принцесса,
 купаея на взморьѣ въ лѣтній жаръ,
 Его получить отъ дельфина;
 Красавицу съ платкомъ умчить въ Алжиръ
 корсаръ;
 Продать ее нашѣ; наша назначить въ даръ
 Для императорова сына!
 А этотъ Деевъ сынъ — не варваръ, а герой,
 Душой Малекъ-Адель, учтивѣй Солимана;
 Принцесса же умомъ другая Роксолана
 И точь-въ-точь милая Матильда красотой!
 Не трудно угадать, чѣмъ это все рѣшится!
 Принцессой Деевъ сынъ плѣнится;
 Принцесса въ знакъ любви отдастъ ему пла-
 токъ;
 Руки жъ ему отдать она не согласится,
 Пока не будетъ имъ отвергнутъ Лжепророкъ,
 Пока онъ не крестится,
 Не сниметъ съ христіанъ невольничьихъ цѣ-
 И не предстанетъ ей [пей,
 Геройскою славою озаренный.
 Алжирскій витязь нашъ терять не станетъ
 Онъ вмигъ на все готовъ — [словъ:
 Крестился, иго снялъ невольничьихъ оковъ
 Съ несчастныхъ христіанъ, и крикнулъ
 кличъ военный!
 Платокъ красавицы, ко древку пригвож-
 денный,
 Сталъ гордымъ знаменемъ, предшествоую-
 щимъ въ бой!
 И Африка зажглась священной войной!
 Египеть, Фецъ, Марокъ, Стамбулъ, страны
 Востока —
 Все завоевано крестившимся вождемъ,
 И пала предъ его карающимъ мечомъ
 Имперія Пророка!
 И славлю совершивъ святой любви завѣтъ,
 Низриувъ алгари безумія во пламя
 И Вогу покоривъ весь мусульманскій свѣтъ,
 Спѣшитъ герой принести торжественное
 знамя,
 То есть платокъ, къ погамъ красавицы
 своей!
 И здѣсь легко намъ предугадать развязку:

Перевѣнчаются, велеть созвать гостей,
 Подымутъ пляску,
 И счастливой четѣ
 Воскликнуть: многи лѣта!
 А нашъ платокъ? Платокъ давно ужъ въ
 высотѣ!
 Взлетѣлъ на небеса и сдѣлался комета,
 Первостепенная въ сословіи кометъ!
 Ея вліяніе преобразуетъ свѣтъ!
 Увидимъ мы другія
 Благословенны времена!
 И будетъ на землѣ навѣтъ воцарена
 Премудрость — а сказать по-гречески: Софія!
 28—29 іюня, 1819 г. Павловскъ.

ЦВѢТЬ ЗАВѢТА.

Мой милый цвѣтъ, былинка полевая,
 Скорѣй покинь пріютъ твой луговой:
 Теперь тебя рука нашла родная;
 Доселѣ ты съ неизменною красотой
 Цвѣла въ тиши, очей не привлекая,
 И путника не радуя собой;
 Ты здѣсь была желанью непримѣтна,
 Чужда любви и сердцу безответна.

Но для меня твой видъ очарованье;
 Въ твоихъ листахъ вся жизнь минувшихъ
 лѣтъ;
 Въ нихъ милое цвѣтеть воспоминанье;
 Съ нихъ вѣетъ мнѣ давнишняго привѣтъ;
 Смотрю... и все, что мило, на свиданье
 Съ моею душой, къ тебѣ, родимый цвѣтъ,
 Воздушною слетѣлося толпою,
 И прошлое воскресло предо мною.

И всѣхъ друзей душа моя узнала...
 Но гдѣ жъ они? На мигъ съ путей земныхъ
 На сѣверъ мой мечта васъ прикликнула,
 Сопутниковъ младенчества родныхъ...
 Васъ жадная рука не удержала,
 И голосъ вашъ, плѣбивъ меня, затихъ.
 О, будь же вамъ замѣною свиданья
 Мой сѣверный цвѣтокъ воспоминанья!

Онъ вспомнитъ вамъ союза часъ священный,
 Онъ возвратитъ вамъ прощлы времена...
 О, сладкій часъ! о, вечеръ незабвенный!
 Какъ Божій рай, цвѣла тамъ сторона;
 Безоблаченъ былъ западъ озаренный,
 И евъжая на землю тишина,

Какъ ясное предчувствіе, сходилъ;
Природа вся съ душою говорила.

И къ намъ тогда, какъ гетій, прилетало
За пѣсню веселой старины,
Прекрасное, что пѣкогда бывало
Товарищемъ младенческой весны;
Отжившее намъ снова оживало;
Минувшихъ лѣтъ семьей окружены,
Все лучшее мы зрѣли настоящимъ;
И время намъ казалось нелетающимъ.

И *Вторая* была незримо съ нами...
Сія окрестъ волшебныя мѣста,
Сей тихій блескъ заката за горами,
Сія небесъ вечернихъ чистота,
Сей миръ души, согласный съ небесами,
Со всѣмъ была, какъ таинство, слита
Ея душа, присутствіемъ священнымъ,
Невидимымъ, но сердцемъ откровеннымъ.

И насъ *ея* любовь благословляла;
И ободрялъ на благо тихій гласъ...
Дуэля, тогда судьба еще молчала
О жребіяхъ, назначенныхъ для насъ;
Неизбранны, на дѣй *ея* фѣла
Они еще таились въ оный часъ;
Играли мы на тайномъ прагѣ свѣта...
Тогда былъ данъ вамъ мною *цвѣтъ завѣта*.

И гдѣ же вы?.. Разрозненъ кругъ нашъ тѣ-
Разлучена веселая семья; [цвѣтъ];
Изъ области младенчества прелестной
Разведены мы въ розныя края...
Но розно ль мы? Повсюду въ поднебесной,
О, вѣрные, далекіе друзья,
Прекрасная всѣхъ благъ земныхъ примѣта,
Для насъ цвѣтеть нашъ милый цвѣтъ за-
вѣта.

Изъ сѣверной, любовію избранной
И Промысломъ указанной страны,
Къ вамъ нынѣ шлю мой даръ обѣтованшій;
Да скажетъ онъ друзьямъ моей весны,
Что выналь мнѣ на часть удѣлъ желанный;
Что младости мечты совершены;
Что неволице довѣренность къ надеждѣ,
И что *теперь* плѣнительно, какъ *прежде*.

Да скажетъ онъ, что въ нашъ союзъ пре-
Еще одинъ товарищъ приведенъ... [красной]
На путь земной изъ люльки безонасной

Намъ подастъ младую руку онъ;
Его лицо невинностію ясно,
И жизнь надъ нимъ какъ легкой вѣсть сонъ;
Безпечному предавъ его веселью,
Судьба молчитъ надъ тихой колыбелью.

Но сладостнымъ предчувствіемъ тѣснитъ
На сердце мнѣ грядущаго мечта:
Младенчества веселый сонъ промчится,
Разоблачатъ житейское лѣта,
Огнемъ души сей взоръ воспламенится,
И мужески созрѣетъ красота;
Дойдутъ къ нему возвышенныя вѣсти
О праотцахъ, о доблести, о чести...

О! да пойметъ онъ ихъ знаменованье,
И жизнь его да будетъ имъ вѣрна!
Да перейдетъ, какъ чистое преданье
Прекрасныхъ дѣлъ, въ другія времена!
Что бы ни было судьбы обѣтованье,
Лишь благомъ будь она освящена!..
Вы жъ, милые, товарища примите
И путь его земной благословите.

А ты, нашъ цвѣтъ, питомецъ скромный
Символь любви и жизни молодой, [луга,
Отъ сѣвера, отъ запада, отъ юга,
Летай къ друзьямъ желанію молвой;
Будь голосомъ, привѣтствующимъ друга;
Посоль души, внимаемый душой,
О, вѣрный цвѣтъ, безъ словъ бесѣдуй съ
О томъ, чего не выразить словами. [нами

ОТВѢТЫ НА ВОПРОСЫ ВЪ ИГРѢ, НАЗЫВАЕМОЙ СЕКРЕТАРЬ.

I. *Звѣзда и корабль.*

Звѣзда небесъ—плыветъ пучиною небесной,
Пучиною бурныхъ волнъ—земной корабль,
плыветъ!
Кто по небу ведетъ звѣзду,—намъ неиз-
вѣстно;
Но по морю корабль—звѣзда небесъ ведетъ!

II. *Быкъ и Роза.*

Задача трудная для бѣднаго поэта:
У розы иглы есть, рога есть у быка.
Вотъ сходство. Разница жъ: легко любви рука
Совѣтъ изъ розъ букетъ для милаго пред-
мета;
А изъ быковъ никакъ нельзя связать букета!

бя превосходительству, Варварѣ Павловнѣ
Ушаковой, ихъ сиятельствамъ, Графинѣ
Самойловой, Графинѣ Шуваловой, княжнѣ
Козловской и княжнѣ Волконской, отъ
пѣ котораго жалкаго стихотворца прошеніе.

Большой, покинутый поэтъ
Напомнить о себѣ дерзаетъ.
Шесть дней, похожихъ на шесть лѣтъ,
Болѣзнь упрямая мѣшаетъ
За царскимъ быть ему столомъ.
Онъ лакомка, какъ все поэты;
Но Эскулаповымъ жрецомъ
Запрещены ему конфеты;
Зато позволены плоды.
Увы! съ прошедшей середи
Въ глаза онъ не видалъ клубники,
И только запахъ земляники
Дразнилъ его унылый носъ.
А анелсинъ? а абрикосъ?
Онъ ихъ теперь и не узнаетъ!
Итакъ, смиренно умоляетъ
Изъ душевой гошпитали онъ
Варвару Павловну, княженъ,
Графинь, здоровья имъ желая,
Вздохнуть объ участи его,
Да и прислать того-сего
Изъ царскаго земного рая:
Десятокъ вишенъ въ *банмакъ*,
Клубники въ *посовомъ платкъ*,
Малины въ *лайковой перчаткѣ*,
И просто на тарелкѣ сливъ.
Такую милость получивъ,
Укажетъ двери лихорадкѣ,
И мигомъ выльчится онъ.
Пускай искусенъ нашъ Крейтонъ—
Хвала и честь его латыни!—
Его достойно славить свѣтъ,
Но для поэта факультетъ
Теперь—дѣй: милыя графини,
Двѣ добродушныя княжны,
Варвара Павловна. Властны
Онъ одной своей подачкой,
На зло рецептамъ, побѣдитъ
Простуду съ желчною горячкой
И даже мертвыхъ воскресить!..

8 июля.

Гр. С. А. САМОЙЛОВОИ.

Ужъ думалъ я, что я забыть,
Что рѣмы жалкаго посланья
Не пробудили состраданья,
И что пора мнѣ за Коцитъ,
Сказавъ «прости» земному свѣту,
Гдѣ нѣтъ и жалости къ поэту!..
Съ тоски я потащился въ садъ,—
А скука прогнала назадъ;
Но подхожу къ дверямъ съ кручиной,
А у дверей ужъ радость ждетъ,
И съ очарованной корзиной
Мнѣ, улыбаясь, подаетъ
Здоровье, силы, вдохновенье!
Не думайте, чтобъ сновидѣнье
Сигуило такъ съ душой моею,
И чтобъ придворный вашъ лакей,
Отправленный съ корзиной вами,
Моими принять былъ глазами
За милую царицу фей,
За жизнедательную *радость!*
Нѣтъ! не обманчивая сладость
Мечты плѣнила душу мнѣ!
Могу ль такъ грубо обмануться?
Когда бъ случилось то во снѣ—
Я не подумалъ бы проснуться!
Сама богиня то была!
Сосудъ судьбы она дала
Мнѣ въ скромномъ образѣ корзины!
Въ задатокъ всехъ житейскихъ благъ,
Въ бумажкѣ свернуты, въ листахъ,
Въ пей золотые ашельены,
Яитарный, сочный виноградъ,
Душистыхъ абрикосовъ рядъ,
И ананасы съ земляничкой,
И сливы пухлыя съ клубничкой
Явились въ блескѣ предо мной!
Я принялъ трепетной рукой—
И мнилось, таинство судьбины
На дѣй лубочныя корзины
Разоблачилось для меня,
И жизнь ужъ стала не загадка!
О, ты, прелестная *перчатка*,
Тебя я знаю! ты родня
Перчатки той честолюбивой,
Которую поэтъ счастливой
Весной прошедшею, въ Кремлѣ,
Поймалъ на мраморномъ столѣ,

Когда, гордясь сама собою,
 И въ ссорѣ съ милою рукою,
 На волю рока отдана,
 Гаядълася въ зеркало она!
 А ты, *башмакъ*, ты братъ Дельфину!
 Отправивъ брата-близнеца
 За странникомъ-платкомъ въ пучину,
 Найди для странника-пѣвца
 На сушѣ вѣрную дорогу,
 Хотя и спитъ для красоты,
 Хотя ему не въ пору ты,
 Хотя пожмешь немного погу!
 Но какъ тебя назвать, *платокъ*?
 Какъ ты зашелъ въ мой уголокъ?
 Въ часъ добрый! гость, судьбою данный!
 Я знаю, тотъ непостоянный
 Платокъ-измѣнникъ и бѣглець,
 Не можетъ быть твоей роднею!
 Пускай сіяетъ онъ звѣздою,—
 Ты будь *моимъ*! тебѣ пѣвецъ
 Себя отнынѣ повѣряетъ!
 Когда онъ жизнью заскучаетъ,
 И мрачнымъ путь найдетъ земной—
 Лицо закроетъ онъ тобой;
 Подъ сей завѣсою чудесной
 Все станетъ вдругъ опять прелестно
 Для добровольнаго слѣпца!
 А все, что оскорбляетъ око,—
 Незримо будетъ и далеко
 Отъ кровопянаго лица!
 Когда жъ въ страну воображенья
 Сберется полетѣть поэтъ,
 А рюмъ и жаркихъ мыслей нѣтъ,
 И валы крылья вдохновенья—
 Тебя лишь только разостлать,
 Ты будешь коврикъ окрысенной,
 И можешь за предѣлъ вселенной
 Пѣвца и музу перемчатъ!

9 іюля.

* * *

Варвара Павловна, Элиза и Лизета,
 Не позабыла васъ вамъ вѣрная Анета!
 Плещеевъ здѣсь, и будетъ онъ готовъ
 Въ одиннадцать часовъ
 Исполнить вашу волю,
 То сестъ, вамъ прочесть, какъ должно,
 11 іюля. *вашу ролю.*

КЪ ГРАФИНѢ ШУВАЛОВОЙ.

[послѣ ея дебюта въ роли мертвеца].

Графиня, не забудьте слова,
 Оставьте маску мертвеца!
 Какая страшная обнова
 Для столь прелестнаго лица!
 Какъ паряжаться въ ваши лѣта,
 Съ такою милою красотою—
 По образцу другого свѣта,
 По страшной модѣ гробовой?
 Вчерашня, скажу вамъ, шутка
 Была разительный урокъ.
 Урокъ для сердца и разсудка!..
 И этотъ тихій уголокъ,
 Гдѣ предо мной, въ одно мгновенье,
 На мѣсто прелести молодой,
 Явилось грозное видѣнье,
 Унылый призракъ гробовой—
 Его я не забуду вѣчно.
 Нѣтъ! такъ шутить безчеловѣчно!
 И это будъ въ послѣдній разъ!
 Когда, оставивъ въ свѣтѣ насъ,
 Вы въ темноту ночную скрылись,
 Съ веселымъ прелести лицомъ—
 И вдругъ на насъ оборотились
 Изъ тмы ужаснымъ мертвецомъ,
 Певозлою сердце взволновалось,
 И въ быстрой перемѣнѣ сей
 Ему житейское сказалось
 Всей ненадежностью своею:
 «Какъ все желанное невѣрно!
 Какъ упованье лицемѣрно,
 Какъ счастья перемѣнивъ видъ!
 Душа ли вслѣдъ за нимъ порвется
 Оно лицомъ къ ней обернется,—
 И передъ ней мертвецъ стоитъ».
 Графиня! ваше превращенье
 Меня въ сей бросило испугъ;
 Но, вдругъ сразивъ воображенье,
 Оно жъ и ободрило вдругъ:
 И я забылъ свою ошибку,
 Когда веселую улыбку
 Вы отдали своимъ устамъ;
 Когда померкнувшимъ глазамъ
 Очаровательную маску
 Позволили изображать,
 Свободнѣи начали дышать
 И сняли привидѣнья маску.
 Графиня! будьте просто вы!

Забудьте странное искусство,
И—въ сердцѣ зарождая чувство,
Не убивайте головы...

МОЙЕРУ.

Счастливецъ! Ею ты любишь!
По будетъ ли она любима такъ тобою,
Какъ сердцемъ искреннимъ моимъ,
Какъ пламенной моею душою!

Возьми жъ ихъ отъ меня, и страстию своею
Достоинъ будь своей судьбы прекрасной!
Мнѣ жъ сердце и душа и жизнь и все
напрасно,
Когда всего нельзя отдать на жертву ей.

КЪ ЭММѢ.

[изъ шиллера].

Ты вдали, ты скрыто мглою,
Счастье милой старинны,
Неприступною звѣздою
Ты сияешь съ вышины!
Ахъ! звѣзды не привлекай!
Счастью бывшему не быть!

Если бѣ жадною рукою
Смерть тебя отъ насъ взяла,
Ты была бѣ моею тоскою,
Въ сердцѣ все бы ты жила!
Ты живешь въ сияньи дня,
Ты живешь не для меня.

То, что насъ одушевляло,
Эмма, какъ то пережить?
Эмма, то, что миновало,
Какъ тому любовью быть?
Небомъ въ сердцѣ зажжено,
Умираетъ ли оно?

ВЪ АЛББОМѢ ЖЕНЫ С. Н. ГЛИНКИ.

НА СМЕРТЬ КРЕСТИНКА.

Едва на мигъ одинъ судьба насъ по-
родила,
И вдругъ младенецъ нашъ, залогъ родства,
исчезъ!

Любовь Создателя его переселила
Съ пещерныя земли въ пріятный край
небесъ!

Воспоминаніемъ будь прошлое хранимо!

По рокъ... имъ править Божество!...
Для насъ же все еще осталось родство—
Въ утратѣ, дружбою дѣлимой

КЪ МИМОПРОЛЕТѢВШЕМУ ЗНАКОМУ ГЕНІЮ.

Скажи, кто ты, плѣнитель безвмиащій?
Съ какихъ небесъ примчался ты ко мнѣ?
Загнѣмъ опять влечешь къ обѣтованной,
Давно, давно повинutoй странѣ?

Не ты ли тотъ, который жизнь младую
Такъ сладостно мечтами усыплялъ,
И въ старину про гостя неземную—
Про милую надежду ей шепталъ?

Не ты ли тотъ, къѣмъ все во дни прекрасны
Такъ жило тамъ, въ счастливыхъ тѣхъ
краяхъ,
Гдѣ дугъ душисть, гдѣ воды свѣтло-ясны,
Гдѣ веселье день на чистыхъ небесахъ?

Не ты ль во грудь съ живымъ весны
дыханьемъ
Таинственной уныlostью влетаешь,
Ее тѣснилъ томительнымъ желаньемъ,
И трепетнымъ весельемъ волновалъ?

Поэзии священнымъ вдохновеньемъ
Не ты ль съ душой носился въ высоту,
Предъ ней горѣлъ божественнымъ ви-
Разоблачалъ ей жизни красоту? [дѣньемъ,

Въ часы утратъ, въ часы печали тайной,
Не ты ль всегда бесѣдой сердца былъ,
Его смирялъ утѣхою случайной
И тихою надеждою дѣлалъ?

И не тебѣ ль всегда она внимала
Въ чистѣйшія минуты бытія,
Когда судьбы святянною постигала,
Когда лишь Богъ свидѣтель былъ ея?

Какую жъ вѣсть принесъ ты, мой плѣни-
Или опять мечтой лишь поманишь, [тель?
И, прежнихъ думъ напрасный пробудитель,
О счастья шепнешь и замолчишь?

О, гений мой, побудь еще со мною;
Бывалый другъ, отлетомъ не снѣши;
Останься, будь мнѣ жизнью земною;
Будь ангеломъ-хранителемъ души.

ЖИЗНЬ.

[видѣнъ во снѣ].

Отуманенный потокомъ
Жизнь унылая плыла;
 Берегъ въ сумракѣ глубокомъ.
 На холодномъ небѣ мгла;
 Тьмою звѣзды обложило;
 Бури нѣтъ—одни туманы,
 И вдали роветь уныло
 Скрытый мглою океанъ.

Было время—былъ день ясный,
 Были ныни берега,
 Были рощи сладкогласны,
 Были зелены луга.
 И за ней виднѣя толпою
 Свѣтлокрылые друзья:
Юность легкая съ мечтою
 И живыхъ надеждъ семья.

Къ ней тѣснились, устлажали
 Мирный путь ея игрой,
 И надъ нею разстлали
 Благодушный парусъ свой.
 Къ ней *фантазія* летала
 Въ блескѣ радужныхъ лучей,
 И съ небесъ къ ней приближала
 Очарованныхъ гостей:

Вдохновеніе съ звѣздою
 Надъ возвышенной главою,
 И *гармону* съ молодою
Музою, гения сестрой;
 И она, ихъ внемля гнѣвъ,
 Засыпала въ тишинѣ,
 И ловила привидѣнья
 Счастья милого во снѣ!..

Все пропало, измѣнилось;
 Разстѣлися друзья;
 Въ безднѣ брошена унылой
 Одинокая ладья;
 Року странница попустуша,
 Не жалеетъ и не ждетъ,
 И прискорбно-равнодушна
 Въ безпредѣльное плыветъ.

Что же вдругъ затрещало
 Надъ поверхностью зыбей?
 Что же прелестно бывало
 Вдругъ пошвыло надъ ней?
 Легкой птичкой ветреленулся

Пробужденный вътерокъ;
 Сошный парусъ развернулся;
 Дрогнувъ руль; быстрый челнокъ.

Смотрить... ангеломъ прекраснымъ
 Кто-то свѣтлый прилетѣлъ,
 Улыбнулся, взоромъ яснымъ
 Подарилъ, и въ лодку сѣлъ;
 И зашѣлъ онъ пѣснь надежды;
Жизнь очнулася, ожила,
 И съ волненьемъ робки вѣжды
 На красавца подняла.

Видять... мрачность разстѣлася;
 Снова зеркальна вода;
 И привѣтно загорѣлася
 Въ небѣ яркая звѣзда;
 И въ нее проникла радость,
 Пржепей вѣры тишина,
 И какъ будто снова младость
 Съ уповаемъ отдана.

О, хранитель, небомъ данной!
 Ной, небесный, и ладей
 Правь ко пристани желанной
 За попутною звѣздой.
 Будь сѣнью, будь непастью;
 Будь, что надобно судбѣ;
 Все для *жизни* будетъ счастье,
 Добрый спутникъ, при тебѣ.

КЪ СТОЛЫПИНУ.

Вотъ вамъ, слуга Семиды вѣрный,
 Заняка съ просьбою усердной,
 Состряпать *маклерскій патентъ*,
 По просьбѣ жъ *Зепрева* смиренной,
 Здѣсь въ коннѣ вамъ приложенной.
 Неприхотливый мой кліентъ
 Получитъ все съ спмъ даромъ скромнымъ.
 Онъ съ маклерствомъ головоломнымъ
 Давно на опытѣ знакомъ;
 Онъ мѣщаниномъ былъ въ Вѣнѣ
 Или купцомъ; имѣлъ свой домъ
 И торговалъ. Но рокъ во гнѣвъ
 Судилъ кліенту моему
 Безжалостно проторговаться,
 Войти въ долги и взять суму,
 Чтобъ только съ честью остаться.
 Защитой будьте вы ему!
 Слуга закона правосудный,

Я знаю, согласить не труднѣ
 Для васъ съ достоинствомъ законъ.
 Прекрасный будетъ маклеръ онъ,
 Блѣвскому полезный свѣту.
 Судья, повѣрьте въ томъ поутѣ!
 При первомъ ходѣ на Парнасъ,
 Съ торжественнымъ вѣхъ зырѣ трезвономъ
 Передъ блаженнымъ Аполлономъ—
 Поставлю свѣчку я за васъ!

12 августа.

ПРАМАТЕРЬ ВНИЖЬ.

Мое дитя, со мною отъ кунези
 Твой первый шагъ жптейскій соверши;
 Твои глаза едва еще прозрѣли;
 Едва зажжешь огонь твоей души...
 Но ризою ты вѣлчальною ужъ одѣта,
 Обручена съ свщщеннымъ бытiемъ;
 Тебя несетъ праматерь къ прагу свѣта:
 Отвѣдать жизнь предъ вѣчнымъ алтаремъ.

Не чувствуя, не видя и не зная,
 Ты на моихъ поконишься рукахъ;
 И Благодать, младенчеству родная,
 Тебя принять готова въ сихъ вратахъ;
 Съ надеждою, съ трепещущимъ моленьемъ
 Я подхожу къ святымъ ихъ съ тобой:
 Тебя явить предъ вѣчнымъ Провидѣемъ,
 Его ругѣ повѣрить жребiй твой.

О, чаша судьбы! о, тихiй мой младенецъ!
 Пришедъ со мной къ предѣлу двухъ мировъ,
 Ты ждешь, земля недавнiй уроженецъ,
 Чтوبъ для тебя поднялся тотъ покровъ,
 За коимъ все, что вѣрно къ жизни нашей.
 Приступимъ... дверь для насъ отворена;
 Не трепещи предъ сою тайной чашей—
 Тебѣ несетъ небесное она.

Пей жизнь, дитя, изъ чаши Провидѣнья
 Съ младенчески-левиною душой;
 Мы предстоимъ святилицу спасенья,
 И здѣсь его ирестоль передъ тобой;
 Къ сей пристапи таинственно дорога
 Проложена сквозъ опытъ бытiя...
 О, новое дитя въ семействѣ Бога,
 Прекрасная отчизна здѣсь твоя.

Сюда иди новорно и смиренно
 Со всемъ, что жизнь тебѣ ни удѣлитъ;
 Небесному будь въ сердцѣ неизменно—

Небесное тебѣ не измѣнитъ.

Что ни придетъ съ незнаемья грядущимъ—

Все будетъ даръ хранительной руки;
 Мы на землѣ повсюду съ Вездѣсущимъ;
 Вездѣ къ нему душой недалеки.

Свершилось!.. Ты ль, посоль небесъ крм-
 латый,
 Исходишь къ ней въ таинственныхъ вратъ?
 Ты ль, Промысломъ назначенный вожатый,
 Земной сестрѣ небесной, вѣрный братъ?
 Прими жъ ее, божественный хранитель;
 Будь въ радости и въ скорби съ сей душой;
 Будь жизни ея утѣшный въяснитель
 И не покинь до родины святаю.

ЭЛИТАФИЯ МИМИ.

Въ могилѣ сей покоится Мими,
 Веселья природы гость мгновенной!
 Опъ образцомъ былъ дружбы неизмѣнной
 Межъ птицами и даже межъ людьми.

Пока былъ живъ товарищъ легкокрылый,
 Мими игралъ, и жизнь любилъ, и пѣлъ;
 Но вѣрный другъ изъ свѣта улетѣлъ—
 Мими за нимъ покинуть свѣтъ постылый.

Покойся жъ здѣсь, памятенный цѣ-
 вецъ!
 Намъ доказалъ нежданнiй твой конецъ,
 Что безъ любви—могила жизни краше,
 Что наша жизнь ланитъ тамъ, гдѣ сердце наше.
 23 августа.

ГРАФИНЬ С. А. САМОЙЛОВОЙ.

I.

Напрасно я мечтою льстился,
 Напрасно я вчера просился,
 Графиня, къ вамъ, поздравить васъ!
 Что въ поздравленiи, вы сказали,
 И холодно мнѣ отказали—
 Благодарю и за отказъ!
 Не до меня вамъ—вы съ гостями!
 Я знаю, повидаться съ вами
 Теперь небесные приими
 Очарователи земли,
 Васъ пощипавше и прежде!
 Любовь и отра—благодаръ,
 Подруга молодой надеждѣ,

И мудрость, милая ихъ мать,
 Вамъ давшая свое названье,
 И васъ парекпая *своей!*
 Я ваше не дерзну вниманье
 Отвлечь отъ свѣтлыхъ сихъ гостей;
 А развѣ тайное желанье
 Шешну вамъ издали душой!
 И въ немъ вамъ нужды нѣтъ, я знаю!
 Но я вамъ благъ земныхъ желаю,
 Какъ вѣрный, вшедшій въ храмъ святой,
 На жертвенникѣ Провидѣнья
 Приноситъ тѣнлыя моления
 Не для небесъ, а для себя;
 Моляся душу возвышаетъ,
 И все въ молитвѣ заключаетъ,
 И мыслъ награды истребятъ!
 И кто же запретитъ мнѣ сладость
 Жить съ вашимъ благомъ, какъ съ мечтой,
 Души сонутницей родной,
 Желать, чтобъ все, что ваша младость
 Такъ обѣщаетъ намъ, сбылось,
 Чтобъ счастье жизни вамъ далось
 Достойнымъ васъ и неизмѣннымъ,
 Не тѣмъ ничтожнымъ и пустымъ
 Разебѣнно-обыкновеннымъ,
 Которое такъ часто зримъ
 Желаній вѣтренихъ предметомъ,
 Которое—одинъ обманъ,
 Къ молитвамъ хладный истуканъ,
 Волице боготворимый свѣтомъ!
 Кто вашу душу прочиталъ,
 Тотъ сердца тайнымъ уюваньемъ
 Иное счастье вамъ создалъ;
 Тому любезнѣйшимъ желаньемъ
 Сія прекрасная мечта,
 И ободряющей звѣздой
 Сіяетъ надъ его тропею
 Любимой жизни красота!
 Васъ небо, вѣрнѣе, отличило!
 Оно подаромъ отворило
 Вамъ область опыта, сей свѣтъ!
Прекраснаго въ семь мѣръ нѣтъ:
 Въ него прекрасное съ собою
 Мы вносимъ съ нашимъ бытиемъ!
 Мы лишь въ себѣ его найдемъ!
 О, ваше сердце вѣрно встрѣтитъ
 Прямую прелесть жизни сей,
 И рядъ веселыхъ фонарей
 Дорогу вашу всю освѣтитъ!

Пусть друга-ангела рука
 Ихъ зажигаетъ передъ вами!
 А я, хотя издалека
 За вами слѣдую глазами,
 Васъ буду сердцемъ провожать,
 И благодарно ихъ считать!

17 сентября.

II.

Вчера я васъ не убѣдилъ
 Своею прозою убогой;
 Съ холодностью внимали строгой
 Вы все, что я ни говорилъ.
 Не знаю, быть краспорѣчивымъ,
 Умѣлъ ли бѣ Цицеронъ при васъ;
 Но только знаю, что подчасъ
 Хотя и радъ бы стать болтливимъ,
 Но все растеряны слова,
 И бродитъ кругомъ голова!
 Но дѣло не о томъ—стихами
 Позвольте то мнѣ повторить,
 О чемъ ужъ я дерзнулъ просить
 Васъ прозы скучными словами.
 Вотъ самый вѣрный вамъ разсказъ:
 На этихъ дняхъ—въ послѣдній разъ,
 Когда изъ Павловскаго сада
 Такъ быстро я перескочилъ
 На мостовую Петрограда,
 Когда я въ Петербургѣ былъ—
 Я шелъ Фонтажкой, въ размышленнѣ,
 И ваше божество, *забвенье,*
 Вашъ вѣрный, неразлучный другъ,
 Нешло, къ несчастію, со мною;
 Я былъ одинъ, или съ мечтою
 Вдвоемъ—не помню! только вдругъ,
 У Семіоновскаго моста
 Служившій Марса молодой,
 Приятный, небольшого роста,
 Съ лицомъ, блестящимъ остротой,
 Въ измайловскомъ мушкетерѣ, словомъ—
 Черкасовъ встрѣтился со мной;
 И вижу я, что подъ покровомъ
 Его веселости живой
 Какъ будто грустное таилось!
 Онъ руку дружески мнѣ далъ;
 И слово-за-слово открылось
 Мнѣ то, что взоръ мой угадалъ!
 Увы! по виду онъ виною
 Тяжелую обремененъ,

Но вправду—виновать ли оны?
 Зачѣмъ коварною судьбою
 Ему былъ тотъ альбомъ врученъ,
 Который въ своей рукою
 Весь потрудились исписать?
 Его ужасно въ руки брать!
 Волшебство—каждая тамъ строчка!
 Тамъ каждая въ линейкахъ точка
 Коварнымъ хвостикомъ своимъ,
 Какъ талисманъ, оборочааетъ.
 И сердцу глазъ тотъ повторяетъ,
 Который, разъ бывъ слышенъ имъ,
 Съ нимъ познакомитъ вдохновенъ,
 И раззнакомитъ съ нимъ—*забвенье!*
 Чѣмъ виновать Черкасовъ мой?
 Повѣрьте, долго оны еражался
 Съ неизбежною судьбой,
 И ей бы, вѣрно, не поддавался,
 Когда бы не поддаваться могъ!
 Враждующій какой-то богъ
 Его невольно въ преступленье
 Увлекъ. Отвергнувъ подозрѣнье,
 Сестръъ любезной въ угожденье,
 Неосторожнымъ оны перомъ
 Вань перенесивалъ альбомъ!
 А рядомъ съ нимъ мечта сидѣла,
 И *монотомъ* по нотахъ пѣла
 Все то, что *вслухъ* пѣвали вы!
 И сердце слушало невольно!
 А сердца слишкомъ ужъ довольно
 Для погрѣшенъ головы!
 Ему всегда побѣда въ спорѣ
 Съ нахрапно-гордой головой:
 Но что жъ, когда еще съ судьбой
 Она въ коварномъ заговорѣ?
 Неосторожный витязъ мой,
 Заявившея милой перешеской,
 Не могъ бѣды замѣтить близкой
 И лишь тогда ее узналъ,
 Когда ея добычей сталъ!
 Судьбы постигнувши коварство,
 Оны вздумалъ, что найдетъ лѣкарство
 Отъ яда, выпитаго имъ,
 Въ сообществѣ съ подругой думы,
 Которою часы угрюмы
 Такъ часто мы животворимъ,
 Которой дѣйствіе чудесно,
 Которая въ досужный часъ
 Приводитъ непримѣтно насъ

Къ пріятному samozабвению,
 Насъ покоряетъ размышленію
 И намъ, обманутымъ тщетою,
 Тщеты обманчивость являетъ—
 И призракъ, узанный душой,
 Съ летучимъ дымомъ исчезаетъ;
 Короче—въ помощь слабыхъ силъ,
 Советамъ разтросенныхъ борьбою
 Съ необорною судьбою,
 Черкасовъ трубку закурилъ!
 Судьба того-то и желала!
 Коварная очаровала
 Непостоянный трубки дымъ!
 Все мысли вдругъ слялися съ нимъ!
 Какъ легкій геній, подымался
 Оны надъ сверкающимъ огнемъ—
 И милый образъ отражался
 Душѣ обрадованной въ немъ!
 И вмѣстѣ съ нимъ душа летала,
 И, съ нимъ летая, прилипла
 Къ тѣмъ очарованнымъ листамъ,
 Которыхъ видъ, очамъ опасной,
 Ее плѣнилъ такъ самовластно...
 Она съ нимъ и осталась тамъ!
 И такъ, судьбою побѣжденный,
 Черкасовъ, вамъ боясь отдать
 Альбомъ вань, дымомъ окуренный,
 Опять для васъ перенесалъ
 Его своей рукою рѣшился!
 Ужель напрасно оны трудился?
 Графиня! Умоляю васъ:
 Не требуйте оригинала!
 Его судьба ужъ наказала!
 Къ тому жъ—сказать бы въ добрый часъ!
 То въ первый и въ послѣдній разъ!

5 октября.

III.

Графиня, будьте вы спокойны!
 Счастливицы—рыцари, которыхъ жребій васъ.
 Такъ вѣжко занималъ, здоровы въ добрый
 И быть здоровыми достойны [часъ,
 За то, что въ васъ могли участие возбудить!
 Пріятно умереть, слыхалъ я, на дуэли!
 Но тотъ, о комъ бы вы съ минуту пожалѣли,
 Тотъ будетъ жизнью дорожить.

УТРО НА ГОРЬ.

Взошла заря. Дыханіемъ пріятнымъ
Сманила сонъ съ моихъ она очей;
Изъ хижины за гостемъ благодатнымъ
Я восходить на верхъ горы моей:
Жемчугъ росы по травкамъ ароматнымъ
Уже блистаетъ младымъ огнемъ лучей,
И день взлетѣть, какъ геній свѣтлокрылой!
И жизнью все живому сердцу было.

Я восходилъ; вдругъ тихо закурился
Туманный дымъ въ долину паде рѣкой;
Густѣлъ, рѣдѣлъ, тянулся и клубился,
И вдругъ взлетѣлъ крылатый падо мной,
И яркій дещъ съ нимъ въ бѣдный сум-
ракъ слился.

Задернулась окрестность пеленой.
И, влажную пустыней окруженный,
Я въ облакахъ печезъ удивенный...

27 ноября.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ И ПОСЕЛЯНКА.

(изъ гете).

Путешественникъ.

Благослови Господь
Тебя, младая мать,
И тихаго младенца,
Припикаюга къ груди твоей;
Здѣсь подь скалою,
Въ тѣни оливъ твоихъ пріютныхъ,
Сложивши ношу, отдохну
Отъ зноя близъ тебя

Поселянка.

Скажи мнѣ, странникъ,
Куда въ налицій зноѣ
Ты пыльною идешь дорогой?
Товары ль городскіе
Разпосишь по селеньямъ?

Ты улыбнулся, странникъ,
На мой вопросъ.

Путешественникъ.

Товаровъ нѣтъ со мной.
Но вечеръ холодѣтъ;
Скажи мнѣ, поселянка,
Гдѣ тотъ ручей,
Въ которомъ жажду утоляешь?

Поселянка.

Взойди на верхъ горы;
Въ кустарникъ, тропинкой

Ты мимо хижины пройдеши,
Въ которой я живу;
Тамъ близко и студеный ключъ,
Въ которомъ жажду утоляю.

Путешественникъ.

Слѣды создательной руки
Въ кустахъ передо мной;
Не ты еи образовала камни,
Обильно-щедрая природа.

Поселянка.

Иди впередъ.

Путешественникъ.

Покрытый мохомъ архигравъ,
Я узнаю тебя, творщицѣй геній;
Твоя печать на этихъ минеральныхъ камняхъ.

Поселянка.

Все далѣ, странникъ.

Путешественникъ.

И надпись подь моею ногою;
Ее затерло время:

Ты удалилось,
Глубоко-връзанное слово,
Рукой творца въ моему камню
Напрасно вѣтренный свидѣтель
Минувшаго богопочтенья.

Поселянка.

Дивишься, странникъ,
Ты этимъ камнями?
Подобныхъ много
Близъ хижины моей.

Путешественникъ.

Гдѣ? гдѣ?

Поселянка.

Тамъ, на вершинѣ,
Въ кустахъ.

Путешественникъ.

Что вижу? Музы и маршруты.
Поселянка.

То хижина моя.

Путешественникъ

Обломки храма.

Поселянка.

Вблизи бѣжить
И ключъ студеный,
Въ которомъ воду мы беремъ.

Путешественникъ.

Не умпрая, вѣдешь
Ты надъ своею могилкой,
О, геній; надъ тобою

Обрушилось во прахъ
Твое прекрасное созданье...
А ты безсмертенъ.

Поселянка.

Помедли, странникъ, я подамъ
Кувшинъ, напишься изъ ручья.

Путешественникъ.

И плющъ обвѣсилъ
Твой ликъ, божественно-прекрасный.
Какъ величаво
Надъ этой грудю обломковъ
Возносится чета столбовъ.
А здѣсь ихъ одинокій братъ.
О, какъ они—

Въ печальный мохъ одѣвъ главы свя-
Скорбя величественно, смотреть [щениы—

На раздробленныхъ
У ногъ ихъ братиѣ;
Въ тѣни виноградниковъ зеленыхъ,

Подъ камнями, подъ прахомъ
Лежать они, и вѣтеръ

Травой надъ ними шевелить.
Какъ мало дорожишь, природа,

Ты лучшаго созданья своего
Прекраснѣйшимъ созданьемъ!

Сама свитилнице свое
Безчувственно ты раздробила,
И тернъ носила на немъ.

Поселянка.

Какъ спать младенецъ мой.
Войдешь ли, странникъ,

Ты въ хижину мою,
Иль здѣсь, на волѣ отдохнешь?

Прохладно. Подержи дитя;
А я кувшинъ водою напою.

Спи, мой малютка, спи.

Путешественникъ.

Прекрасенъ твой покой...
Какъ тихо дышетъ онъ,

Исполненный небесаго здоровья.
Ты, на святыхъ остаткахъ

Минушаго рожденный,
О, будь съ тобой его великій гени!

Кого превозить онъ,
Тотъ въ сладкомъ чувствѣ бытія

Земную жизнь вкушаетъ.

Цвѣти жъ надеждой,
Весенній цвѣтъ прекрасный;

Когда же отцвѣтешь,

Созрѣй на солнцѣ благодатномъ,
И дай богатый плодъ.

Поселянка.

Услышь тебя Господь!.. А онъ все слытъ.
Вотъ, странникъ, чистая вода

И хлѣбъ, даръ скудный, по отъ сердца.

Путешественникъ.

Благодарю тебя.
Какъ все цвѣтеть кругомъ

И живо зеленѣеть!

Поселянка.

Мой мужъ придетъ
Черезъ минуту съ поля

Домой; остаешься, странникъ,
И ужинъ съ нами раздѣли.

Путешественникъ.

Жилище ваше здѣсь?

Поселянка.

Здѣсь, близко этихъ стѣнъ
Отецъ памъ хижину построилъ

Изъ кирпичей и каменныхъ обломковъ.
Мы въ ней и поселились.

Меня за сахара онъ выдалъ
И умеръ на рукахъ у насъ...

Проснулся ты, мое дитя?

Какъ веселъ онъ! какъ онъ играетъ!
О, милый!

Путешественникъ.

О, вѣщный сѣятель, природа,
Даруешь вѣмъ ты сладостную жизнь;

Всѣхъ чадъ своихъ, любя, ты надѣлила
Наслѣдствомъ хижины пріютной.

Высоко на карнизѣ храма

Сидится ласточка, не зная,
Чье пыльное созданье застилаеть,

Лѣля свое гнѣздо.

Червякъ, заткавъ живую вѣтку,
Готовитъ зимнее жилище

Своей семьѣ.

А ты среди великихъ

Минушаго развалишь

Для нуждъ своихъ житейскихъ

Шалаши свой ставишь, человекъ,

И счастливъ надъ гробами.

Прости, младая поселянка.

Поселянка.

Уходишь, странникъ?

Путешественникъ.

Да Богъ благословить
Тебя и твоего младенца!

Поселянка.

Прости же, добрый путь.

Путешественникъ.

Скажи, куда ведетъ
Дорога этою горою?

Поселянка.

Дорога эта въ Кумыл.

Путешественникъ.

Далекъ ли путь?

Поселянка.

Три добрыхъ миль.

Путешественникъ.

Прости.

О, будь моимъ вождемъ, природа;
Направь мой страннической путь;
Здѣсь, надъ гробами
Священной древности, скитаюсь;
Дай мнѣ найти приютъ,
Отъ хладовъ сѣвера закрытый,
Чтобъ зной полдневный
Тополевая роща
Веселой сѣнью отъбывала.
Когда жъ въ вечерній часъ
Усталый возвращусь
Подъ кровъ домашній,
Лучомъ заката позлащенный:
Чтобъ на порогъ моихъ дверей
Ко мнѣ навстрѣчу вышла
Подобно милая подруга
Съ младенцемъ на рукахъ.

УЗНИКЪ.

БАЛЛАДА.

«За днѣми дни идутъ, идутъ...
«Напрасно;
«Они свободы не ведутъ
«Прекрасной;
«О пей тоскую и молюсь,
«Ее зову, не дозовусь.
«Смотрю въ высокое око
«Темницы:
«Все небо свѣтомъ зажжено
«Денницы;
«На свѣжихъ крыльяхъ вѣтерка
«Летаютъ волны облака.

«И такъ все блага замѣнить

«Моглой;

«И бросить свѣтъ, когда въ немъ жить

«Такъ мило;

«Ахъ! дайте въ свѣтъ подышать;

«Еще мнѣ рано умирать.

«Лишь мигъ веселиемъ бытиемъ

«Жила я;

«Лишь мигъ на праздникъ земномъ

«Была я;

«Душа готовилась любить...

«И все покнучить, все забыть!»

Такъ голосъ заунывный глѣлъ
Въ темницѣ...

И сердце юнона летѣлъ

Къ пѣвицѣ.

По оупъ въ неволѣ, какъ она;

Межъ ними хладная стѣна.

И тѣсно съ пей оупъ разлученъ

Стѣною:

Невидящую знаетъ оупъ

Душою;

И мысль о пей и день и ночь

Отъ сердца не отходитъ прочь.

Все видитъ оупъ: во тьмѣ она

Тюремной

Сидитъ, раздумью предана,

Взоръ томной;

Младенчески прекрасенъ видъ;

И слезы падаютъ съ ланитъ.

И ночью, забывая сонъ,

Въ мечтаньѣ,

Ея подслушиваетъ оупъ

Дыханье;

И на устахъ его горитъ

Огонь ея молодыхъ ланитъ.

Таясь, страданія одиѣ

Дѣлать съ пей,

Въ одной темничной глубинѣ

Молить съ пей

Согласной думой и тоской

Отъ неба участи одной—

Вотъ жизнь его: другой не ждетъ

Оупъ доли;

Оупъ, равнодушный, не зоветъ

И воли:

Съ ней розно въ свѣтъ жизни итъ;,
Прекраснѣ только ея свѣтъ.

«Не ты ль—опъ мнитъ—давно была
Любима?»

И не тебя ль душа звала,
Томима

Желанья смутнаго тоской,
Волненьемъ жизни молодой?

«Тебя въ пророчественомъ снѣ
Видалъ я;

Тобою въ пламенной веснѣ
Дышалъ я;

Ты мнѣ цвѣла въ живыхъ цвѣтахъ;
Твой образъ вѣялъ въ облакахъ.

«Когда же сердце ясный взоръ
Твой встрѣтитъ?»

Когда, разрушивъ сей затворъ,
Освѣтитъ

Свобода жизнь вдвоемъ для насъ?
Лети, лети, желанный часъ.»

Напрасно; часъ не прилетѣлъ
Желанный;

Другой Создателемъ удѣлъ
Избранный

Достался узницѣ млодой—
Небесно-тайный, не земной.

Разъ слышитъ онъ: затворовъ громъ,
Рыданье,

Звукъ цѣпи, голоса... потомъ
Молчанье...

И ужасъ грудь его томитъ—
И тѣтно ждетъ опъ... все молчитъ.

Увы! удѣлъ его рѣшень...
Угрюмый,

Навѣкъ грядущаго лишень,
Всѣ думы

За ней онъ въ гробъ переселилъ,
И молитъ рокъ, чтобъ посѣлшилъ...

Однажды—только занялаъ
Денница—

Его со ступомъ расперлаъ
Темница.

«О радость! (мнитъ онъ) скоро къ пей!»
И что жъ?... Свобода у дверей.

Но хладно принялъ онъ привѣтъ
Свободы:

Прекраснаго ужъ въ міръ итъ;
Дни, годы

Напрасно будутъ проходить...
Погибшаго не возвратитъ.

Ахъ! слово милое о ней
Кто скажетъ?

Кто слѣдъ ея забытыхъ дней
Укажетъ?

Кто знаетъ, гдѣ она цвѣла?
Гдѣ тотъ, кого *своимъ* звала?

И итъ ему въ семьѣ родной
Улады;

Задумчивъ, грустїю иѣмой
Онъ взгляды

Сердечные встрѣчаютъ ихъ;
Онъ въ людствѣ сумраченъ и тихъ.

Пастанетъ день—ни съ мѣста онъ;
Безгласный,

Душой въ мечтанье погруженъ,
Взоръ страстный

Исполненъ смутнаго огня,
Стоитъ онъ, голову склопя.

Но тихо въ сумракѣ ночей
Онъ бродитъ,

И съ неба темнаго очей
Не сводитъ:

Звѣзда знакома тамъ етъ;
Она къ нему приноситъ вѣсть...

О миломъ вѣсть и въ міръ иной
Призванье...

И дѣлитъ съ тайной онъ звѣздой
Страданье;

Ея краса оживлена:
Ему въ ней свѣтится *она*.

Онъ таялъ, гаснулъ, и угасъ...
И миалось,

Что вдругъ предъ нимъ въ послѣдній часъ
Явилось

Все то, чего душа ждала,
И жизнь въ улыбкѣ отошла.

ЦЕИКСЪ И ГАЛЬЦОНА.

отрывокъ изъ овидевыхъ превращеній.
Цейксъ, тревожимый ужасомъ тайныхъ,
чудеспыхъ видѣній,
Былъ готовъ испытать прорицанье Кла-
рийскаго бога—

Въ Дельфы же путь заграждали Форбасть
 и дружины Флегіант.
 Онъ приходитъ къ своей Гальціонѣ, вѣр-
 ной супругѣ,
 Ей сказать о разлукѣ... сказала... ужа-
 спулась и хладомъ
 Грудь облилася, блѣдность ланиты покрыла,
 слезами
 Очи затмилися, трикраты отвѣтъ начи-
 нала—трикраты
 Скванннй горемъ языкъ измѣпялъ; на-
 конецъ возониза,
 Частымъ рыданіемъ томно-печальную рѣчь
 прерывая:
 «Милый супругъ мой, какою виной отъ
 себя удалила
 «Я твое сердце? Ужели не стало въ немъ
 прежней любви?
 «Ты равнодушно теперь покидаешь свою
 Гальціону;
 «Путь выбираешь дальнѣйшій; я ужь
 мнѣй въ отдаленнн.
 «Странствуи ты по землѣ—тогда бы сердце
 не знало
 «Страха въ печали, была бы тоска безъ
 заботы... но моря,
 «Моря страшусь; ужасаетъ печальная
 мрачность пучины;
 «Волны—я зрѣла вчера—корабельны об-
 ломки носили;
 «Здѣсь не разъ на гробницахъ пустыхъ
 имена я читала.
 «Другъ, не вѣрнйся надеждѣ безстраш-
 наго сердца; не льстися
 «Дружбой родителя, бога Золъ, могущаго
 силу
 «Вѣтровъ смирять и море по волѣ му-
 тить и поконть.
 «Разъ овладѣвши волнами, раскованны
 вѣтры не знаютъ
 «Буйству границъ; и земля и моря имъ
 покорны; сноплютъ
 «Тучи на небо и страшнымъ огнемъ за-
 жигаютъ ихъ нѣдра.
 «Ахъ! чѣмъ болѣ ихъ знаю (а знать ихъ
 должна; я младенцемъ
 «Часто въ жилищѣ отца ихъ видала),
 тѣмъ болѣ страшусь ихъ.

«Если жъ ни просьбы, ни слезы мои надъ
 тобою не властны,
 «Если ужъ въ море далекое должно, должно
 пускаться.
 «Другъ, возьми съ собою меня: мы раз-
 дѣлимъ судьбину;
 «Зная, чѣмъ стражду, менѣ буду стра-
 дать; что ни вѣтрнмъ,
 «Вес заодно; безъ разлуки невѣрнымъ
 волнамъ предадимся».
 Тронутый жалобной рѣчью супруги, сынъ
 Люциферовъ
 Долго безмолвствовалъ, въ сердцѣ тая глу-
 бокое горе.
 Но постоянный въ желаніи, онъ ввѣрнть
 своей Гальціоны
 Выѣтъ съ собой произволу опаснаго моря
 не смѣетъ.
 Хочетъ ее убѣдить ободрительнымъ сло-
 вомъ... напрасно!
 Нѣтъ убѣжденья печальной душѣ. Нако-
 пецъ, онъ сказалъ ей:
 «Долго разлука и краткая длится; по я
 Люциферомъ
 «Свѣтлымъ клянусь возвратиться, если
 допущитъ судьбина,
 «Прежде чѣмъ дважды луна въ небесахъ
 совершится уснѣтъ.»
 Симъ обѣтомъ надежду на екорый воз-
 вратъ ожививши,
 Онъ повелѣлъ спустить на волны ладью
 и не медля
 Снасти устроить и все приготовить къ да-
 лекому бѣгу.
 Видитъ ладью Гальціона и, вѣщей душой
 предузнавши
 Будущій рокъ, содрогнулася, слезы ручь-
 емъ полилися;
 Нѣжно прижалась къ супругу лицомъ
 безнадежно печальнымъ;
 Томно шепнула: прости!—и пала безъ чув-
 ства на брегъ.
 Медлить унылый супругъ; но пловцы ужъ
 рядами взмахнули
 Весла, прижавъ ихъ къ могучимъ гру-
 дямъ, и согласнымъ ударомъ
 Вспѣшили влагу. Тронулось судно. Она
 отворпла

Влажные очи, и видеть его у кормы...
 Знакомъ прощальнымъ руки оль посажд-
 ній привѣтъ посылаетъ;
 Тѣмъ же знакомъ она отвѣчала. Далѣ и далѣ
 Берегъ уходитъ, и очи лица распознать
 ужь не могутъ;
 Долго, долго преслѣдуетъ взоромъ бѣгущее
 судно;
 Но когда и оно въ отдаленнѣ простран-
 ства пропало,
 Силится взоромъ поймать на мачтѣ играю-
 щій парусъ;
 Скоро и парусъ пропалъ. И безмолвно въ
 чертогъ опустѣлый
 Тихо пошла Галліона и пала на одръ
 одинокій...
 Ахъ! и чертогъ опустѣлый, и одръ, и все
 раздражало
 Грустное сердце, твердя о далеко-пльву-
 щемъ супругѣ.
 Судно бѣлится. Вдругъ вѣтеръ шатнулъ
 неподвижныя верви;
 Праздныя весла къ бокамъ ладіи при-
 слонивъ, корабельщикъ
 Волю дая парусамъ и пустилъ ихъ сво-
 бодно по мачтѣ:
 Полные вѣтромъ попутнымъ, шумя, па-
 руса натянулись.
 Море браздя, половину пути ужь ладья
 совершила;
 Берегъ повсюду равно отдаленъ, повсюду
 невидимъ.
 Вдругъ, передъ ночью, надулся волны,
 море бѣлеть;
 Сильный порывистый вѣтеръ внезапно
 ударилъ отъ юга.
 «Свить паруса!» возопилъ ужаснувшійся
 кормщикъ... напрасно!
 Вѣтра могучій порывъ немѣшалъ пове-
 лѣнье исполнить;
 Шумомъ ревущей волны заглушило не-
 внятное слово.
 Сами гребцы на работу бѣгутъ; одинъ
 убираетъ
 Весла, другой чинитъ расколотившійся боекъ,
 тотъ исторгнуть
 Силится парусъ у вѣтра; а тотъ изъ ладіи
 выливая

Въ трещины боющую воду, волны вол-
 намъ возвращается.
 Все въ безпорядкѣ, а буря грознѣй и
 грознѣй; отовсюду
 Вѣтры, слетаяся, бьются, и море, взды-
 маяся, воетъ;
 Кормщикъ бодрость утрагивая, и самъ,
 признавая опасность,
 Гдѣ они, что имъ начать, отъ чего осте-
 речься, не знаетъ.
 Властвуетъ буря, ничтожны предъ нею
 искусство и опытъ;
 Вихорь, волны гребцовъ, скрипѣнье спа-
 стей, непрерывный
 Плескъ отшибаемыхъ волнъ и громъ ото-
 всюду... ужасно!
 Воды буграми, и море то вдругъ до са-
 маго неба
 Рвется допрыгнуть и темныя тучи волнамъ
 обрызгать;
 То, подымая желтый песокъ изъ глубокія
 бездны,
 Мутно желтѣетъ; то вдругъ чернѣе сти-
 гійскія влаги;
 То, онадая и пѣной шипящей разбившись,
 бѣлѣтъ.
 Мчится трахинское легкое судно играли-
 щемъ бури;
 Вдругъ возлетитъ и какъ будто съ уте-
 систой горной стремнины
 Смотрять въ глубокій доль, въ глубокую
 между Ахерона;
 Вдругъ съ волной упадетъ и, кругомъ
 взгроможденному морю,
 Видитъ какъ будто изъ адевія бездны да-
 лекое небо.
 Страшно гремитъ ладія, отшибая разлція
 волны:
 Такъ раздаются удары въ стѣлѣ, тяже-
 лымъ тараномъ
 Глухо разимой иль броненнымъ тяжкимъ
 обломкомъ утеса.
 Слово какъ пламенный левъ свирѣбѣтъ,
 тѣнимый ловцами,
 Бѣшенъ вегаетъ на дыбы, и грудью ки-
 дается въ конья:
 Такъ жриная вѣгромъ волна, бросаая на
 мачты,

Судно грозитя пожрать и реветь, надъ
 нимъ поднимаея.
 Кляв расшатался; утративъ защиту смолы,
 раздался
 Бранные снивы досокъ, и вторглась гу-
 бящая влага;
 Вдругъ облака, разстунившись, дождемъ
 зашумѣли; казалось,
 Небо упало на море, и море воздвиглося
 къ небу.
 Смокли въ паруса, смѣшались съ во-
 дами пучины
 Воды небесъ, и казалось, что звѣзды утра-
 тило небо.
 Темную ночь густила темная буря; но часто
 Молніи быстрымъ, излучистымъ блескомъ,
 летая по тучамъ,
 Ярко сверкали, и бездна морская въ гро-
 махъ загоралась.
 Вдругъ поднялся и бѣжитъ, раскачав-
 шись, ударить на судно
 Валъ огромный. Подобно боицу великану,
 который
 Дерзко не разъ набѣгалъ на раскатъ оса-
 жденнаго града,
 Сбитый, слова рвался, наконецъ, окры-
 ляемый славой,
 Силою взбѣжалъ на вершину стѣны, одинъ
 изъ дружины:
 Такъ, посреди стѣенныхъ валовъ, оса-
 ждающихъ судно,
 Всѣ перевыся главою, воздвигся страшный
 девятый;
 Хлещетъ, бьетъ по скрипучимъ бокамъ
 ладіи утомленной,
 Рвется, ворвался, и вдругъ овладѣлъ за-
 воеваннымъ судномъ.
 Волны, частью толпятся на приступы,
 частью вломались;
 Все трещетъ, какъ будто во градъ, когда
 узкъ въ проломы
 Бросился врагъ, и стѣна за стѣпою, гремя,
 упадаетъ;
 Тщетно искусство; мужество пало; мнитея,
 что съ каждой
 Новой волною новая страшная смерть на-
 падаетъ.
 Нѣтъ спасенья! тотъ плачетъ; тотъ пѣ-
 нѣетъ, тотъ мервнымъ

Въ гробѣ завидуетъ; тотъ къ богамъ по-
 сылаетъ обѣты;
 Тотъ, напрасно руки подъяема къ незри-
 мому небу,
 Молитъ пощады; тотъ скорбитъ объ отцѣ,
 тотъ о братѣ,
 Тотъ о супругѣ и чадахъ, каждый о томъ,
 что покинулъ;
 Целекъ о милой своей Гальціонѣ: одной
 Гальціоны
 Имя твердитъ онъ, тоскуетъ по ней, по,
 тоскуя утѣшенъ.
 Тѣмъ, что она далеко; хотѣлъ бы къ до-
 машнему берегу
 Разъ оглянуться, разъ хотѣлъ бы лицомъ
 обратиться
 Къ милому дому... но гдѣ же они? разъ-
 яренная буря
 Все помутила; сугубою мглою черныя тучи
 Небо все обложили, и ночь беспредѣль-
 ная встуду.
 Вихоръ вдругъ палетѣлъ... затрепавъ, под-
 ломилась и пала
 Мачта за край, и руль пополамъ. И, вставъ
 на добычу,
 Грозенъ, жадепъ, смотритъ изъ бездны
 валь-побѣдителя.
 Тяжкій, словно Авоесъ, могучей рукою съ
 подошвы
 Сорванный, словно Пипдъ, обрушенный
 въ бездну морскую,
 Онъ повалился. Корабль, раздавленный
 падшей громадой,
 Вдругъ потонулъ. Одни изъ пловцовъ, за-
 хлебнувшись
 Въ вихрѣ пѣнныхъ валовъ, не великимъ
 и разомъ погибли;
 Часть за обломки ладьи ухватилась. Целекъ
 руками,
 Нѣкогда скипетръ посившими, стиснулъ
 отбитую доску;
 Въ помощь отца, въ помощь Эола, водою
 душнымъ,
 Часто зоветъ онъ, но чаще зоветъ свою
 Гальціону;
 Съ нею мысли и сердце; жаль ея, а не
 жизни;
 Молитъ онъ волны: тѣло его до очей Галь-
 ціоны

Милыхъ донести, чтобъ родная рука его
 схоропила;
 Онъ утопаетъ, по только-что возни ды-
 халье отпустить,
 Онъ Гальціону зоветъ, онъ шепчетъ во-
 дамъ: Гальціона!
 Вдругъ горой набѣжала волна, закинула
 и, лопнувъ,
 Пала къ нему на главу, и его задавила
 паденьемъ...
 Мракомъ задернувшись, въ оную ночь
 былъ незримъ и незнаемъ
 Свѣтлый Люциферъ: повластный пошпнуть
 вершины Олимпа,
 Онъ въ высотѣ облаками закрылъ пе-
 чальныя очи.—
 Тою порою Эолова дочь, объ утратѣ не зная,
 Ночи свои въ нетерпѣньи считаетъ, го-
 товить супругу
 Платья, уборы готовить себѣ, чтобъ и
 ей и ему шарядиться
 Въ день возврата, ласкаясь уже невоз-
 можнымъ свиданьемъ.
 Веѣхъ боговъ призывая, предъ веѣми она
 зажигаетъ
 Жертвенный ладанъ, Юнону жъ богиню
 усердье молить,
 Молить, увы! о погибшемъ, навѣкъ не-
 возвратномъ супругѣ;
 Молить, чтобъ онъ былъ здоровъ, чтобъ
 къ ней возвратился, чтобъ вѣрный
 Сердца не отдалъ другой... изъ сколькихъ
 напрасныхъ желаній
 Только послѣднее слишкомъ, слишкомъ
 исполнено было.
 Но мольбы Гальціоны о мертвомъ трево-
 жать Юнону:
 Жертву и храмъ оскверняетъ рука, по-
 священна тѣни.
 «Вѣстница воли боговъ (сказала Юнопа
 Ирида),
 «Знаешь, гдѣ Сонъ обитаетъ, безмолвный
 податель покоя.
 «Къ этому богу лети отъ меня повелѣть,
 чтобъ не медля
 «Въ образѣ мертвѣго Цейкса призракъ
 послалъ Гальціонѣ,
 «Истину ей возвѣстить.» Сказала... Ирида
 въ одеждѣ,

Иркостью красокъ блестящей, дугой въ
 небесахъ отразившись,
 Быстро порхнула къ обители бога, въ
 скалахъ сокровенной.
 Есть въ сторонѣ Виммеріанъ пустая гора
 съ каменистой
 Мрачною пещерой; издавна тамъ Сонъ
 обитаетъ лѣнивый.
 Тамъ никогда,—ни утромъ, ни въ полдень,
 ни въ пору заката,
 Февъ не сіяетъ; лишь тонкій туманъ, отъ
 земли подымаемый,
 Влажною стелется мглой, и сумракъ со-
 мнительный свѣтитъ.
 Тамъ никогда будитель пернатыхъ съ пур-
 пуровымъ гребнемъ
 Дня не привѣтствуетъ крикомъ, ни нес-
 сторожительно молчагья
 Ласкомъ своимъ не смущаетъ, ни говоромъ
 гусь осторожный;
 Тамъ ни птицы, ни звѣря, ни легкой
 вѣтки древесной
 Шорохъ не слышенъ и слова языкъ че-
 ловѣчій не молвитъ;
 Тамъ живетъ безгласный Покой. Изъ-подъ
 камня сочась,
 Медленною струйкой Легіейскіей ручей, по
 хрипу пробираясь,
 Слабымъ, чуть слышимымъ журчаніемъ
 сладко наводитъ дремоту:
 Входя пещеры обаежешь цвѣтами раскоп-
 наго мака
 Съ множествомъ травъ: изъ нихъ усы-
 пительный сокъ выжимая,
 Влажная ночь благодатно кропитъ имъ
 усталую землю.
 Въ цѣломъ жилищѣ гнѣтъ ни одной скри-
 пучія двери,
 Тяжко на петляхъ ходящей, гнѣтъ на по-
 рогѣ и страха.
 Одръ изъ Гебепа стоитъ по срединѣ чер-
 тога, задрнуть
 Темной завѣсой; наполнены пухомъ упру-
 гимъ подушки.
 Богъ, разметаившись на ложѣ, тамъ гнѣ-
 жить разслаблены члены.
 Ложе осыпавъ, Сны безвѣсенныя, легкія
 Грезы

Тихо лежать въ безпорядкѣ, иссечены,
какъ шипныя класы,
Летятъ дубравъ или песокъ, на брегѣ на-
брошенный моремъ.
Входить въ пещеру младая богиня, раз-
двинувъ рукою
Входъ заслонивше Сны. Сильнѣ небесной
одежды
Быстро темный чертогъ облепнуло. Встре-
воженный блескомъ,
Богъ медлительно поднялъ очи и слова
закрывъ ихъ;
Силится встать, но слабость голову соп-
ную клонитъ;
Нехоти онъ приподнялся; шатаясь, оперелъ
на руку;
Всталъ. — Зачѣмъ ты? — спросилъ онъ бо-
гиню. Ирида сказала:
«Сонъ, живущихъ покой! о, Сонъ, божест-
во благодати!
«Миръ души, усадивъ заботъ, усталого
сердца
«Нѣжный но тяжкихъ трудахъ и неча-
сляхъ дневныхъ оживитель,
«Сонъ! повелемъ, чтобъ Мечта, подража-
тель обманчивый правдѣ,
«Въ городъ Иракловъ Трахины, нождъ ви-
домъ царя полетѣла
«Тамъ словидѣшемъ погибель супруга
явить Гальціонѣ.
«Такъ повѣстѣла Ювона.» Окончивъ, Ирида
младая
Бога покинуть сѣвши: неволью се по-
коряла
Сонная сила, и тихо кралась въ нее
успяглене.
Слова лазурью по радугѣ свѣтлой она
полетѣла.
Богъ изъ несмѣтнаго роя имъ порожден-
ныхъ Видѣній
Выбралъ искусника, всѣхъ принимающа
видовъ Морфея:
Выдумщикъ хитрый, по волѣ во всѣхъ
онъ является лицахъ,
Все выражаетъ: и поступъ и тѣлодви-
женья и голосъ,
Даже всѣ виды одеждъ и каждому свой-
ственные рѣчи;

Но способенъ онъ брать лишь одинъ че-
ловѣческій образъ.
Есть другой — тотъ является птицей, звѣ-
ремъ, шипящимъ
Змѣемъ, сльветъ на Олимпѣ Икселось, а
въ людяхъ Фоветоръ.
Третій, мечтательный Фантазосъ, дивнымъ
своимъ дарованьемъ
Въ камни, воаны, пригорки, пид, во все,
что бездушно,
Съ легкостью быстрой влетаетъ. Они на-
рямятъ и владыкамъ
Чудятся ночью; другіе жъ народъ и тра-
жданъ посѣщаютъ.
Богъ, миповалъ ихъ, изъ легкаго сон-
мища вызвалъ Морфея
Волю Ириды свершить; потомъ, обезси-
левъ дремотой,
Голову темно склонилъ и въ мягкій нухъ
погрузился.
Тихо Морфей на воздушныхъ, безъ шоро-
ха въвѣвшихъ крыльяхъ
Мракомъ летитъ; онъ, скоро полетъ со-
верша, очутился
Въ градѣ Гемонскомъ, и крылья сложилъ,
и Ценксевъ образъ
Принялъ; блѣденъ, подобно бездушному,
пагъ, безобразенъ,
Онъ подошелъ къ одру Гальціоны; струею
лилася
Влага съ его бороды; съ волосъ бѣжали
потоки.
Къ ложу тихо склонившись лицомъ, об-
литымъ слезами,
Онъ сказала: «я Ценксъ; узнала ль меня,
Гальціона?
«Смерть уже ль измѣнила меня? Вемо-
трися — узнаешь;
«Или хотъ призракъ супруга вмѣсто су-
пруга обнимешь.
«Тщетны были моленья твои, Гальціона:
погибъ я.
«Въ морѣ Эгейскомъ, южный, порывистый
вѣтеръ настигнулъ
«Нашу ладью, и долго бросалъ по вол-
намъ, и разрушалъ.
«Миѣ въ уста, напрасно твое призывав-
шія имя,

«Влага морская влаплась. Не гонещь предъ
тобой, Гальціона,
«Съ вѣстью невѣрной; не слуху невѣр-
ному нынѣ ты внемлешь:
«Самъ я, въ морѣ погибшій, тебѣ повѣ-
ствую погибель.
«Встань же, вдова; дай слезъ мнѣ, одѣвшея
въ одежду печали.
«О! да не буду я въ Тартарѣ темномъ
бродить неоплакаль!»
Такъ говорилъ Морфей, и голосъ его былъ
подобенъ
Голосу Цепкса; очи его непритворно слезами
Плакали; даже и руки свои простиралъ
онъ, какъ Цепкъ.
Тяжко во слѣ Гальціона рыдала; сквозь
сопъ протянула
Руки; зовить его, но лишь воздухъ цу-
стой обнимаетъ.
«Стой!—она возопила:—помеди, я за то-
бою.»
Собственный голосъ и призракъ ее про-
будили; вкочила
Въ страхъ; ищетъ, очами кругомъ ози-
раясь, тутъ ли
Видѣнный другъ?.. На крикъ ея прибли-
жавшій невольникъ
Подалъ свѣтлыиикъ—напрасно! нигдѣ
его не находить.
Съ горя бьетъ себя по лицу, раздираетъ
одежду,
Перенъ терзаетъ и рветъ на главѣ нераз-
витые кудри.
— Что съ тобой, Гальціона?—спросила
кормилица въ страхѣ.
«Нѣтъ Гальціоны,—она возопила: нѣтъ
Гальціоны!
«Съ Цепксомъ вмѣстѣ она умерла; оставь
утѣшеніе:
«Онъ погибъ: я видѣла образъ его и узнала.
«Руки простерла его удержатъ, напрасно—
то было
«Тѣнь; но тѣнь знакомая, нединный
Цепксовъ образъ.
«Правда, почудилось мнѣ, что въ миломъ
лицѣ выразалось
«Что-то чужое, не прежнее: прелести не
было прежней.

«Блѣдень, нагъ, утомленъ, съ волосами,
сгрюжащими влагу,
«Мнѣ привидѣлся Цепкъ, и тамъ стоялъ
онъ, печальный!
«Вотъ то мѣсто... (и мутно глаза приви-
дѣнья искали).
«Другъ! не того ли страшилось вѣщее
сердце, когда я
«Такъ молила тебя остаться и вѣтрамъ
не вѣрить?
«Въ смерти навстрѣчу спѣшнлъ ты...
почто жъ Гальціону
«Здѣсь ты поклянулъ? Вмѣстѣ памъ все
бы спасеніемъ было.
«Ахъ! тогда ни минуты бы жизни розно
съ тобою
«Я не утратила: смерть постигла бы насъ
неразлучныхъ.
«Нынѣ жъ, въ отсутствіи, гибну твоею
погибелю; море
«Все мое дичше, всю мою жизнь въ тебѣ
погубило.
«Вуду безжалостнѣй самаго моря, если
останусь,
«Тяжкую жизнь влачить, терпя нестер-
пимое горе.
«Нѣтъ! не хочу ни терпѣть, ни тебя отре-
каться, о милый,
«Бѣдный супругъ мой; все раздѣлимъ;
ищекай насъ въ могилѣ,
«Если не урна одна, то хоть надписе одна
сочетаетъ;
«Розно прахомъ, будемъ хотя именами не-
розно.»
Тутъ умогла: печаль оковала языкъ, и
рыданье
Духъ занимало, и стоны рвались изъ ною-
щей груди.—
Быстро утро; она повлеклася на тихое
взморье,
Къ мѣсту тому, откуда велѣдъ за илы-
вущимъ смотрѣла.
Тамъ стояла долго. «Отсюда ладья побѣжала;
«Здѣсь мы послѣднимъ лобзашемъ про-
стились.» Такъ повторяя
Прошлое думю, взоръ помраченный она
устремляла
Въ даль морскую. Вдали, на волнахъ ко-
лыхаясь, мелькаетъ

Что-то, какъ трупъ,—но что? Для печальнаго взора не ясно.
 Ближе и ближе, видѣнъ и видѣнъ; уже Гальціона
 Можетъ вдали распознать плавущее мертвое тѣло.
 Кто бы ни былъ погибшій, по бурей погибъ онъ; и горько
 Плача о немъ, какъ бы о чужомъ, она возопла:
 «Горе, бѣдный, тебѣ! и горе жепѣ овдовѣвшей!»
 Тѣло плаваетъ, а сердце въ ней болѣ и болѣ мутится.
 Вотъ ужъ у берега; вотъ и черты различаетъ ужъ око.
 Смотрить... Кто жъ? Ценкъсъ.—Онъ! возопла, терзая
 Перси, волосы, платье. Съ берега трепетны руки
 Къ тѣлу простерла. «Такъ ли, мой милый, такъ ли несчастный,
 «Ты возвратился ко мнѣ?...» Въ томъ мѣстѣ
 плотина изъ камня
 Брегъ заслоняла высокой стѣной отъ приливнаго моря;
 Въ бурю же ярость и силу напорной волны утомляла.
 Съ той высокой стѣны въ пучину стремглавъ Гальціона
 Бросилась... Что же? о чудо! она взвилась, и надъ моремъ,
 Воздухъ свистящій везанно-расцвѣтшимъ крыломъ разбивая,
 Вдоль по зыбучимъ волнамъ полетѣла печальною птицей.
 Жалобно въ грустномъ полетѣ, какъ будто кого прикликая,
 Звонкимъ целаяя носомъ, она протяжно стенала;
 Прямо на трупъ охладѣлый и бѣдный она опустилась;
 Ижно безгласнаго юнымъ крыломъ обняла, и какъ будто
 Сналась душу его пробудить безответнымъ лобзаньемъ.
 Былъ ли чувствитель Ценкъсъ, волны ль ему, колыхаясь,

Подняли голову—что бы то ни было—онъ приподнялся.
 Скоро, надъ нхъ одиночествомъ сжалеясь, безсмертные боги
 Въ птицѣ обратили обонхъ; одна имъ судьба; и помышъ
 Вѣрцы бывалой любви; и помышъ ихъ бракъ не разорванъ.
 Поздней зимней порою семь дней безбурныхъ и ясныхъ
 Мирно, безъ слета сидитъ на пловучемъ гнѣздѣ Гальціона;
 Море тогда безопасно; Эоль, заботясь о влуккахъ,
 Вѣтры смиряетъ, пловца бережетъ, и воды спокойны.

ОТВѢТЬ КН. ВЯЗЕМСКОМУ

на его стихи: воспоминаніе.

Ты въ угѣшителн зовешъ воспоминалье:
 Глядишь безъ прелести на свѣтъ!
 И разнакомилось съ душой твоей желанье,
 И вѣры къ будущему нѣтъ!
 О, другъ! въ твоемъ мое мнѣ сердце ото-
 Я понимаю твой удѣлъ! [звалось:
 И мнѣ вожатымъ быть желанье отказалось,
 И мой свѣтильникъ поблѣдѣлъ!
 Сжѣнилъ блестящія мечтательныя краски
 Однообразной жизни свѣтъ!
 Изъ-подъ обманчиво-смѣющагося маски
 Угрюмый выглянулъ скелетъ.
 На что же, другъ, хотѣтъ призвать воспо-
 Мечты не дозвемся мы: [минавъ?
 Безъ утешенія пробудимъ лишь желанье;
 На небо—взглянемъ изъ тюрьмы!

БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ.

На небѣ тишина;
 Таетъ весною луна
 Сквозь тонкій паръ сіяетъ;
 Звѣзда любви играетъ
 Надъ темною горой;
 И въ безднѣ голубой
 Безплотные, летая,
 Чаруя, оживляя
 Почую тишину,
 Привѣтствуютъ весну.

КЪ ПОРТРЕТУ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ.

I.

Кто на блистательной выдалъ ее чредѣ,
Тотъ все величія постигъ очарованье;
Тому, какъ тайный другъ, сопутникомъ
Благотворящее о ней воспоминае. [вездѣ]

II.

Въ царицахъ скромная, любовь страны
своей,
И въ бурю бѣдъ она душой была спокойна;
И вѣкъ ее свой судъ потомству дасть объ ней:
«Была величія и счастья достойна.»

КЪ ПОРТРЕТУ БАТЮШКОВА.

Съ нимъ друженъ богъ войны, съ нимъ
друженъ Аполлонъ!

И вѣнецъ любви, отважный воинъ,
Но дарованію достоинъ славы онъ,
Но сердцу счастья достоинъ.

КЪ ПОРТРЕТУ ГЕТЕ.

Свободу смѣлою принявъ себѣ въ законъ,
Всезрящей мыслию надъ міромъ онъ носился.

И въ міръ все постигнувъ онъ—
И ничему не покорился.

1820.

КЪ ГРАФИНѢ ШУВАЛОВОЙ.

20 мая 1820, въ исходъ одиннадцатаго часа.

Уже одиннадцатый часъ!
Графиня, поздравляю васъ
Съ веселымъ вашимъ возвращеньемъ
Изъ той печальной стороны,
Куда вы были сновидѣньемъ
Обманчивымъ отвлечены
Отъ милыхъ свѣта наслажденій,
Отъ ясной младости своей,
Отъ жизни, счастья и друзей!
Повѣрьте мнѣ, тотъ мрачный геній,
Который вѣсть вамъ приносилъ
О вашей тратѣ невозвратной,
Не грозный геній смерти былъ,
Но жизни геній благодатный!
Онъ вашу душу испыталъ!
Ея певинности прекрасной
Изображеніемъ ужасной

Могилы онъ не испугалъ!
Вы съ тихой твердостью взглянули
На чашу, поданную вамъ,
О свѣтѣ, можетъ-быть, вздохнули,
Но поднесли ее къ устамъ
Съ покорной вѣрой въ Провидѣнье...
Итакъ, забудьте сновидѣнье,
Смутившее напрасно васъ!
Теперь вы заживо узнали,
Сколь мало страшень смертный часъ!
Вы на порогѣ томъ стояли,
Къ которому идетъ нашъ путь,
Къ которому невольно мчимся,
Но за который такъ боимся
Изъ бытія перешагнуть!
Смотрите! Геній-испытатель
На семъ порогѣ роковомъ
Стоитъ ужъ въ образѣ иномъ!
Веселый блага прорицатель,
Давъ руку младости живой,
Обнявшись съ милою надеждой,
Онъ ужасъ двери гробовой
Своей волшебною одеждой
Для взора вашего закрылъ!
Онъ факелъ жизни воспалилъ,
Онъ свѣтитъ вамъ къ земному счастью!
Онъ васъ къ прекрасному влечетъ
Своею дружественной властью!
Идите же, куда зоветъ
Его священное призванье!
Живите, вѣря небесамъ!
Для добрыхъ жизнь очарованье—
Кому жъ и жить, когда не вамъ!

Минуту насъ она собой пабняла!
Какъ милый блескъ, пропала изъ очей!
Рука Творца ее образовала
Не для земли, а для небесъ.

16 іюня 1820 г.

ПОДРОБНЫИ ОТЧЕТЪ О ЛУНѢ.

посланіе къ государынѣ императрицѣ
МАРИИ ѢОДОРОВНѢ.

Хотя и много я стихами
Писалъ про свѣтлую луну:
Но я лишь тѣнь ея одну
Моими блѣдными чергами
Певѣрно могъ изобразить.

Здѣсь, государыня, предъ вами
Осмѣлюсь вкратцѣ повторить
Все то, что вѣтрешій мой геній,
Летучій невидимка, мнѣ
Въ минуты свѣтлыхъ вдохновеній
Шептала случайно о лунѣ.

Когда съ усоннимъ на конѣ
Скакала робкая *Людмила*:
Тогда въ стихахъ мопхъ луна
Невѣрнымъ ей лучомъ свѣтила;
По темнымъ облакамъ она
Украдкою перебѣгала;
То вся была межъ нихъ видна,
То пряталась, то зажигала
Края волнующихся тучъ;
И изрѣдка бродящій лучъ
Ужаснымъ блескомъ отражался
На хладной бѣлизнѣ лица
И въ тускломъ взорѣ мертвеца.

Когда жъ въ сапяхъ съ *Свѣтланой*
мчался

Другой извѣстный намъ мертвецъ;
Тогда кругомъ луны вѣпецъ
Сквозь завѣсъ сѣжнаго тумана
Сіялъ на мутныхъ небесахъ;
И съ вѣщей робостью Свѣтлана
Въ недвижныхъ спутника очахъ
Искала зора и привѣта...
Но, взоръ на мѣсяцъ устремивъ,
Былъ непривѣтно-молчаливъ
Припелецъ изъ другого свѣта.—
И помню: рыцарь *Адельстанъ*,
Свершитель страшнаго обѣта,
Сквозь хладный вечера туманъ
По Рейну съ сыномъ и женою
Плылъ, озаряемый луною;
И очарованный челнокъ
По влагѣ волнъ, подъ небомъ яснымъ
Васкомъ былъ лебедемъ прекраснымъ;
Тогда роскошный вѣтерокъ,
Струи лаская, тихо вѣялъ,
И парусъ пурпурный лелѣялъ;
И, въ небѣ плававшая одна,
Сквозь сумракъ топкаго вѣтрила
Сіянемъ трепетнымъ луна
Пловцамъ задумчивымъ свѣтила,
И челнока притивый слѣдъ,
И пышный лебедя хребетъ,

И цѣпь волшебную златила.—
Но есть еще челнокъ у насъ;
Подъ бурю, въ полночный часъ
Пловецъ невидимый съ *Варвикомъ*
По грозно воющей рѣкѣ
Однажды плылъ въ томъ челнокѣ;
Сквозь ревъ воды, протяжнымъ крикомъ
Младенецъ ихъ на помощь звалъ;
Ужасно вихоръ тучи гналъ,
И великанскими главами
Валы вставали надъ валами,
И все гремѣло въ темнотѣ;
Тогда *рогъ мѣсяца блестящій*
Прорѣзалъ тучи въ высоту,
И, ставъ надъ бездною кипящей,
Весь ужасъ бури освѣтилъ:
Засеребрилися вершины
Встающихъ, падающихъ волнъ...
И на скалу помчался чолкъ;
Среди сиюющей пучины
На той скалѣ Варвика ждалъ
Младенецъ—неизбѣжный мститель,
И руку самъ неволью далъ
Своей гибели губитель;
Младенца цѣтъ; Варвикъ исчезъ...
Вмигъ ужасъ бури миновался;
И ясенъ посреди небесъ,
Вдругъ уснокоенныхъ, остался
Надъ усмиренною рѣкой.
Какъ радость, мѣсяцъ молодой.—
Когда жъ невидимая сила
Безъ кормика и безъ вѣтрила,
Вадима въ третьемъ челнокѣ
Стремилась по Дибѣру-рѣкѣ:
Надъ нимъ безоблачно сіяло
Въ звѣздахъ величіе небесъ;
Рѣка, надводный темный лѣсъ,
Высокій берегъ—все дремало;
И ярко полная луна
Отъ горизонта подымалась,
И одичалая страна
Очамъ Вадимовымъ являлась...
Ему луна сквозь темный боръ
Лампадой таинственной свѣтитъ;
И все, что изумленный взоръ
Младого путника не встрѣтитъ,
Съ его душою говорить
О чемъ-то горестно-ужасномъ,
О чемъ-то близкомъ и прекрасномъ...

Съ невольной робостью онъ зрѣть
 Пригорокъ, храмъ, могильный камень;
 Надъ новалившимся крестомъ
 Какой-то легкой вѣсть пламень,
 И сумраченъ сидитъ на немъ
 Недвижный воронъ, сторожъ ночи,
 Туманныя уставивъ очи
 Неотвратимо на луноу;
 Онъ слышитъ: что-то тишину
 Смутно; древній крестъ шатнулся,
 И сонный воронъ встрепенулся;
 И кто-то блѣдной тѣнью всталъ,
 Пошелъ ко храму, помолился...
 Но храмъ предъ нимъ не отворился,
 И въ отдаленнѣ оль пропалъ,
 Сліясь, какъ дымъ, съ ночнымъ туманомъ.
 И далѣ трепетный Вадимъ;
 И вдругъ является предъ нимъ
 На холмѣ свѣтлымъ великаномъ
 Пустынный замокъ; блескъ луны
 На стѣны сыплется зубчаты;
 Въ кудрявый мохъ облоченные
 Ихъ непретупные раскаты;
 Ворота заперты скалою;
 И вотъ уже надъ головою
 Луна, достигнувъ полуночи;
 И видятъ путниковы очи
 Двухъ дѣвъ: одна идетъ стѣною,
 Другая къ ней идетъ на стѣну,
 Другъ другу руку подають,
 Прощаются и врозь идутъ,
 Свершивъ задумчивую смѣну...
 Но то, какъ дѣвы спасены,
 Ужь не касается луны.—
 Еще была вослѣта мною
 Одна прекрасная луна:
 Когда пылала предъ Москвою
 Святая русская война—
 Въ рядахъ отечественной рати,
 Пѣвецъ, по слуху знавши бой,
 Стоялъ я съ лирой боевой
 И мнѣнье пѣлъ для ратныхъ братій.
 Я помню ночь: какъ браанный щитъ,
 Луна въ небесномъ рдѣла мракѣ;
 Мангъ стапъ молчаньемъ былъ покрытъ,
 И ратникъ въ листовномъ бивакѣ
 Вооруженный мирно спалъ;
 Лишь стражу стража окликалъ;
 Костры дымились, пламени,

И кое-гдѣ передъ огнемъ,
 На яркомъ пламени чериѣя,
 Стоялъ казакъ съ своимъ копомъ,
 Окутанны буркою косматой;
 Тамъ острыхъ копій рядъ крылатой
 Въ сияньи мѣсяца сверкалъ;
 Вблизи улановъ рядъ лекалъ;
 Надъ ними ихъ дремали кони;
 Тамъ грозныя сверкали брони;
 Тамъ пушекъ заряженныхъ строй
 Стоялъ съ готовыми громами;
 Стрѣлки, прижавъ къ нимъ головами,
 Дремали, и подъ ихъ рукою
 Фитиль курился роковой;
 И въ отдаленнѣ полосами,
 Сіяяны съ дымомъ облаковъ,
 Биваки дымные враговъ
 На краѣ горизонта рдѣли;
 Да кое-гдѣ, вблизи, вдали
 Тѣла, забытыя въ пыли,
 Въ ужасномъ образѣ чериѣли
 На иркихъ мѣсяца лучахъ...
 И между тѣмъ на небесахъ,
 Надъ грознымъ полемъ истребленья,
 Ночныя мирныя видѣнья
 Свершились мирно, какъ всегда:
 Младая вечера звѣзда
 Привычной предѣстною плѣняла;
 Нензмѣняема сіяла
 Луна землѣ съ небесъ родныхъ,
 Не зная ужасовъ земныхъ;
 И было тихо все въ природѣ,
 Какъ тамъ, на отдаленномъ сводѣ:
 Спокойно лѣсъ благоухалъ,
 И воды къ берегамъ ласкались,
 И берега въ нихъ отражались,
 И вѣтерокъ равно порхалъ
 Надъ благовоинными цвѣтами,
 Надъ доломъ трепетныхъ зыбей,
 Надъ бронями, надъ знаменами
 И надъ безмолвными рядами
 Объятыхъ своимъ богатырей...
 Творенье Божіе не знало
 О человѣческихъ бѣдахъ
 И беззаботно ожидало,
 Что ночь пройдетъ, и въ небесахъ
 Опять засвѣтится депница.
 А рокъ межъ тѣмъ не засыпалъ;
 Надъ ратью, молча, онъ стоялъ;

Держала жеребій десница;
 И взоръ неизбѣжимый лица
 Имъ обреченныхъ замѣчала.—
 Еще я много описала
 Каргинъ луны: то надъ гробами
Кладбища сельскаго она
 Катится по небу одна,
 Сіяніемъ невѣрнымъ бродить
 По дерцу свѣжему холмовъ,
 И тѣни шаткія дерѣвъ
 На зелень блѣдную наводитъ,
 Мелькаеть быстро по крестамъ,
 Въ оконницахъ часовни блещеть,
 И, внутрь ея закравшись, тамъ
 На золотъ иконъ трепещеть;
 То вдругъ, какъ въ дымѣ, безъ лучей,
 Когда встаюгъ съ холмовъ туманы,
 Задумчиво на дубъ *Минваны*
 Глядитъ, и вѣя передъ ней,
 Четой сляпшою двѣ тѣни
 Спускаются къ любимой еѣни,
 И шорохъ слышится въ листахъ,
 И пробуждается въ струнахъ,
 Перстами невидимымъ послушныхъ,
 Знакомый гласъ друзей воздушныхъ;
 То вдругъ на *олморъ*—гдѣ волна
 Плеская прыщеть на каменья,
 И гдѣ въ тиши уединенья,
 Воспоминанью предана,
 Привыкла влудниваться Дума
 Въ гармонію ночного шума—
 Она, *въ величественный часъ*
Всемірнаго успокоенья,
 Творить волшебныя для глазъ
 На влагѣ дремлющей видѣнья;
 Иль, тихо выблясь, въ ней горить,
 Иль, раздробившись, закипитъ
 Съ волнами дрогнувшей пучины,
 Иль вдругъ огромныя морщины
 По влагѣ ярко проведеть,
 Иль огненной змѣей мелькнетъ,
 Или подъ шлюпкую летящей
 Забрызжетъ пѣною блестящей...
 Довольно; все пересчитать
 Миѣ трудно съ музою лѣнливою;
 Къ тому жъ ей долгъ велить правдивой
 Вамъ, государыня, сказать,
 Что сколько разъ она со мною,
 Скиталась въ сумракѣ почей,

Ни замѣчала за луною:
 Но все до сей поры мы съ ней
 Луны такой не подглядѣли,
 Какою на небѣ почпомя,
 Въ концѣ прошедшія педѣли,
 Надъ чистымъ Павловскимъ иродомъ
 На колопнадѣ любовались;
 Давно, давно не наслаждалсь
 Мы тихимъ вечеромъ такимъ;
 Базалось все преображеннымъ;
 По небесамъ уединеннымъ,
 Полупотухшимъ и пустымъ,
 Ни облачка не пролетало;
 Ни колыханія въ листахъ;
 Ни легкой струйки на водахъ;
 Все нѣжилось, все померкало;
 Лишь ярко звѣздочка одна,
 Лампадою гостеприимной
 На краѣ неба зажжена,
 Мелькала намъ сквозь западъ дымной,
 И свѣтлымъ лебедемъ луна
 По блѣдной сипевѣ востока
 Плыла, тиха и одинока;
 Подъ усыпительнымъ лучомъ
 Все предавалось усыпленью—
 Лишь изрѣдка пустымъ путѣмъ,
 Своей сопутствуемой тѣнью,
 Шель запоздалый пѣшеходъ,
 Да сонной пташки содроганье,
 Да легкій шумъ плеснувшихъ водъ
 Смуцали вечера молчанье.
 Въ зеркало ровнаго ирода
 Глядѣлось мирное свѣтило,
 И въ лощѣ чистыхъ водъ тогда
 Другое небо видно было
 Съ такой же ясною луной,
 Съ такой же тихой красотой;
 Но иногда, едва бродящій,
 Крыломъ слышнымъ, вѣтерокъ,
 Дотрокнувшись до влаги спящей,
 Слегка наморщивалъ потокъ:
 Луна звѣздами разбѣсалась;
 И смутною во глубинѣ
 Тогда краса небесъ являлась,
 Толь мирная на вышинѣ...
 Попятнос знаменовалье
 Души въ ея земномъ изпаньѣ:
 Она небеснаго полна,
 А все земнымъ возмущена.

Но какъ назвать очарованье,
 Которымъ душу всю луна
 Объемлетъ такъ непостижимо?
 Ты скажешь: ангелъ невидимо
 Въ ся лучахъ слетаетъ къ намъ...
 Съ какою вѣстью? Мы не знаемъ;
 Но вѣстника мы понимаемъ;
 Мы вѣримъ сладостнымъ словамъ,
 Невыражаемымъ, но внятнымъ;
 Летимъ повелею за нимъ
 Къ тѣмъ благамъ сердца невозвратнымъ,
 Къ тѣмъ упованиямъ святымъ,
 Которыми когда-то жили,
 Когда съ пріятною мечтой,
 Еще не встрѣтившись съ судьбой,
 У ясной младости гостили.
 Какъ часто вдругъ возвращено
 Какимъ-то быстрымъ мановеньемъ
 Все улетѣвшее давно!
 И видимъ мы воображеньемъ
 Тотъ свѣжій дугъ, гдѣ мы цвѣли;
 Даруемъ жизнь друзьямъ отжившимъ;
 Былое кажется небывшимъ
 И насъ маящимъ издали;
 И то, что *нашимъ* было прежде,
 Съ чѣмъ мы простились навсегда,
 Намъ мнится *нашимъ*, какъ тогда,
 И вѣрнымъ еще надеждѣ...
 Кто жъ изъяснитъ намъ, что она,
 Сія волшебная луна,
 Другъ нашей почти неизмѣнный?
 Не островъ ли она блаженный,
 И не гостиница ль земли,
 Гдѣ, навсегда простясь съ землєю,
 Душа слетается съ душою,
 Чтобъ повидаться издали
 Съ покинутой, но все любимой
 Ихъ прежней жизни стороной?
 Какъ съ прага хижины родной
 Надъ брошенной своей родной
 Съ утѣхой странникъ отдохнувшій
 Глядитъ на путь, уже минувшій,
 И думаетъ: «тамъ я страдалъ,
 Тамъ былъ унылъ, тамъ ободрился,
 Тамъ утомленный отдыхалъ
 И съ новой силою собирался».
 Такъ наши, можетъ-быть, друзья
 (Въ обтѣлованное селенье
 Переведенная семья)

Воспоминаній утѣшеніе
 Вкушаютъ, глядя изъ луны
 Въ предѣлы здѣшней стороны.
 Здѣсь и для нихъ была когда-то
 Прелестна жизньъ, какъ и для насъ;
 И ихъ манилъ надежды гласъ,
 И ихъ испытывала тратой
 Тогда имъ тайная рука
 Разгаданнаго Провидѣнья.
 Здѣсь все ихъ прежнія волненія,
 Чѣмъ жизньъ пріескорбна, чѣмъ сладка,
 Любви счастливой уносенія,
 Любви отверженной тоска,
 Надежды смѣлость, тренеть страха,
 Высокихъ замысловъ мечта,
 Величье, слава, красота..
 Все стало бѣдной горетью праха;
 И прежнихъ темныхъ, ясныхъ лѣтъ
 Одинъ для нихъ примѣтный слѣдъ:
 Тотъ уголокъ, въ которомъ гдѣ-то,
 Подъ легкимъ дерномъ гробовымъ,
 Спитъ сердце, нѣкогда земнымъ,
 Смятеннымъ пламенемъ согрѣто;
 Да, можетъ-быть, въ краю иномъ
 Еще любовью забытой
 Ихъ бытіе и нынѣ слито,
 Какъ прежде, съ нашимъ бытіемъ;
 И нынѣ съ милыми родными
 Они бесѣдуютъ душой;
 И, знаясь съ трагатами земными,
 Для ихъ, не смущаясь ими,
 Подъ часъ утѣхой неземной
 На сердце наше налетаютъ,
 И сердцу тихо возвращаютъ
 Надежду, вѣру и покой.

ПИСЬМО КЪ А. Г. ХОМУТОВОЙ.

Благодарю васъ всей душою!
 Вчера мнѣ милою рукою
 Графини Вобринской былъ данъ
 Сей мрачный томъ, сей чемодавъ,
 Набитый туго мертвцами,
 Предчувствіями, чудесами,
 И все, что такъ пугаетъ насъ.
 Люблю я страшное подчасъ!
 Но этотъ томъ теперь его разъ
 Милѣй мнѣ милыми стихами,
 Которые шепчутъ шутя
 Вамъ богъ парнасскій мимоходомъ,

Лишь для того, чтобъ, ихъ прочтя,
 Я сталъ счастливымъ сумасбродомъ
 И веселился, какъ дитя.
 И очень радъ, что я вашъ крестникъ;
 Благодарю моимъ душамъ—
 Безъ нихъ пришло ли бъ въ мысли вамъ
 Мнѣ титулъ: гробовой престелникъ
 Престелными стихами дать!
 Онь мой теперь навѣкъ, по праву!
 Его ни за какую славу
 Не соглашуся промѣнять.
 Еще жъ прибавлю я: вы правы—
 Искатели парнасской славы
 Мнѣ всё завидовать должны.
 Они, вѣнцомъ ея плѣняясь,
 Къ нему по кочкамъ, задыхаясь,
 Барабкаться осуждены.
 Моя жъ судьба совѣмъ иная:
 Сама Харита молодая
 Своимъ магическимъ перомъ
 Мнѣ написала мой дипломъ
 На сей вѣнецъ, поэту лестный,
 Съ улыбкой славы подала,
 Съ улыбкой слава приняла
 И полетѣла въ путь небесный;
 Къ нему я бабочкой прильнула
 И вельдъ за славою порхнула...
 Хоть я вѣнца и недостойна,
 Но мнѣ оиъ нодученъ отъ васъ;
 Пускай бранить меня Парнасъ—
 Я буду въ совѣти спокоенъ!

Р. С. Я честь имѣю вамъ послать
 Тафту для траурнаго платья.
 Не думайте, что наша братья,
 Пѣвцы, не знаютъ исполнять,
 Въ жару небесныхъ вдохновеній,
 Простыхъ земныхъ препорученій.
 Повѣрьте совѣти моеи,
 Здѣсь виновать не сынъ вашъ крестный,
 Не Фебъ, отецъ его небесный,
 Но попросту земной лакей.
 Третьевадни довольно ясно
 Я Сапхъ моему сказала,
 Чтобъ онъ съ тафтой къ вамъ побѣжалъ...
 Но проповѣдовалъ напрасно
 Въ пустыни я глухимъ унамъ!
 Служитель мой былъ непокоренъ,
 Какъ Фебъ, который такъ упренъ

Прискивать къ моимъ стихамъ
 И смыслъ и риму. Въ увѣренъ,
 Что оиъ приказъ исполнилъ мой,
 Я прихожу вчера домой—
 П что жъ? Тафта, какъ привидѣше
 Ужасное, предстала мнѣ
 Въ бумагъ на моемъ окнѣ!
 Я, съ неожиданной досады,
 Перекувыркнудся разъ пять
 И ужъ хотѣлъ-было кусать
 Сауту-лѣнивца для отрады...
 Но я его не укусилъ.
 Зачѣмъ же медлил оиъ?—Забылъ?
 Чѣтъ не забылъ; совѣмъ другое:
 Все утро дождикъ ливня лить,
 И мой посланникъ разсудилъ,
 Что существо его земное
 Небесной смочится водой,
 Что лучше для него въ покоѣ
 Погоды подождать сухой,
 И что страшнѣ простудиться,
 Дождемъ, гуляя, проливнымъ,
 Чѣмъ быть здоровымъ и сухимъ
 И съ сыномъ Феба побраниться.

КЪ К. Θ. ГОЛИЦЫНУ.

Я слова, князь, не позабылъ,
 Я вашъ должникъ за Катагани!
 И если я не заплатилъ
 Еще обѣщанной вамъ данн,
 То все я передъ вами правъ!
 Собачій вѣрный биографъ,
 Я ждалъ отъ васъ истеригливо
 Записокъ точныхъ, чтобъ на нихъ
 Сослаться въ надписи правдивой,
 И честь воздать въ стихахъ моихъ,
 Согласно съ истиною строгой,
 Покойницѣ четвероногой!
 Но я напрасно ожидалъ:
 Князь Федоръ, въ шумномъ кругѣ свѣта,
 Среди веселій пировалъ,
 Забывъ собаку и поэта.
 Пора напомнить вамъ объ пей!
 Чтобъ въ эпитафii моеи
 Напрасно пыльными стихами
 Передъ потомствомъ не солгать,
 Чтобъ о собакѣ не сказать
 Того, что часто надъ гробами

Времешниковъ и богачей,
 И полководцевъ и царей,
 Чергягъ безстыдными рѣзцами
 На гордыхъ бронзовыхъ доскахъ.
 Короче, чтобы могъ въ стихахъ
 Я неа покойнаго представить
 Въ *его*, а не въ *чужой* краѣ,—
 Прошу мнѣ полицію доставить
 Записку о покойномъ пѣѣ.
 У васъ, я думаю, остался
 Въ бумагахъ списокъ послужной.
 Во-первыхъ: какъ онъ назывался?
 Потому: породы былъ какой:
 Дворовый, гончій, пль лягавой?
 Иль пудель съ головой курчавой?
 Иль мопсъ, извѣженный храпущъ,
 Съ наморщенной аралской мордой?
 Пль шницъ? иль догъ, флегматикъ гордый?
 Иль быстрый англійскій прыгущъ?
 Иль, можетъ-быть, онъ мышеловкой
 Коротконогой вамъ служилъ?
 Иль трикоей желтопузой былъ?
 Или съ кудрявою головкой,
 Съ обритой спинкой и хвостомъ,
 Для шутки назывался *львомъ*?
 Былъ дѣтямъ мирною игрушкой,
 И рѣдко ссорился съ подушкой?
 Еще знать хочеть Аполлонъ:
 Чему покойникъ былъ ученикъ?
 Умѣлъ ли подавать ошь ланку?
 Умѣлъ ли по приказу шапку
 Съ прохожихъ невзначай срывать?
 Умѣлъ ли, морду приподнявши,
 Моргая посомъ, хвостъ поджавши,
 На заднихъ лапочкахъ стоять?
 Да, сверхъ того, каковъ былъ свойствомъ:
 Привѣтенъ былъ ли для *своихъ*?
 Умѣлъ ли лаять на *чужихъ*?
 И отличался ли геройствомъ,
 Когда случалось вызывать
 Ему на рыцарскую драку
 За кость соперницу-собаку?
 Короче, я желаю знать
 Въ подробности все, что съ нимъ случа-
 Какую смерть умеръ онъ, [лось,—
 Когда и гдѣ похороненъ,
 И много ли спроть осталось,
 Чтобы объ немъ воспоминать,
 Чтобы для васъ, ворча и лая,

Покойника изображая,
 Его утрату замѣлтъ?

10 июля. Павловскъ.

КЪ КН. А. Ю. ОБОЛЕНСКОЙ.

Итакъ, еще намъ суждено
 Дорогой жизни повстрѣчаться,
 И съ милымъ прошлымъ заодно
 Въ воспоминаньи повидаться.
 Неволею, внимая вамъ,
 Къ давно утраченнымъ годамъ
 Я улетаю воображеньемъ;
 Душа была пробуждена—
 И ей нежданымъ привидѣньемъ
 Минувшей жизни старина
 Въ краѣ минувшей показала.
 И намъ и мнѣ—въ тѣ времена,
 Когда лишь только разгоралась
 Денища младости для насъ—
Одна прекрасная на часъ
 Веселой гостей намъ являлась;
 Ея живая красота,
 Пльнительная, какъ мечта
 Души, согрѣтой упованьемъ,
 Въ моей душѣ съ воспоминашьемъ
 Всего любимого слита;
 Какъ сонъ воздушный мнѣ предстала
 На утрѣ дней моихъ она,
 И вмѣстѣ съ утромъ днѣй пропала
 Воздушной прелестью сна.
 Но отъ всего, что послѣ было,
 Чтò невозвратно истребило
 Стремленье невозвратныхъ лѣтъ,
Ее, какъ лучшій жизни цвѣтъ,
 Воспоминанье отдѣлило...
 Идя назначеннымъ путемъ,
 Съ угѣхой тайной видитъ странникъ,
 Какъ звѣздочка, зари посланникъ,
 Играеть въ пѣбѣ голубомъ,
 Пророчествуя день желанный;
 Каковъ бы ни былъ день потомъ,
 Холодный, бурный иль туманный—
 Но онь о звѣздочкѣ своей
 Съ любовью вспомнить и въ ненастьѣ.
 Нашлось иль нѣтъ земное счастье—
 Но *милое минувшихъ дней*
 (На ясномъ утрѣ упования
 Насъ веселившая звѣзда)

Милѣйшимъ будетъ всегда
Сокровищемъ воспоминанья.

КЪ КН. А. Ю. ОБОЛЕНСКОИ.

Бягитиня! для чего отъ насъ
Вы такъ безжалостно сѣбните?
На юды скрыться вы хотите,
Намъ показавшия *на часъ*.
Я знаю: *что, какую* властью
Къ Москвѣ старинной васъ манить!
Я знаю дивный сей магнитъ:
Но почтѣ скачете вы къ счастью.
Нельзя ль мнѣ на ухо шепнуть,
Когда вы сей открыли путь,
И какъ его открыть возможно?
Нельзя ль *маршрута* показать,
И мнѣ на случай подписать
Своей рукою *подорожной*?
О богатной сторонѣ,
Гдѣ это счастье таится,
Извѣстно по преданью мнѣ;
Порою же объ немъ и снится!
Но милый сошъ, какъ ни зову,
Прійти не хочетъ наяву,
Хотя прійти бы и не трудно!
Въ немъ все и просто и не чудно,
И сверхъестественнаго нѣтъ!
Объ этомъ счастье вздорный свѣтъ
Имѣетъ ложныя познанья;
Его жилищу описанья
Въ печатныхъ книгахъ не найдемъ;
Любимцы же его о немъ
Разказывать весьма лѣнны:
Счастливы вѣчно молчаливы,
Одно несчастіе—крикнуть!
Но мой домашній говорунъ—
Досужное воображеніе—
Мнѣ сочинило наугадъ!
Хотя сей богъ на первый взглядъ
Очаровательной приманкой
И не коснется до души,
Но нечувствительно, въ тиши,
Пріятностью, лицомъ, осяпкой
Сдружить васъ нехотя съ собой!
Онъ жить привыкъ въ ладу съ природой;
Любовь съ довѣрчивой *свободой*
И вѣрный спутникъ ихъ *покой*
Гостить безвыходно у бога,
И отгоняютъ отъ порога

Его имъ вѣрныхъ дверей
Душегубительную *ревность*.
Стыдливость, предъ которой древность,
Не воздвигая алтарей,
Въ молчаніи благоговѣла—
Прелестный сторожъ красоты,
Безъ блеска ризъ, безъ паготы,
Сего счастливаго предѣла
Очарованіе храпятъ,
И, угощая въ немъ *харитъ*,
Узвать пренятуетъ *Имению*
Подругу скуки—*перемину*.
Умренность, довольства другъ,
Порядокъ, ихъ животворитель,
Занятіе, души хранитель,
Пріятный братъ его *досугъ*,
Съ нимъ неразлучное *веселье*
И легкокрылое *бездолье*,
Товарищъ рѣзвости молодой,
Живутъ тамъ дружною семьей.
И въ семь пріютѣ все земное
Пріемлетъ существо иное:
Надежда радости тамъ,
Жизнь *вѣра* въ Провидѣнье,
Печаль находитъ утѣленье
Въ сердечномъ словѣ: *пополамъ!*
Тамъ даже *смерть*, приницель жестокой,
Склонясь на одрѣ неодипошій,
Теряетъ хладный ушасъ свой;
Жизнь уводя одной рукою,
Спѣшитъ разоблачить другою
Лицо *врядущаго* для насъ,
И платитъ намъ за быстрый часъ
Мучительнаго разстананья
Надеждой вѣчнаго свиданья!..
Но виновать!.. Безъ нужды вамъ
Высокопарными стихами
Описываю то, что сами,
На зло и музѣ и стихамъ,
Вѣрнѣи вы опытомъ узнали!
Назвать бы имя божества,
И вы бы вмигъ, безъ колдовства,
Все остальное угадали!
Сей богъ—докончу въ двухъ словахъ—
Есть богъ *семейственнаго счастья*;
Его могу я безъ пристрастья
Хвалить и въ прозѣ и стихахъ:
Я отъ него благодѣяній
До сей поры не получаю,

А что я знаю, то узналъ
Изъ сповидъной и преданій.
Извѣстно: должно быть *двоимъ*,
Чтобъ смѣть явиться предъ нимъ —
Для одинокихъ пѣтъ пріема!
Княгиня! васъ прошу теперь! —
Ему дорога вамъ знакома! —
Нельзя ль, чтобъ отворилась дверь
Въ его пристанище святое
И для меня, — чтобъ въ добрый часъ
Вдругъ я преобразился въ *насъ*,
Чтобъ я *одинъ* вдругъ сталъ *насъ двое!*
Прошу мнѣ спутника найти
Такого, чтобъ къ жилищу бога
Была пріятна съ нимъ дорога,
Чтобъ не пришлось съ полупути
Назадъ бѣжать, не озираясь!
Хоть, вамъ довѣрчиво вѣряться,
И не боюсь я *не дойти*;
Но все на всякій страхъ желаю
[Чтобъ легче было выбирать.]
Попутчика вамъ описать,
Какимъ его воображаю.
Скажу вамъ: *онъ*, или *нѣтъ*, — *она*
Ужъ не ребенокъ быть должна:
Ребенку надобенъ учитель!
А я, мечтательнаго зритель,
Глядѣлъ до сей поры на свѣтъ
Сквозь призму сердца, какъ поэтъ!
Съ его прекрасной стороною
Я неспорченной душою
Знакомъ, но въ тридцать слишкомъ лѣтъ
Я все дитя, и буду вѣчно
Дитя, жилецъ земли безпечной;
Могу товарищемъ я быть
Во всемъ, что въ жизни сей *прекрасно*;
Съ душой невинною и ясной
Могу свою я душу слить:
Но неспособенъ зоркимъ взглядомъ
Приманокъ свѣта различать;
Могу на счастье руку дать,
Но не *впередъ* идти, а *рядомъ*.
Что вамъ сказать о красотѣ?
Я не желаю идеала,
Одной знакомаго мечтѣ;
Хочу, чтобы она нѣяла
Не тѣмъ, что можетъ взоръ пѣнять,
Чему легко название дать,
На что есть въ лексиконѣ слово,

Но что умчить стремленье лѣтъ...
Но тѣмъ, чему названья нѣтъ,
Что вѣчно молодо и ново,
И что прекраснѣй красоты!
Какія бъ ни были черты,
Желаю только, чтобъ сіяло
Сквозь ихъ живое покрывало
Мнѣ сердце, чистое, какъ день!
Нѣтъ совершенства, и напрасно
Его желать намъ! Здѣсь прекрасно
Лишь то, въ чемъ слиты *свѣтъ и тѣнь!*
Боюсь разборчивости строгой!
Чтобы идти земной дорогой,
Большой не надобенъ запасъ...
Любовь къ добру — и въ добрый часъ!
Еще бъ я много здѣсь прибавилъ;
Но васъ въ Москву зовущій рокъ,
Къ несчастью, слишкомъ малый срокъ
Моей болтливости оставилъ!
Итакъ, желаю, чтобъ *она*
Со мной *въ дурномъ* была *сходна*,
А въ *добромъ* *разнилась* со мною;
Страдая вѣсть зломъ однимъ,
Скорѣ зло мы *истребимъ*;
Добро жъ, согласно душою
Для, *въ одно* соединимъ;
Разсудокъ ясный и надежный
Я предпочту неосторожной,
Хотя и милой, *остротѣ*;
Хочу, чтобъ свѣтъ она судила
Въ спокойной сердца простотѣ,
И мыслью вѣрною свѣтила,
Не ослѣпляя, въ тишинѣ,
Какъ другъ-путеводитель мнѣ!
Не *тыкаю* воображенья,
Живою я желаю ей;
Одно — товарищъ заблужденья,
Другое — гелій нашихъ дней,
На вѣскхъ путяхъ цвѣты находить
И краски свѣжія наводить
На жизнь, поблекшую отъ лѣтъ...

Княгиня, васъ ужъ съ нами пѣтъ!
Мелькнули вы, какъ привидѣнье!
И, бѣдный сирота-поэтъ,
Я остаю теперь въ сомнѣнь:
Вы *сами* ль показали мнѣ,

Или только вапа тѣнь во снѣ
 Являлась мнѣ съ воспоминаньемъ
 О дняхъ веселья Москвы,
 Съ любезностью, съ очарованьемъ,
 Какимъ тогда пѣвняли вы,
 И съ милостивымъ обѣщаньемъ
 Необходимой мнѣ жены?
 Какъ жаль, что насъ такіе сны
 Лишь мимоходомъ навѣщаютъ,
 Лишь только дразнить счастьемъ насъ,
 И прочь летить въ тотъ самый часъ,
 Когда остаться обѣщаютъ!
 Какъ жаль, что съ вами суждено
 Моей судьбою своеправной
 Мнѣ быть знакомымъ—такъ давно,
 А быть короткимъ—такъ недавно!
 Умомъ бы яснымъ и живымъ
 Вы сонный умъ мой разбудили
 И зоркость опыта сдружили
 Съ сѣпымъ ребячествомъ моимъ,
 Не испугавъ воображенья!
 Какъ жаль, что ваши наставленья
 Не могутъ мнѣ компасомъ быть!
 Я признаюсь: опасно плыть
 Мнѣ по морю *большаго свѣта*
 Съ обманчивой звѣздой поэта:
 Любуясь милой сею звѣздой
 И слѣдя мечтой послушной
 За прелестью ея воздушной,
 Я руль позабываю мой,
 Не знаю камней, жертвы ждущихъ,
 И въ обольстительныхъ дугахъ
 Зрю призракъ береговъ *цветущихъ*
 На *неприступныхъ* берегахъ...
 Но васъ здѣсь нѣтъ, и васъ напрасно
 Въ путеводители мнѣ звать!
 Кое-какъ буду путь опасный,
 Судьбѣ отдавшись, продолжать!
 Беречь свой чолнъ отъ потопленья
 Среди невѣрной глубины,
 И терпѣливо доставленья
 Ждать мнѣ обѣщанной жены.

ВАСИЛИЮ АЛЕКСѢЕВИЧУ
 ПЕРОВСКОМУ.

Товарищъ! вотъ тебѣ рука!
 Ты другу во-время сказанъ;
 Къ любви душа была близка:
 Уже въ ней пламень загорался,

Животворитель бытія,
 И жизнь отцвѣтпая моя
 Надеждой снова зацвѣла!
 Онять о счастьѣ мнѣ шептала
 Мечта, знакомецъ старины...

Дорогой странникъ утомленный,
 Узрѣвъ съ холма неотдаленный
 Предѣлъ родимой стороны,
 Трепететь, сердцемъ оживаетъ,
 И жаднымъ взоромъ различаетъ
 За горизонтомъ отчій кровь,
 И слышитъ снова шумъ дубовъ,
 Которые давно шумѣли
 Надъ нимъ, игравшимъ въ колыбели,
 Въ виду родительскихъ гробовъ.
 Онъ небо узнаеть родное,
 Подъ конемъ счастье молодое
 Ему сказалося впервой!
 Прискорбно-радостнымъ желаньемъ,
 Невыразимымъ упованьемъ,
 Невыразимую мечтой,
 Живымъ утраченное мнитъ;
 Онъ снова гость минувшихъ дней,
 И снова жизнь къ нему тѣснится
 Всей милой прелестью своей...
 Таковъ былъ я одно мгновенье!
 Прелестно-быстрое видѣнье,
 Давно не посѣщавшій другъ,
 Меня внезапно навѣстило,
 Меня внезапно уманило
 На первобытный въ жизни лугъ!
 Любовь мелькнула предо мною.
 Съ возобновленною душою
 Я къ лѣрѣ бросился моею,
 И подъ рукой нетерпѣливой
 Бывалый звукъ раздался въ ней!
 И мертвое мнѣ стало живо,
 И снова на бездушный свѣтъ
 Я оглянулся, какъ поэтъ!..
 Но удался, мой посѣтитель!
 Не у меня тебѣ гостить!
 Не мнѣ о жизни возвѣстить
 Тебѣ, святой благовѣститель!

Товарищъ! мной ты не забытъ!
 Любовь—друзей не раздружить.
 Симъ несозрѣвшимъ упованьемъ,
 Едва отвѣданнымъ душою,
 Подорожу ль передъ тобою?

Сравню ль его съ твоимъ страданьемъ?
 Я вижу, молодость твоя
 Въ прекрасномъ цвѣтѣ умираетъ,
 И страсть, убійца бытiя,
 Тебя безмолвно убиваетъ!
 Давно веселости ужъ нѣтъ!
 Гдѣ остроты прiятной живость,
 Съ которой ты являлся въ свѣтѣ?
 Угрюмый спутникъ—молчаливость
 Повсюду слѣдомъ за тобой.
 Ты молча радостныхъ дичишься,
 И, къ жизни охладѣвъ, дружишься
 Съ одной убійственной тоской,
 Владѣльцемъ сердца одинокимъ.
 Мой другъ! съ участіемъ глубокимъ,
 Я часто на лицѣ твоёмъ
 Ловлю души твоей движенья!
 Болѣзнь любви безъ утешенья
 Изображается на немъ.
 Сіе смятеніе во взорѣ,
 Склоненномъ робко передъ ней,
 Несвязность смутная рѣчей
 Въ желанномъ сердцу разговорѣ;
 Перерывающіися гласъ;
 Къ тому, что окружаютъ пась.
 Задумчивое невниманье;
 Присутствiя очарованье,
 И неприсутствiя тоска,
 И трепеть, признакъ страсти тайной,
 Когда послышится случайно
 Любимый гласъ издалека,
 И это все, что сердцу ясно,
 А выраженью неподвластно,
 Сiя примѣты знаю я!..
 Мой жребій далъ на то мнѣ право!
 Но то, въ чемъ сладость бытiя,
 Должно ли быть ему отравой?
 Нѣтъ, милый! ободрись! она
 Столь восхитительна не даромъ:
 Души глубокой чистымъ жаромъ
 Сiя краса оживлена!
 Сей ясный взоръ—онъ не обманчивъ:
 Не прелестью ума одной,
 Онъ чувства прелестью приманивъ!
 Подъ сей веселостью живой
 Задумчивое что-то скрыто,
 Уныло-сладостное слито
 Съ сей оживленной красотой;
 Въ ней что-то искреннее дышетъ,

И въ миломъ голосѣ ея
 Довѣрчиво душа твоя
 Какой-то звукъ знакомый слышитъ,
 Всему въ немъ лучшему родной,
 Въ нее участіе любуицiй,
 И безъ успiя дающiй
 Ей убѣжденье и покой.
 О, вѣрь же, другъ, души прекрасной!
 Ужель природою напрасно
 Ей столько милаго дано?
 Люби! любовь и жизнь—одно!
 Отдайся ей, забудь сомнѣнья,
 И жребiй жизни соверши;
 Она пойметъ твое мученье,
 Она пойметъ языкъ души!

ПИСЬМО КЪ А. Л. НАРЫШКИНУ

Нарышкинъ, человѣкъ случайный,
 Дѣйствительный совѣтникъ тайный,
 Гофмаршалъ русскаго царя
 И заслуженный царедворецъ,
 Васъ проситъ русскiй стихотворецъ,
 Жуковскiй [просто говоря],
 Чтобъ въ Петергофѣ вы призрѣли
 Его земное существо,
 И въ тепломъ уголкѣ согрѣли
 Съ нимъ то младое божество,
 Которое за нимъ летаетъ,
 Ему покоя не даетъ
 И въ свѣтѣ музозю слыветъ.
 Опъ вамъ богиню повѣрстъ,
 Сказавъ за тайну, что она
 Причудлива и прихотлива,
 Въ просторѣ жить приучена,
 Зябка и временемъ лѣнлива!
 Богиня—женщина, и ей
 Дана причудничать свобода!
 А петергофская природа
 Извѣстна сыростью своею!
 Легко ей дать пѣвцу потачку
 И въ немъ восторгъ воспламенить,
 Легко пѣвца и простудить,
 И за небесную горячку
 Земной горячкой заплатитъ!
 Итакъ, прошу васъ о квартирѣ,
 Такой, чтобъ могъ я въ ней порой
 Непростуженною рукою
 Не по стуженой бѣгаль апрѣ!
 Нельзя ль, чтобъ былъ и камелекъ!

На сѣверѣ, гдѣ часто вьюга
 Смѣляеть теплый вѣтерокъ,
 Поэту важная услуга
 Въ каминѣ яркій огонекъ!
 Другую тайну вамъ открою:
 Да я и не одинъ собираюсь къ вамъ;
 Вся сволочь Пинда вслѣдъ за мною
 Воздушной тучею толною;
 Привыкнувъ къ теплымъ небесамъ,
 И на землѣ тепло мнѣ нужно!
 Къ тому же, сверхъ моихъ боговъ,
 На всякій случай въ Петергофѣ
 Беру семью крылатыхъ снеговъ,
 Товарищей мечты досужной,
 Волшебницъ, льшаевъ, духовъ,
 Да для моихъ стихотвореній
 Запасъ домашнихъ привидѣній
 И своскоштныхъ мертвецовъ!
 Короче, фду цѣлымъ домою!
 Хотя меня съ такимъ содомомъ
 Вамъ и трудненько помѣстить—
 Но, знаю, вы найдете средство!
 Позвольте, напримѣръ, спросить:
 Нельзя ль мнѣ море дать въ сосѣдство!
 Нельзя ль найти мнѣ уголокъ
 [Но не забывъ про камелѣкъ]
 Въ волшебномъ вашемъ Монилезирѣ!
 Признаться, вспомнишь лишь объ немъ,
 Душа наполнится огнемъ,
 И руки сами рвутся къ лирѣ.

объясненіе.

Когда безъ смысла къ Монилезиру
 Я рюною поставилъ лиру,
 Тогда сіялъ прекрасный день
 На небѣ голубомъ и знойномъ,
 И мысль мою плѣнила тѣнь
 На взморѣ свѣтломъ и спокойномъ.
 Но вѣзмъ извѣстно ужъ давно,
 Что смыслъ и рюема не одно—
 И я тому примѣромъ снова!
 Мнѣ съ неба насурно-сырова
 Разсудокъ мокрый доказалъ,
 Что Монилезиръ пріютъ прекрасный,
 Но только въ день сухой и ясный,
 Что отъ двора онъ далеко,
 Что хоть поэту и легко
 За вымыслами, за мечтами,
 За привидѣніями, чертями

Воображеніе посылать.
 Но что на прочія посылки—
 Чтобы утромъ кофе для пѣвца
 Принести изъ царскаго дворца,
 Чтобы попросить ножа или вилокъ,
 Чтобы просто сбѣгать за водой—
 Необходимо посоль другой,
 Что на сія препорученія
 Небесный геній слишкомъ дикъ,
 И что послѣдній истонникъ
 Проворитъ воображенія!
 Итакъ, сказавъ мое прости
 Пѣлбительному Монилезиру,
 И давъ ему для рюемы лиру,
 Слѣшу для смысла перейти
 Поближе къ царскому жилищу!
 И здѣсь, какъ тамъ, найдете поэта
 Себѣ мечтательную пищу!
 Зато здѣсь ужинъ и обѣдъ
 Вѣрнѣй—вѣдъ не одной мечтою,
 А дѣломъ брать я ихъ привыкъ;
 Къ тому же здѣсь, ходя за мною,
 Не уморится истонникъ.

П Ъ С Н Я.

Отымасть наши радости
 Безъ замѣны хладный свѣтъ;
 Вдохновенъ пылкой младости
 Гаснетъ съ чувствомъ жертвой лѣтъ;
 Не одно ланить пыланіе
 Тратимъ съ юностью живою—
 Видимъ сердца увиданіе
 Прежде юности самой.

Наше счастье разбитое
 Видимъ мы игрушкой волнъ,
 И въ далекой мракъ сердитое.
 Море мчитъ нашъ бѣдный чолнъ;
 Стрѣлы пѣтъ путеводительной,
 Иль вотще ея магнитъ
 Въ бурю къ пристани спасительной
 Чолнъ безпарусный мапить?

Хладъ, какъ будто ускоренная
 Смерть, заходитъ въ душу къ намъ;
 Къ наслажденію охлажденная,
 Охлаждѣвъ къ самымъ бѣдамъ,
 Безъ стремленья, безъ желанія,
 Въ насъ душа заглушена,

И навѣкъ очарованія
Слезъ отрадныхъ лишена.

На минуту ли улыбкую
Мертвый ликъ нашъ оживить,
Или прежнее ошибкою
Въ сердце сонное зайдетъ—
То обманъ; то плюсъ играющій
По развалинамъ сѣдимъ;
Сверху листъ благоухающій—
Прахъ и тлѣние подъ нимъ.

Оживите сердце вялое;
Дайте быть по старинѣ;
Иль оплакивать бывалое
Слезъ бывалыхъ дайте мнѣ.
Сладко, сладко появленіе
Ручейка въ пустой глуши;
Такъ и слезы—освѣженіе
Запугѣвша души.

ТРИ ПУТНИКА.

[изъ уланца].

Въ свой край возвратяся изъ дальней земли,
Три путника въ гости къ старушкѣ зашли.

«Прими, пріюти насъ на темную почъ;
Но гдѣ же красавица? Гдѣ твоя дочь?»

— Принять, пріютить васъ готова, друзья;
Скончалася красавица-дочка моя.—

Въ свѣтлицѣ свѣча предъ иконою горитъ;
Въ свѣтлицѣ красавица въ гробѣ лежитъ.

И первый, поднявши покровъ гробовой,
На мертвую смотритъ съ унылой душой:

«Ахъ! если бѣ на свѣтѣ еще ты жила,
Ты мною бѣ отнынѣ любима была!»

Другой покрывало опять паложилъ,
И горько заплакать и взоръ опустилъ:

«Ахъ, милая, милая, ты ль умерла?
Ты мною такъ долго любима была!»

Но третій опять покрывало поднялъ,
И мертвую въ блѣдны уста цѣловалъ:

«Тебя я любилъ; мнѣ тебя не забыть;
Тебя я и въ вѣчности буду любить!»

ВЪ КОМИТЕТѢ,

учрежденный по случаю похоронъ навловской
вѣжи или бѣлки, отъ депутата жукковского.

Прошу меня не осуждать,
Что я промедлилъ судъ свой дать
О надписяхъ покойной бѣлкѣ!
Здѣсь дѣло шло не о бездѣлкѣ!
Я прежде долженъ былъ узнать
О томъ, какой была породы
Покойница съ большимъ хвостомъ,
Какъ жизньъ вела, и какъ потомъ
Лишившияся своей свободы
[Быть можетъ за грѣхи свои],
Съ домашней вѣточки вѣточила
Въ карманъ безжалостный Ильи,
Какъ сдѣлался карманъ могила,
И прочее. Вотъ мой отвѣтъ!
Звѣрокъ покойный былъ поэтъ!
За то, что онъ явится въ свѣтъ
Дерзнулъ съ своею музой мелкой,
Обиженный имъ Аполлонъ
Велѣлъ, чтобы по смерти онъ
Еще бродилъ по свѣту бѣлкой,
Безумнымъ рюмачамъ въ урокъ!
Но Фей и въ гнѣвѣ своеправенъ:
Поэтъ былъ, какъ поэтъ, безславенъ,
Зато сталъ славенъ, какъ звѣрокъ!
Илья некаль въ лѣбу забавы,
Но все на свѣтѣ семь обманъ!
Онъ бѣлку спряталъ въ свой карманъ!
Потомъ карманъ сталъ храмомъ славы
Для осужденнаго пѣвца!
Пока поэтъ некаль вѣнца
Себѣ въ горячкѣ вдохновенъ,
Онъ былъ добычею забвенья!
Но только-что онъ бѣлкой сталъ
И равнодушно промѣнялъ
На рожу, волю и орѣхи
Всѣ стихотворныя утѣхи—
Судьбѣ разгнѣванной на зло
Его безсмертіе нашло!
О ты, задохнувшійся въ кармаиѣ
Неумолимаго Ильи,
Хотя, бѣднякъ, стихи твои
И скрыты навсегда въ туманѣ
Забвенья для грядущихъ лѣтъ,
Но для тебя забвенья нѣтъ!
Судьбы папрасно вѣроломство!
Ты бѣлкой перейдешь въ потомство!..

Теперь, какъ избранный судья,
Осмѣлюсь вамъ представить я
На безпристрастное рѣшенье
Мое о надписяхъ сужденье.
Ихъ шесть готово нумеровъ—
Всѣ хороши! безъ дальнихъ словъ!
По похвалой, признайтесь сами,
Не должно бременить могилъ:
Илья же бѣлку задушилъ;
На что жъ ее душить стихами!
Къ тому жъ—скажу на всякій страхъ—
Не все въ прекрасныхъ сихъ стихахъ
Для всѣхъ покажется прекрасно:
Вотъ, напримѣръ, въ однихъ сечь *Dreck!*
Но въ напѣ благопристойный вѣкъ
Къ могилѣ подойти опасно
Съ такой дунистой похвалой;
Въ семъ словѣ, правда, смыслъ простой,
Оно и кратко, и понятно;
И знаемъ мы, что человекъ
И всѣ его надежды—*Dreck!*
По *Dreck* для вкуса неприятно!—
Въ другихъ сечь *Nadzy-Padzy...*—Нѣтъ,
Такихъ стиховъ не приметъ свѣтъ!
Они и черетвы и не гладки!
Къ тому жъ на камняхъ гробовыхъ
Мы ищемъ надписей простыхъ:
На нихъ не нужны намъ загадки.
Чтобъ *Nadzy-Padzy* объяснить,
Въ вѣкахъ грядущихъ, можетъ-быть,
Ученость завела бы споры,
И доброй бѣлки мирный прахъ
Надолго бъ поселилъ въ умахъ
Недоумѣнье и раздоры!
Начто жъ могилей бѣлки намъ
Время грядущихъ докторамъ
Давать несчастный саучай драгъ
За смыслъ неизъяснимыхъ словъ
И въ толкованьяхъ заворачивать.
Короче—выборъ мой готовъ:
Для блага докторовъ почтенныхъ
Изъ надписей, мнѣ порученныхъ,
Назначилъ я одну—и вотъ
Ея смиренный переводъ:
«Веселое дитя природы,
Въ лѣсу безопасно я жила,
И въ немъ довольства и свободы
Изображеніемъ была.
По бросилъ неизбѣжный камень

Судбою посланный Илья,
И вмигъ, какъ будто легкой пламени,
Потухла быстро жизнь моя!
И мнѣ приютъ могила стала,
И камень тяжкій надо мной;
По счастью здѣсь, и я знавала:
Жила и Вожій свѣтъ былъ мой!»

* * *

Что радость?—Бабочка вдали, вблизи
лягушка.
Судьба? — Капризная и вздорная *сти-*
рушка.
Надежда?—легкая *осертушка.*
А жизнь?—ихъ жалкая *штрушка.*

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ ВОСПИТАНИЦЪ ИНСТИТУТА, ПРИ ВЫПУСКѢ.

1-й голосъ.

Подруги! часъ разлуки наступилъ—
Покинуть намъ приютъ нашъ безопасный!
Вечно здѣсь, со младостію япой,
Играли мы... то сонъ прекрасный былъ!
И улетѣлъ нашъ сонъ прекрасный!

2-й голосъ.

Хранительная снѣ,
Приютъ весны младяя!
Здѣсь годы золотые
Для насъ прошли, какъ день!
Здѣсь намъ подругой было
Веселье каждый часъ,
И счастье у насъ
Незванное гостило.

Надежда намъ была
Знакома безъ волненія,
Душа безъ нетерпѣнья
Грядущаго ждала!

Когда же долетала
О горѣ вѣсть до насъ:
Тѣ былъ намъ чуждый гласъ,
Душа не постигала.

Покой нашъ сторожилъ
Самъ ангелъ нашъ хранитель,
И онъ намъ изъяснитъ
Судьбы земныя былъ.

3-й голосъ.

Подруги! мы еще не разлучились,
Но близокъ неизбежный часъ!
Ужъ двери намъ исхода отворились

И ждѣть судьба за нами насъ!
 Мы здѣсь ея не знаемъ грозной воли,
 Ей чуждѣ былъ нашъ пріютъ святой,
 Но тамъ... увы! какія вынемъ доли
 Себѣ изъ чаши роковой?

Три голоса.

Приступимъ безъ смятенья
 Къ сей чашѣ роковой,
 То чаша Провидѣнья,
 А не судьбы слѣпой!

Къ знакомому намъ Богу
 Смирненно воззовемъ,
 И съ вѣрою въ дорогу
 Житейскую поидемъ.

1-й голосъ.

Легко намъ вѣрить въ Провидѣнье!
 Младымъ непятное сердцамъ,
 Оно давно открылось намъ
 Въ святомъ лицѣ благотворенья.

2-й голосъ.

Какъ часто здѣсь видали
 Мы ту передъ собой,
 Которой имя дали
 Сердечное: *родной!*

Отъ насъ она таила
 Величество царей,
 И матерью входила
 Въ семью своихъ дѣтей.

И зримо и незримо—
 Хранитель нашъ была,
 И мыслию любимой
 Въ душѣ у насъ жила.

И мы, па разставанъ
 Съ пріютомъ дѣтскихъ лѣтъ,
 Объ ней воспоминае
 Возьмемъ, какъ благо, въ свѣтъ.

Оно намъ открыенье,
 Имъ жизнь объяснена;
 Подруги! Провидѣнье
 Не то же ль, что она?

И мы въ печальный часъ разлуки,
 Поднимемъ вмѣстѣ къ небу руки,
 Соединимъ въ послѣдній разъ
 Сердца въ одинъ молящій гласъ!

Хоръ.

О, Провидѣнье святое!
 Тебя, въ торжественный сей часъ,
 Когда свершается для насъ
 Опредѣленіе земное,

Когда мы въ новый путь идемъ,—
 Тебя съ надеждою зовемъ!

Въ твою хранительную руку
 Намъ сладостно себя предать,
 О, дай во благо намъ узнать
 Сей жизни трудную науку!
 И твой для насъ да будетъ *свѣтъ*,
 Что былъ пріютъ сей съ дѣтскихъ лѣтъ.

Услышь, Хранитель-Провидѣнье,
 Услышь молитвы нашихъ гласъ!

И ту, которая для насъ
 Была твое изображенье—
 Благослови! благослови
 Ее рукой твоей любви!

А мы, прощаясь со слезами
 Съ своею милою *родной*,
 Ей, въ даръ за все, обѣтъ святой
 Приносимъ дѣтскими сердцами:
 Въ любви къ добру—ее любить,
 И жизнью—ей не измѣнить!

1821.

* * *

Тѣснятея всѣ къ тебѣ во храмъ,
 И всѣ съ колѣнопреклоненьемъ
 Тебѣ приносимъ оммамъ,
 Тебя гремищимъ славятъ пѣньемъ;
 Я одинокъ въ углу стою—
 Какъ жизнью, полною я тобою,
 И жертву тайную мою
 Я приношу тебѣ душою!

ВОСПОМИНАНІЕ.

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
 Своимъ соутствіемъ для насъ животворили,
 Не говори съ тоскою: *ихъ нѣтъ*;
 Но съ благодарностію: *были*.

ПЕРИ И АНГЕЛЪ.

повѣсть.

[изъ муръ].

Однажды пери молодая
 У вратъ потеряннаго рая
 Стояла въ грустной тишинѣ;
 Ей слышалось: въ той сторонѣ,
 За неприступными вратами,
 Журчали звонкими струями
 Живые райскіе ключи,

И пеба райскаго лучи
 Лизись въ полуотверсты двери,
 На крылья одинокой пери;
 И тихо плакала она
 О томъ, что рая лишена.
 «Тамъ духи свѣта обитають;
 «Для нихъ цвѣты благоухають
 «Въ неувядаемыхъ садахъ.
 «Хоть много на земныхъ дугахъ,
 «И на дугахъ свѣтили небесныхъ
 «Есть много и цвѣтовъ прелестныхъ;
 «Но я чужда ихъ красоты—
 «Они не райскіе цвѣты.
 «Обитель роскоши и мира,
 «Свѣжа долина Кашемира;
 «Тамъ свѣтлы озера струи,
 «Тамъ сладостно журчатъ ручьи—
 «Но что ихъ блескъ передъ блистаньемъ,
 «Что сладкій гласъ ихъ предъ журчаньемъ.
 «Эдемскихъ, жизни нозныхъ водъ?
 «Направь стремительный полѣтъ
 «Къ безчисленнымъ звѣздамъ созданья,
 «Среди ихъ пышнаго блистанья
 «Неизмѣримость пролети,
 «Всѣ ихъ блаженства изочи,
 «И каждое пусть вѣчность длится...
 «И все ихъ вѣчность не сравнится
 «Съ одной минутою небесъ.»
 И быстрые потоки слезъ
 Бѣжали по лапшамъ пери.
 Но ангель, стражъ эдемской двери,
 Ее прискорбною узрѣвъ;
 Онъ къ ней съ утѣхой подлетѣвъ;
 Онъ вслушался въ ея стенанья,
 И ангельскаго состраданья
 Слезой блеснули очеса...
 Такъ чистой каплею роса,
 Въ сіяньи райскаго востока,
 Такъ капля райскаго потока
 Блеститъ на цвѣтѣ голубомъ,
 Который дышетъ лишь въ одномъ
 Саду небесъ (гласить предашь).
 И онъ сказалъ ей: «уюванье!
 «Узнай, что исбомъ рѣшено:
 «Той пери будетъ прощено,
 «Которая ко входу рай
 «Изъ дальняго земнога края
 «Съ достойнымъ даромъ прилетитъ.
 «Лети—найди—судьба проситъ;

«Впускать утѣшно примиренныхъ».

Быстрѣй кометъ воспламененныхъ,
 Быстрѣе звѣздныхъ тѣхъ мечей,
 Которые во тьмѣ почей
 Въ десницѣ ангеловъ блистають,
 Когда съ небесъ они свергають
 Духовъ, противныхъ небесамъ,
 Но свѣтло-голубымъ полямъ
 Эфирнымъ пери устремилась;
 И скоро пери очутилась
 Съ лучомъ десницы молодой
 Надъ пробужденною землей.
 «Но гдѣ искать святаго дара?
 «Я знаю тайны Шильминара:
 «Стоаны тамъ гордые стоятъ;
 «Подъ ними скрытые, горять
 «Въ сосудахъ геніевъ рубины.
 «Я знаю дно морской пучины:
 «Базис Аравійской стороны
 «Во глубинѣ погребены
 «Тамъ острова благоуханій.
 «Знакомъ мнѣ край очарованій:
 «Воды исполненный живой,
 «Сосудъ Ямшидовъ золотой
 «Таится тамъ, хранимъ духами.
 «Но съ сими ль въ рай войти дарами?
 «Син дары не для небесъ.
 «Что камней блескъ въ виду чудесъ,
 «Престолу Алла предостоящихъ?
 «Что капля водъ животворящихъ
 «Предъ вѣчною бездною бытія?
 Такъ думая, она въ края
 Святого Инда низлетала.
 Тамъ воздухъ сладокъ; цвѣтъ коралла,
 Жемчугъ и злато янтарей
 Тамъ украшаютъ дно морей;
 Тамъ горы зноемъ пламенѣють,
 И въ нѣдрѣ ихъ алмазы рдѣють;
 И рѣки въ брачномъ блескѣ тамъ,
 Съ любовью къ пышнымъ берегамъ
 Тѣснясь, приносятъ дани злата.
 И доли, полны аромата,
 И древъ саидальныхъ вѣтвямъ,
 И куньи розъ могли бы тамъ
 Для пери быть прекраснымъ раемъ...
 Но что же? Кровью обогащаемъ
 Потокъ увидѣла она.
 Въ дугахъ прекрасная весна,

А люди — братья, братій жертвы —
 Обезображены и мертвы
 Лежа на бархатъ луговъ,
 Дыханье чистое цвѣтовъ
 Дыханьемъ смерти заражали.
 О, чьи стопы тебя поирали,
 Благословенный солнцемъ край?
 Твоихъ садовъ тѣнистый рай,
 Твоихъ боговъ святые лики,
 Твои народы и владыки
 Какой рукой истреблены?
 Властитель Газпы, вихрь войны,
 Протекъ по Индіи бѣдою;
 Свой путь увынать за собою
 Опъ прахомъ отнятыхъ коронъ;
 На ценовъ своихъ навѣсилъ огнь
 Любимецъ дарскихъ ожерелья;
 Обитель чистую веселья,
 Зенаны дѣвъ опъ оквернялъ;
 Жрецовъ во храмахъ умертвилъ
 И золотыя ихъ пагоды
 Въ священныя обрушилъ воды.
 И видитъ пери съ вышины:
 На полѣ страха и войны
 Боецъ въ крови, но съ бодрымъ окомъ,
 Надъ свѣтлымъ родниці потокомъ
 Стоитъ одинъ, и за спиной
 Колчанъ съ послѣднею стрѣлой;
 Кругомъ товарищи сраженны...
 Лицомъ безстрашнаго пламенный,
 «Живи!» Тираникъ ему сказалъ.
 Но воинъ, молча, указалъ
 На обгаренны кровью воды,
 И истребителю свободы
 Послалъ отвѣтъ своей стрѣлой.
 По твердой бронѣ боевой
 Стрѣла съольнула; живъ губитель;
 На трупы братьевъ палъ ихъ мстителъ.
 И вдалъ помчался шумный бой.
 Все тихо; вопиъ молодой
 Ужь умиралъ; и кровь скудѣла...
 И пери къ юногѣ слетѣла
 Въ сіяньи утреннихъ лучей,
 Чтобъ въжды гаснущихъ очей
 Ему смежить рукой любви,
 И, въ смертний мигъ, священной крови
 Оставшую каплю взять.
 Взяла... и на небо опять
 Ее помчалъ упованье.

«Богамъ угодное даише
 «(Она сказала) я нашла:
 «Пролита кровь сія была
 «Во искушеніе свободы;
 «Чистѣйшія адемски воды
 «Съ пей не сравнятся чистотой.
 «Такъ, если есть въ странѣ земной
 «Достойное небесъ воззрѣнья:
 «То что жъ достойнѣй приношенья
 «Сей дани сердца, все свое
 «Утраченного бытіе
 «За дѣло чести и свободу?»
 И къ райскому стремится входу
 Она съ добычею земной.
 — О, пери! даръ прекрасенъ твой
 [Сказалъ ей стражъ крылатый рай,
 Приветно очи къ ней склоняя],
 Угоденъ храбрый для небесъ,
 Который родникъ принесъ
 На жертву жизнь... но видишь, пери,
 Кристальныя спокойныя двери,
 Не растворяется Эдемъ...
 Иной желаютъ дани въ немъ. —
 Надежда первая напрасна.
 И пери, горестно-безгласна,
 Опять съ эфирной вышины
 Стремится — и къ горамъ луны,
 На лоно Африки слетаетъ.
 Предъ пей, рождаясь, блистаетъ
 Въ неизяемыхъ истокахъ Инда,
 Средь тѣхъ лѣсовъ, гдѣ онъ сокрылъ
 Отъ насъ младенческия воды,
 И гдѣ безплотныхъ хороводы,
 Слетаясь утренней порой
 Надъ люлькой бога водяной,
 Тревожатъ сонъ его священный,
 И великанъ поворожденный
 Приветствуетъ улыбкой ихъ.
 Средь пальмъ Египта въковыхъ,
 По гротамъ, хладной тьмы жилищамъ,
 По сумрачнымъ нарѣй кладбищамъ
 Летаетъ пери... то она,
 Улыбкой думою полна,
 Розетты знойною долиной,
 Веетъ за четою голубиной,
 Къ приюту ихъ любви летитъ,
 Ихъ стоны внемлетъ и груститъ;
 То, вѣя тихо, замѣчаетъ,
 Какъ зрѣиъ свѣтъ луны мелькаетъ

На пелликановыхъ крылахъ,
 Когда на голубыхъ водахъ
 Мерида онъ плыветь и плещеть,
 И вокругъ него лазурь трещеть.
 Предъ ней волшебная страна.
 Небесъ далекихъ глубина
 Сіяла яркими звѣздами;
 Дремали пальмы надъ водами,
 Вершины томно преклоня,
 Какъ дѣвы, отъ веселій дня
 Уставъ, въ подушки нуховыя
 Склоняють головы младыя;
 Ночной уиившия росой,
 Лялеи съ дѣвственной красой
 Въ роскошномъ снѣ благоухали,
 И ночью листья освѣжали,
 Чтобъ встрѣтить милый день нынѣшній;
 Чертоги надшіе царей,
 Въ величій уединенья,
 Великолѣпнаго видѣнья
 Остатками казались тамъ:
 Но ихъ обрушеннымъ стѣнамъ,
 Ночной ихъ стражъ, сова порчала
 И ночь безмолвну окликала,
 И временемъ, когда луна
 Являлась вдругъ, обнажена
 Отъ перелетнаго тумана,
 Печально-тихая султана,
 Какъ идолъ на столпѣ сѣдомъ,
 Сіяла пурпурнымъ крыломъ.
 И что жъ?... Средь мирныхъ сихъ явленій
 Губительный цустины геній
 Приютъ нежданннй свой избралъ;
 Въ Эдемъ сей онъ чуму примчалъ
 Съ песковъ стелей воспламененныхъ;
 Подъ жаромъ крылій зараженныхъ
 Вмигъ умираеть человекъ,
 Какъ быліе, когда протекъ
 Надъ нимъ самаиа вихоръ знойной.
 О, сколь для многихъ дель, спокойно
 Угаснувшій средь ихъ надеждъ,
 Угасъ навѣкъ—и мертвыхъ вѣждъ
 Ужъ не обрадуетъ депницей!
 И стала смрадною больницей
 Благоуханная страна;
 Сіаньемъ дремлющимъ луна
 Сребрить тѣла непогребенны;
 Заразы ядомъ устранный,
 Отъ нихъ летить и воронъ прочъ;

Гіена лишь, бродя всю ночь,
 Врываетъ для страшной нищи
 Въ опустошенныя жилищи;
 И горе страннику, предъ кѣмъ
 Внезапно вспыхнувшимъ огнемъ
 Блеснуть вблизи изъ мрака ночи
 Ея огромны-злыя очи!...
 И пери жалости полна;
 И грустно думаетъ опа:
 «О, смертннй, бѣдное творенье,
 «За древнее грѣхонадепье
 «Цѣной ужасной платиши ты;
 «Есть въ жизни райскіе цвѣты—
 «Но змѣй повсюду подъ цвѣтами.»
 И тихими она слезами
 Заплакала—и все предъ ней
 Вдругъ стало чище и свѣтлѣй:
 Такъ сильно слезъ очарованье,
 Когда прольеть ихъ въ состраданъ
 О человекѣ добрый духъ...
 Но близко водъ, и взоръ и слухъ
 Манящихъ свѣжими струями,
 Подъ ароматными древами,
 Съ которыхъ вѣтвями слегка
 Играли крылья вѣтерка,
 Какъ младость съ старостью играетъ,
 Узрѣла пери: умираеть,
 Къ землѣ припавши головой,
 Безмолвно мученикъ молодой;
 На лонѣ безпривѣтной ночи,
 Покинуть, неоплаканъ, очи
 Смыкаетъ онъ; и съ нимъ уаъ нѣтъ
 Толпы друзей, дотолѣ велѣдъ
 Счастливица милаго летавшей:
 Въ груди, отъ смертннхъ мумъ уставшей,
 Тяжелой язвы жаръ горитъ;
 Вогиде прохладный ключъ блеснть
 Вблизи для жаждущаго ока:
 Никто п капли изъ потока
 Ему не бросить па языкъ;
 Ничей давно знакомый зикъ
 Въ его послѣднее мгновенье—
 Земли прощальное видѣнье—
 Прискорбной прелестью своей
 Не усладитъ его очей;
 И не промолвить гласъ родного
 Ему того *прости* святого,
 Которое сквозь смертннй сонъ,
 Какъ удаляющійся звонъ

Небесной арфы, пась изъняеть,
 И съ нами вмѣстѣ умраеть.
 О, бѣдный юноша!... Но онъ
 Въ послѣдній часъ свой ободрель
 Еще надеждою земною,
 Что та, которая прямо
 Ему здѣсь жизнию была
 И съ нимъ одной душой жила,
 Отъ яда почи сей ужасной
 Защищена подь безонасой,
 Подь царской кровлею отца:
 Тамъ зной отъ милаго лица
 Рука невольницъ отвѣчаетъ;
 Тамъ легкій холодъ разливаель
 Игриво брызжущій фонтанъ,
 И отъ куряльницъ, какъ туманъ,
 Восходитъ амвры паръ душистый,
 Чтобъ воздухъ зараженный въ чистый
 Благоуханьемъ превратить.
 Но, ах! конецъ своей усладить
 Опъ тицетной сплится надеждой!
 Подь легкою почию одеждой,
 Съ горячей младостью ланить,
 Ужъ дѣва прелести снѣшить,
 Какъ чистый ангелъ исцѣленья,
 Къ нему, въ пріютъ его мученья.
 И часть его ужъ пагупалъ,
 Но близость друга угадаъ
 Страдалца взоръ полузакрытый;
 Опъ чувствуетъ: ему лапты
 Лобзають огненны уста,
 Рука горячая слита
 Съ его хладѣющей рукою,
 И освѣжительной струею
 Языкъ засохшій напоень...
 Но что жъ?... Несчастный!.. то сквозъ сонъ
 Одолѣвающей копчины
 (Чтобъ страшныя своей судьбины
 Съ возлюбленной не раздѣлять),
 Ее отъ груди отдалить
 Опъ томной слянитея рукою;
 То увлекаемый душою,
 Невольно къ ней онъ грудь прижметъ;
 То вдругъ уста онъ оторветъ
 Отъ жадныхъ устъ, една украдкой
 На поцѣлуй стыдливо-сладкій
 Дотолъ смѣвшихъ отвѣчать.
 И говоритъ она: «принять
 «Дай въ сердце мнѣ твое дыханье;

«Мнѣ уступи свое страданье,
 «Мнѣ жребій свой отдай вполнѣ.
 «Ах! очи обрати ко мнѣ,
 «Пока ихъ смерть не погасила;
 «Пока еще не позабыла
 «Душа любви своей земной,
 «Любовью подѣлиель со мной;
 «И въ смертный часъ свою мнѣ руку
 «Подай на смерть, не на разлуку...»
 Но обезсилена, томна,
 Вотще въ глазахъ его она
 Тяжелымъ окомъ ницель взгляда:
 Она ужъ гаснетъ, какъ лампада
 Подь душнымъ сводомъ гробовымъ.
 Ужъ быстрымъ трепетомъ своимъ
 Скопчала смерть его страданье—
 И дѣва, другу давъ лебанье
 Съ послѣднимъ всею любви огнемъ,
 Сама за нимъ въ лобзани томъ
 Желанной смертию умираеть.
 И пери тихо припимаеть
 Прощальный вздохъ «я души.
 «Покойтесь, вѣрные, въ тиши;
 «Здѣсь, посреди благоуханья,
 «Пукай эдемскія мечтанья
 «Лелѣють вашъ прекрасный сонъ;
 «Да будетъ усаждаемъ онъ
 «Игрою музыкы небесной,
 «Иль ильемъ птицы той чудесной,
 «Которая въ послѣдній часъ,
 «Торжественный подъемля гласъ,
 «Сама поеть свое сожженье,
 «И умираеть въ сладкопѣнь...»
 И пери, къ нимъ склоняя взглядъ,
 Дыханьемъ райскимъ ароматъ
 Окрестъ ихъ ложа разливаель,
 И быстро, быстро потрясаель
 Звѣздами яркаго вѣнца:
 Исчезла блѣдность ихъ лица;
 Ихъ существо преобразилось;
 Два чистыхъ праведника, милоель,
 Тутъ яснымъ почивали сномъ,
 Ажъ озаренные лучомъ
 Святой денницы воскресенья;
 И ангеломъ, для пробужденья
 Ихъ душъ слетѣвшимъ съ вышини,
 Среди окрестной тишины
 Сіяла пери надъ четою.
 Но ужъ востокъ зажженъ зарею,

И пери, къ небу свой полеть
 Направивъ, въ даръ ему чешеть
 Сей вздохъ любви, себя забывшей,
 И до конца неизмѣнлившей.
 Надежду все рождало въ пей:
 Съ улыбкой ангель у дверей
 Пріемлетъ даръ ея прекрасной;
 Звенять въ Эдемъ сладкогласно
 Деревъ кристаллыныя звонки;
 Въ лицо ей дышуть вѣтерки
 Амврозіей отъ тропы Аллы;
 Ей видны звѣздныя фіалы,
 Въ которыхъ, жизнь забывъ свою,
 Безсмертья первую струю
 Въ Эдемъ души пьютъ святыя...
 По все напрасно! роковыя
 Предъ пей врата не отперлись.
 Опять уныло: «удались!»
 (Сказать ей стражъ крыматый рай)
 «Сей вѣрной дѣвы смерть святая
 «Занисана на небесахъ;
 «И будутъ ангелы въ слезахъ
 «Ее чигать... но видишь, пери,
 «Кристаллыныя спокойныя двери,
 «И свѣтлый рай не отворенъ;
 «Не унывай, доступенъ оны;
 «Лети на землю съ упованьемъ.»
 Сіяла вечера сіяньемъ
 Отчизна розы Суристанъ,
 И солнце, неба великанъ,
 Сходя на западъ, какъ корона,
 Главу вѣнчала Ливанона,
 Въ великолѣпнн сѣбговъ
 Смотрящаго изъ облаковъ,
 Тогда, какъ рѣбюще лѣто
 Въ долинь, зносемъ разогрѣто,
 У ногъ его роскошно спить.
 О, сколь разнообразнн видъ
 Красы, движенья и блистанья
 Являль сей край очарованья,
 Съ эфирной зримый высоты!
 Лѣса, кудрявыя кусты;
 Потоконъ воды голубыя;
 Надъ ними дыни золотыя,
 Въ закатныхъ рѣбющи лучахъ
 На изумрудныхъ берегахъ;
 Старинны храмы и гробнищы;
 Веселыя веретепищы,
 На яркой стѣнѣ ихъ бѣлизнѣ

Въ багрянонъ вечера огнѣ
 Сіяющыя чешуями;
 Густыми голуби стадами
 Слетающіе съ вышныи
 На озаренны крутизны;
 Ихъ вѣянье, ихъ трепетанье,
 Ихъ переливное сіянье,
 Какъ бы сотканное для нихъ
 Изъ радугъ пламенно-живыхъ
 Безоблачнаго Переистана;
 Святія воды Иордана;
 Сліянный шумъ волны, листовъ
 Съ далекимъ нѣшьемъ пастуховъ,
 И пчелы ликой Палестины,
 Жужжанія среди долины,
 Блестя звѣздами на цвѣтахъ—
 Видъ усладительный... но, ахъ!
 Для бѣдной пери нѣтъ услады.
 Разбѣяны скопила взгляды,
 Тоской души утомлена,
 На падійш солницевь храмъ она,
 Вечернимъ солницевь озаренный;
 Его столпы уединены
 Въ величинъ стояли тамъ,
 По окружающимъ полямъ
 Огромной простираель тѣнью:
 Какъ будто время разрушенью
 Коснувшись запретило къ нимъ,
 Чтось поколѣбнлнмъ земнымъ
 Оставить о себѣ преданье.
 И пери въ тайномъ упованѣ
 Къ святымъ развалинамъ летить:
 «Быть-можетъ, талцманъ сокрытъ,
 «Изъ злата вылитый духами,
 «Подъ снми древними столпамъ,
 «Иль Соломонова печать,
 «Могущая намъ отверзати
 «И бездны океана темны,
 «И всѣ сокровища подземны,
 «И сверженнымъ съ небесъ духамъ
 «Опять къ желаннымъ небесамъ
 «Являть желанную дорогу.»
 И съ трепетомъ она съ порогу
 Жилища солнцева идетъ.
 Еще багряный вечеръ лѣтъ
 Своє сіянье съ небосклона
 И ярко пальмы Ливанона
 Въ роскошныхъ свѣтится лучахъ...
 Но что же вдругъ въ ея очахъ?

Долиной Баалбека ясною,
 Какъ роза, свѣжій и прекрасной,
 Бѣжитъ младенецъ; озаренъ
 Огнемъ заката, гнался онъ
 За легкокрылою стрекозою,
 Напрасно жадною рукою
 Стараясь дотянуться къ ней;
 Среди жасминовъ и лилей
 Она кружится непослушно,
 И блещетъ, какъ цвѣтокъ воздушной,
 Или какъ порхающій рубинъ.
 Уставъ, младенецъ подъ жасминъ
 Прилежъ и въ листвѣхъ угнѣдился.
 Тогда вблизи остановился
 На жарко-дышущемъ конѣ
 Бѣдою, съ лицомъ, какъ на огнѣ,
 Огъ зноя дневнаго горѣвшимъ;
 Надъ мелкимъ ручейкомъ, шумѣвшимъ
 Вблизи минарета, онъ съ коня
 Спрыгнувъ и, на воды склона
 Лицо, струденыхъ струй напился.
 Тутъ взоръ его оборотился,
 Изъ-подъ густыхъ бровей блестя,
 На безмятежное дитя,
 Которое въ цвѣтахъ сидѣло,
 И улыбалось и глядѣло
 Безъ робости на пришлеца,
 Хотя толь страшнаго лица
 Дотоль солнце не палило.
 Свѣдно-сумрачное было
 Подобно тучѣ громовой
 Оно своей ужасной мглой,
 И яркими чертами совѣсть
 На немъ изобразила повѣсть
 Страстей жестокихъ и злодѣйствъ:
 Разбой, насильство, плачь семействъ,
 Грабежъ, святыхъ оскверненье,
 Предательство, богохуленье—
 Все написала жизнь на немъ,
 Какъ обвинительнымъ перомъ
 Неумолимый ангелъ мщенья
 Записываетъ преступленья
 Земныя въ книгѣ роковой,
 Чтобъ послѣ милость ихъ слезой
 Съ погибельной страницъ смыла.
 Краса ли вечера смирила
 Въ немъ душу—но злодѣй стоялъ
 Задумчивъ, и предъ нимъ игралъ
 Малютка тихо межъ цвѣтами;

И съ яркими его очами,
 Глубоко впадшими, порой
 Встрѣчались полныя душой
 Младенца голубыя очи:
 Такъ дымный факель, въ мракѣ ночи
 Разврата освѣщавшій домъ,
 Порой встрѣчается съ лучомъ
 Всевоскрешающей денницы.
 Но солнце тихо за границы
 Земли зашло... и въ этотъ часъ
 Вечерній минаретовъ гласъ,
 Къ молбѣ скликающей, раздался...
 Младенецъ робожно поднялся
 Съ цвѣтовъ, колѣни преклонилъ,
 На югъ лицо оборотилъ,
 И съ тихостью предъ небесами
 Самой невинности устами
 Промолвилъ имя Божества.
 Его лицо, его слова,
 Его смиренно-сжаты руки...
 Казалось, о концѣ разлуки
 Съ Эдемомъ радостнымъ своимъ
 Молился чистый херувимъ,
 Земли на время поселенецъ.
 О, видъ прелестный! сей младенецъ,
 Сии святые небеса...
 И гордый Эвлисъ очеса
 (Такимъ растроганный явленьемъ)
 Склонилъ бы, внемлющъ съ умиленьемъ
 О свѣтлой рай красотѣ
 И о погибшей чистотѣ.
 А онъ?... Отверженный, несчастной!
 Передъ невинностью прекрасной,
 Какъ осужденный, онъ стоялъ...
 Увы! онъ памятью деталь
 Надъ темной прошлаго пучиной:
 Тамъ не встрѣчался ни единой
 Веселый берегъ, гдѣ бь пристать,
 И гдѣ бь отрадную сорвать
 Надеждѣ вѣтку примиренья;
 Одни лишь грозныя видѣнья
 Нослись въ темной безднѣ той...
 И грудь смягчилась тоской;
 И онъ подумалъ: «время было,
 «И я, какъ ты, младенецъ милой,
 «Былъ чистъ, на небеса смотрѣлъ,
 «Какъ ты, молиться имъ умѣлъ,
 «И къ мирной алтаря святыхъ
 «Спокойно подходилъ... а пылъ?»...

И голову потупилъ онъ;
 И все, что съ давнихъ тѣхъ временъ
 Въ душѣ ожесточенной знало,
 Чѣмъ сердце юное живало
 Во дни минувшей чистоты,
 Надежды, радости, мечты—
 Все вдругъ предъ нимъ возобновилось,
 И въ душу свѣжее вѣсеннлось;
 И онъ заплакалъ... онъ во прахъ
 Предъ Богомъ пагъ въ своихъ слезахъ.
 О, слезы покаянья! вами
 Душа дружится съ небесами;
 И въ тайный угрызенья часъ
 Виновный знаетъ только въ васъ
 Невинности святое счастье.
 И пери въ жалости, въ участъ,
 Забывъ себя и жребій свой,
 Съ покорною о немъ мольбой
 Глаза на небо—свѣтомъ равнымъ
 Надъ непорочнымъ и виновнымъ
 Сіяющее—возвела;
 Ея душа полна была
 Пензъяспимымъ ожидаемъ...
 На хладномъ прахѣ съ покаянемъ
 Предъ Богомъ плачущій злодѣй
 Лежалъ недвижимъ передъ ней,
 Къ землѣ припикнуть головою;
 И сострадательной рукою,
 Къ несчастному преклонена,
 Какъ пѣжная сестра, она
 Поддерживала съ умиленьемъ
 Главу, пагбенную смиренъемъ;
 И быстро изъ его очей
 Въ мирительную руку ей
 Струя горячихъ слезъ бѣжала,
 И на шею она несала
 Отвѣта милости слезамъ...
 И все прекрасно было тамъ!
 И были вечера свѣтила,
 Какъ яркя шапкадила
 Въ небесномъ храмѣ зажжены;
 И милое ей: изъ глубины
 Того незримаго чертога,
 Гдѣ чистымъ покаянемъ Бога
 Умѣть сердце обрѣтати,
 Къ землѣ сходила благодати;
 И тамъ, казалось, ликовали:
 Какъ будто ангелы детали
 Съ веселой вѣгью по звѣздамъ;

Какъ будто праздновали тамъ
 Святую радость примдренья—
 И вдругъ, внезапнаго стремленья
 Могуществомъ увлечена,
 Уже на высотѣ она;
 Уже предъ ней почти пропала
 Земля; и пери... угадала!
 Съ потокомъ благодарныхъ слезъ,
 Въ послѣдній разъ съ полунебесъ
 На мѣрѣ земной она воззрѣла...
 «Прости земля!»... и улетѣла.

ЛАЛА РУКЪ.

Милый сонъ, души плѣнитель,
 Гость прекрасный съ вышины,
 Благодатный поствитель
 Поднебесной стороны!
 Я тобою насладила
 На минуту, но воплѣтъ:
 Добрымъ вѣтникомъ явился
 Здѣсь небснаго ты мнѣ!
 Мнилъ я быть въ обѣтованной
 Той землѣ, гдѣ вѣчный миръ;
 Мнилъ я зрѣть благоуханный
 Безмятежный Кашемиръ;
 Видѣлъ я: торжествовали
 Праздникъ розы и весны,
 И пришлицу встрѣчали
 Изъ далекой стороны.
 И блистая и плѣняя—
 Словно ангелъ цеземной—
 Непорочность молодая
 Появилась предо мной:
 Свѣтлый завѣсъ покрывала
 Отбѣняла ея черты,
 И застѣнчиво склоняла
 Воръ умильный съ высоты.
 Все—и робкая стыдливость
 Подъ сіянемъ вѣнца,
 И младенческая живость,
 И величье лица,
 И въ чертахъ глубокость чувства
 Съ безмятежной тишиной—
 Все въ ней было безъ некуества
 Неописанной красой!
 Я смотрѣлъ—а призракъ мнѣ
 (Увлекая душу влѣтъ)

Пролеталъ невозвратно;
Я за нимъ—его ужь нѣтъ!
Посѣтилъ, какъ упованье;
Жизнь минуту озарилъ;
И оставилъ лишь предашье,
Что когда-то въ жизни былъ!

Ахъ! не съ нами обитаетъ
Геній чистый красоты:
Лишь порой онъ вѣщаетъ
Насъ съ небесной высоты:
Онъ носѣщенъ, какъ мечтанье,
Какъ воздушный утра сонъ;
Но въ святомъ воспоминаньи
Неразлученъ съ сердцемъ онъ!

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытiя бываетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья,
Благотворныя сердцамя;
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Намъ туда сквозь покрывало
Онъ дастъ взглянуть порой.

И во всемъ, что *здесь* прекрасно,
Что нашъ мiръ животворить,
Убѣдительно и ясно
Онъ съ душою говорить;
А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

ЯВЛЕНИЕ ПОЭЗИИ ВЪ ВИДѢ ДАЛА РУКЪ.

Къ востоку я стремлюсь душою!
Прелестная впервые тамъ
Явилась въ блескѣ надъ землею
Обрадованнымъ небесамъ.

Какъ утро юнаго творенья,
Она плѣнительна пришла,
И первый пламень вдохновенья
Струнами первыми зажгла.

Вездѣ любовь ее встрѣчаетъ;
Цвѣтеть ей каждая страна;
Но всюду милый сохраняеть
Обычай родины она.

Такъ пролетѣла здѣсь, блистая
Востока пламеннымъ вѣнцомъ,

Богиня пѣсенъ молодая
На паланкинѣ золотомъ.

Какъ свѣжей утренней порою
Въ жемчугъ утреннемъ цвѣты,
Она плѣняла красотою,
Своей не зная красоты.

И намъ съ своею улыбкой ясной,
Въ своей веселости младой,
Она казалася прекрасной
Всесообновляющей весной.

Сама гармонiя святая
Ея намъ мнилось бытiе,
И мнилось, душу разрывая,
Манила въ рай она ее.

При ней все мысли наши—нѣшь!
И каждый звукъ ея рѣчей,
Улыбка устъ, лица движенье,
Дыханье, взглядъ—все пѣня въ ней.

ВЪ АЛЬБОМѢ Е. А. АЛЪБЪЕВОЙ

[рожденной римской-корсаковой].

Кто васъ случайно въ жизни встрѣтитъ,
Тотъ день нечаянный такой
Межъ днями счастья замѣтитъ,
И скажетъ случаю *спасибо* всей душой!
И я ему, причудливому богу,
Спасибо всей душой сказалъ
За то, что мнѣ онъ на дорогу
Попутникомъ любезнымъ далъ

Прiятное объ васъ воспоминанье!
На чужь страннику сей даръ—благодѣанье!
Съ такимъ товарищемъ не скученъ скучный
Веселый веселѣ вдвое! [пусть,
Кто жъ разъ увидѣлъ васъ, тому невольню
Вселяется желанiе живое: [въ грудь
Чтобъ въ жизни встрѣтитъ васъ еще когда-
нибудъ,
Чтобъ, стѣя счастья, вы и счастливы были,
Но чтобъ и новаго знаконца не забыли!
Карлсбадъ, 1821, 29/го июня.

* *

Узрѣвъ черты сіи плѣнительно-живыя,
Какъ можно тайну угадать!
Всякъ скажетъ: двѣ сестры прелестно-моло-
Никто не скажетъ: дочь и мать! [дѣтя!

О Б Ъ Т Ы.

[соч. гети].

Будьте, о духи лѣсовъ, будьте, о нимфы
потока,
Вѣрны далекимъ отъ васъ, доступны близ-
кимъ друзьямъ!
Нѣтъ ихъ, нѣкогда здѣсь безпечною жизнью
жившихъ;
Мы, смѣня ихъ, имъ велѣды смиренно ко
счастью идемъ.
Съ нами любовь обитай, богиня радости
чистой!
Жизни прелесть она, близко далекое съ ней!

ШИЛЬОНСКИЙ УЗНИКЪ.

повѣсть.

[пѣзъ вайрона].

Замокъ Шильонъ—въ которомъ съ 1530 по 1537 заключенъ былъ знаменитый Бониваръ, женевскій гражданинъ, мученикъ вѣры и патриотизма—находится между Клараномъ и Вильневомъ, у самыхъ восточныхъ береговъ озера (Лемана). Изъ оконъ его видны, съ одной стороны, устье Роны, долила, ведущая къ Сентъ-Морицу и Мартини, сѣвѣнныя Валлискія горы и высокіе утесы Меллерк; а съ другой—Монтре, Шатедаръ, Кларанъ, Веве, множество деревень и замковъ; предъ нимъ разстилается необъятная равнинаводъ, ограниченная въ отдаленіи низкими голубыми берегами, на которыхъ, какъ свѣтлыя точки, сияють Лозанна, Моржъ и Ролль; а позади его падаетъ съ холма шумный потокъ. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ озеромъ, котораго глубина въ этомъ мѣстѣ простирается до 800 французскихъ футовъ. Можно подумать, что онъ выходитъ изъ воды, ибо совсѣмъ не видно утеса, служащаго ему основаніемъ: гдѣ кончится поверхность озера, тамъ начинаются круткія стѣны замка. Темница, въ которой страдалъ несчастный Бониваръ, до половины выдолблена въ гранитномъ утесѣ: своды ея, поддерживаемые семью колоннами, опираются на дикую, необтесанную скалу: на одной изъ колоннъ виситъ еще то кольцо, къ которому была прикрѣплена тѣль Бониварова; а на полу, у подошвы той же колонны, замѣтна впадина, вытопанная ногами несчастнаго узника, который столько времени принужденъ былъ ходить на цыпъ своей все по одному мѣсту. Неподдалеку отъ устья Роны, впадающей въ Женевское озеро, недалеко отъ Вильнева, находится небольшой островокъ, единственный на всемъ пространствѣ Лемана: онъ не примѣтенъ, когда плывешь по озеру, но его можно легко различить изъ оконъ замка.

I.

Взгляните на меня: я съдѣ;
Но не отъ хилости и лѣтъ,
Не страхъ внезапный въ ночь одну
До срока далъ мнѣ съдину.
Я сторбленъ, любь наморщенъ мой;
Но не труды, не холодъ, не злой—
Тюрьма разрушила меня.
Лишенный сладостнаго дня,
Дыша безъ воздуха, въ цѣпяхъ,
Я медленно дряхлѣть и чахъ,
И жизнь казалась безъ конца.
Удѣлъ несчастнаго отца:
За тыру смерть и стыдъ цыпей,
Удѣломъ сталъ и сыновей.
Насъ было шесть—пяты ужъ нѣтъ.
Отець, страдалецъ съ юныхъ лѣтъ,
Погибшій старцемъ на кострѣ,
Два брата, надшіе во црѣ,
Отдавъ на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовь.
Три заживо схоронены
На двѣ тюремной глубины—
И двухъ сожрала глубина;
Лишь я, развалина одна,
Себѣ на горе удѣлѣтъ,
Чтобъ ихъ оплакивать удѣлъ.

II.

На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ;
Тамъ въ подземельѣ семь колоннъ
Покрты влажнымъ мохомъ лѣтъ.
На нихъ печальный брезжитъ свѣтъ:
Лучъ, ненарокомъ съ вышины
Упавшій въ трещину стѣны
И заронившійся во мглу.
И на сыромъ тюрьмы полу
Онъ свѣтитъ тускло-одинокъ,
Какъ падъ болотомъ огонѣтъ,
Во мракѣ вѣющій ночномъ.
Колонна каждая съ кольцомъ;
И цѣпы въ кольцахъ тѣхъ висятъ;
И тѣхъ цѣпей желѣзо—ядъ;
Мнѣ въ члены вгрызлося оно;
Не будетъ ввѣкъ истреблено
Клеймо, надавленное имъ.
И день тяжелъ глазамъ моимъ,
Отвыкнувшимъ съ толь давнихъ лѣтъ
Глядѣть на радующій свѣтъ;
И къ волѣ я душой остылъ

Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣдній былъ
Убитъ неволей предо мной,
И рядомъ съ мертвымъ я, живой,
Терзался на полу тюрьмы.

III.

Цѣпями тѣми были мы
Къ колоннамъ тѣмъ пригвождены,
Хоть вмѣстѣ, но разлучены;
Мы шагу не могли ступить;
Въ глаза другъ друга различить
Намъ блѣдный мракъ тюрьмы мѣшалъ;
Онъ намъ лицо чужое далъ —
И братъ сталъ брату незнакомъ.
Была усада намъ въ однопъ:
Другъ другу голосъ подавать,
Другъ другу сердце пробуждать
Иль былою славной старины,
Иль звучной ибснью войны —
Но скоро то же и одно
Во мнѣ тюрьмы истощено;
Нашъ голосъ странно одичалъ;
Онъ хриплымъ отголоскомъ сталъ
Глухой тюремной стѣны;
Онъ не былъ звукомъ старины,
Въ тѣ дни, подобно намъ самимъ,
Могучимъ, вольнымъ и живымъ!
Мечта ль?... но голосъ ихъ и мой
Всегда звучалъ мнѣ, какъ чужой!

IV.

Изъ насъ троихъ я старшій былъ;
Я жребій собственный забылъ,
Дыша заботою одною,
Чтобъ имъ не дать упасть душой.
Нашъ младшій братъ, любовь отца....
Увы! черты его лица
И глазъ умильная краса,
Лазоревыхъ, какъ небеса,
Напоминали нашу мать.
Онъ былъ мнѣ все, и увядать
При мнѣ былъ долженъ милый цвѣтъ,
Щедрасный, какъ тотъ дневный свѣтъ.
Который съ неба мнѣ свѣтилъ,
Въ которомъ я на волѣ жилъ.
Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ:
Умомъ младенчески-игривъ,
Безпечно-весель самъ съ собой....
Но передъ горестью чужой
Изъ голубыхъ его очей
Въжали слезы, какъ ручей.

V.

Другой былъ столь же чистъ душой;
Но духъ имѣлъ онъ боевой:
Могучъ и крѣпокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ,
И въ первый рядъ на смерть готовъ....
Но безъ терпѣнья для оговъ.
И онъ отъ звука ихъ завялъ.
Я чувствовалъ, какъ погибалъ,
Какъ медленно въ печали гасъ.
Нашъ братъ, незримый намъ, близъ насъ.
Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ холмовъ,
Гонитель вепрей и волковъ —
И гробъ тюрьма ему была:
Неволи сила не смела.

VI.

Шильонъ Леманомъ окруженъ,
И водъ его со всѣхъ сторонъ
Неизмѣрима глубина;
Въ двойную волны и стѣна
Тюрьму совокупились тамъ;
Печальный сводъ, который намъ
Могилой заживо саужилъ,
Изрытъ въ скалѣ подводной былъ;
И день и ночь была слышна
Въ него бѣгущая волна
И шумъ надъ нашей головой
Струй, отшибаемыхъ стѣной.
Случалось — бурей до огня
Бывала взброшена волна,
И брызговъ дождь насъ окроплялъ;
Случалось — вихорь бушевалъ,
И содрогалася скала;
И съ жадностью душа ждала,
Что рухнетъ и задавить насъ:
Свободой былъ бы смертный часъ!

VII.

Средній братъ нашъ — я сказалъ —
Душой скоробѣль и увядать.
Уныль, угрюмъ, ожесточенъ,
Отъ пищи отказался онъ:
Вѣда тюремная жестка;
Но для могучаго стрѣлка
Нужду переносить легко.
Намъ козъ альпійскихъ молоко
Смѣнила смрадная вода;
А хлѣбъ нашъ былъ, какой всегда —
Съ тѣхъ поръ, какъ цѣпи созданы —
Слезами смачивать должны

Невольники въ своихъ цѣпяхъ.
 Не отъ нужды скорбѣлъ и чахъ
 Мой братъ: равно завялъ бы онъ,
 Когда бъ и нѣгой окруженъ
 Безъ волнъ быть... Зачѣмъ молчать?
 Онъ умеръ... я жь ему податъ
 Руки не могъ въ послѣднѣй часъ,
 Не могъ закрыть потухшихъ глазъ;
 Вотще я цѣпи грызъ и рвалъ —
 Со мною рядомъ умиралъ
 И умеръ братъ мой, одинокъ;
 Я близко былъ и былъ далекъ.
 Я слышать могъ, какъ онъ дышалъ,
 Какъ онъ дышать переставалъ,
 Какъ вздрагивалъ въ цѣпяхъ своихъ,
 И какъ ужасно вдругъ затихъ
 Во глубинѣ тюремной мглы...
 Они, спявъ съ трупа кандалы,
 Его безъ гроба погребли
 Въ холодномъ лонѣ той земли,
 На коей онъ невольникъ былъ.
 Вотще я ихъ въ слезахъ молилъ,
 Чтобъ брату тамъ могилу дать,
 Гдѣ могъ бы дневный лучъ сіять;
 То мысль безумная была,
 Но душу мнѣ она зажгла:
 Чтобъ волепъ былъ хоть въ гробѣ онъ.
 «Въ темницѣ (мнилъ я) мертвыхъ сонъ
 Не тихъ»... Но былъ отвѣтъ слезамъ
 Холодный смѣхъ; и братъ мой тамъ,
 Въ сырой землѣ тюрьмы, зарытъ,
 И въ головахъ его виситъ
 Пукъ имъ оставленныхъ цѣпей:
 Убийца достойный мавзолеей.

VIII.

Но онъ — нашъ милый, лучшій цвѣтъ,
 Нашъ ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ,
 Сокровище семьи родной,
 Онъ — образъ матери душой
 И чистой прелестью зила,
 Мечта любимая отца,
 Онъ — для кого я жизнь надалъ:
 Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
 Чтобъ послѣ могъ и волепъ быть...
 Увы! онъ долго могъ сносить
 Съ младенческою тишиной,
 Съ терпѣньемъ яснымъ жребій свой;
 Не я ему — онъ для меня
 Подпорой былъ... вдругъ день отъ дня

Сталъ упадать, ослабѣвалъ,
 Грустилъ, молчалъ и молча вялъ.
 О Боже! Боже! страшно зрѣть,
 Какъ силится преодолѣть
 Смерть человѣка... Я видалъ,
 Какъ ратникъ въ битвѣ погибалъ;
 Я видѣлъ, какъ плавецъ тонулъ
 Съ доской, къ которой онъ прильнулъ
 Съ надеждой гибнущей своей;
 Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй
 Съ свирѣлой дикостью въ чертахъ,
 Съ богохульствомъ на устахъ,
 Пока ихъ смерть не заперла:
 Но тамъ былъ страхъ — *здесь* скорбь была,
 Богзнь глубокая души.
 Смирненнымъ ангеломъ, въ тини,
 Онъ гасъ, столь кротко-молчаливъ,
 Столь безнадежно-терпѣливъ,
 Столь грустно-томень, нѣжно-тихъ,
 Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
 И обо мнѣ... увы! онъ гасъ,
 Какъ радуга, плѣбная насъ,
 Прекрасно гаснетъ въ небесахъ;
 Ни вздоха скорби на устахъ;
 Ни ропота на жребій свой;
 Лишь слово изрѣдка со мной
 О ланихъ прошлыхъ временахъ,
 О лучшихъ будущаго дняхъ,
 О упованьи... Но, объятъ
 Сей тратой, горшею изъ трагъ,
 Я былъ въ свирѣпомъ забытьи.
 Вотще, кончаясь, онъ свои
 Терзанья смертныя скрывалъ...
 Вдругъ рѣже, трепетище сталъ
 Дышать, и вдругъ умолкнулъ онъ...
 Молчаньемъ страшнымъ пробужденъ,
 Я влущиваюсь... тишина!
 Кричу, какъ бѣшенный... етъна
 Откликнулась... и умеръ гулъ!
 Я цѣпъ отчаянно рванулъ
 И вырвалъ... къ брату... брата нѣтъ!
 Онъ на столбѣ — какъ вешній цвѣтъ,
 Убитый хладомъ — предо мной
 Висѣлъ съ поникшею головой.
 Я руку тихую поднялъ;
 Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
 Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты;
 И, мнилось, были отняты
 Всѣ силы у души моей;

Все странно вдругъ сперлося въ ней;
Я дико по тюрьмѣ бродилъ—
Но въ ней покой ужасный былъ;
Лишь вѣялъ отъ стѣны сырой
Какой-то холодъ гробовой;
И, взоръ на мертваго вперивъ,
Я зналъ лишь смутно, что я живъ.
О! сколько муки въ знаньи томъ,
Когда мы тутъ же узнаемъ,
Что милому уже не быть!
И мигъ сей могъ я пережить!
Не знаю—вѣра ль то была,
Иль хладность въ жизни жизнь спасла?

IX.

По что потомъ сбилось со мной,
Не помню... свѣтъ казался тьмой,
Тьма свѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
Въ оцѣпенѣннн стоялъ,
Безъ памяти, безъ бытія,
Межъ камней хладнымъ камнемъ я;
И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкій свѣтъ тюрьмы моей,
Столь неавистный для очей:
То была тьма безъ темноты;
То была бездна пустоты
Безъ протяженья и границъ;
То были образы безъ лицъ;
Безъ неба, свѣта и свѣтиль,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть—какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой.

X.

Вдругъ лучъ внезапный посѣтилъ
Мой умъ... то голосъ птички былъ.
Онъ умолкалъ; онъ снова пѣлъ;
И мнилось, съ неба онъ летѣлъ;
И былъ утѣшно-сладокъ онъ.
Имъ очарованъ, оживленъ,
Заслушавшись, забылся я;
Но недолго... мысль моя
Стезей привычною пошла;
И я очнулся... и была

Опять передо мной тюрьма,
Молчанье то же, та же тьма;
Какъ прежде, блѣдною струей
Прокрадывался лучъ дневной
Въ стѣпную скважину ко мнѣ...
Но тамъ же, въ свѣтѣ, на стѣпѣ
И мой пѣвецъ воздушный былъ;
Онъ трепеталъ, онъ шевелилъ
Своимъ лазоревымъ крыломъ;
Онъ озаренъ былъ яснымъ днемъ;
Онъ пѣлъ привѣтно надо мной...
Какъ много было въ пѣснѣ той!
И все то было про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобнаго не зрѣлъ;
Какъ я, казалось, онъ скорѣлъ
О братѣ, и покинутъ былъ;
И онъ съ любовью навѣстилъ
Меня тогда, какъ ни однимъ
Ужъ сердцемъ не былъ я любимъ;
И въ сладость пѣснь его была:
Душа невольно ожила.
Но кто жь онъ самъ былъ, мой пѣвецъ?
Свободный ли небесъ жилецъ?
Или, недавно изъ цѣней,
По случаю къ тюрьмѣ моей,
Играя въ пѣбѣ, залетѣлъ
И о свободѣ мнѣ пропѣлъ?
Скажу ль?... Мнѣ думалось порой,
Что у меня былъ не земной,
А райскій гость; что братннй духъ
Поразовать мой взоръ и слухъ
Примчался птичкою съ небесъ...
Но утѣшитель вдругъ исчезъ;
Онъ улетѣлъ въ сіянье дня...
Нѣтъ, нѣтъ, то не былъ братъ... меня
Покинутъ такъ не могъ бы онъ,
Чтобъ я, съ нимъ дважды разлученъ,
Остался вдвое одинокъ,
Какъ трупъ межъ гробовыхъ досокъ.

XI.

Вдругъ новое въ судьбѣ моей:
Къ душѣ тюремныхъ сторожей
Какъ будто жалость путь нашла;
Дотолѣ ихъ душа была
Безчувственнѣй желѣзъ монхъ;
И что разжалобило ихъ,
Что милость вымолило мнѣ,
Не знаю... но опять къ стѣпѣ

Уже приковавъ не былъ я;
 Оборванная цѣпь моя
 На шеѣ билася моею;
 И по тюрьмѣ я вмѣстѣ съ ней
 Вдоль стѣнъ, кругомъ столбовъ бродилъ,
 Не смѣя братнихъ лишь могилъ
 Дотропнуться моею ногою,
 Чтобы послѣднія земной
 Святыни тамъ не оскорбить.

XII.

И мнѣ оковами прорыть
 Ступени удалось въ стѣнъ;
 Но воля не входила мнѣ
 И въ мысли... я былъ сирота,
 Мнѣ стала чужой мнѣ, жизнь пуста,
 Съ тюрьмой я жизнь сдружилъ мою:
 Въ тюрьмѣ я всю свою семью,
 Все, что знавалъ, все, что любилъ,
 Невозвратно схоронилъ,
 И въ области веселой дня
 Никто ужъ не жилъ для меня;
 Безъ мѣста на пиру земномъ,
 Я былъ бы лишній гость на немъ,
 Какъ облако, при ясномъ днѣ
 Потерянное въ вышинѣ,
 И въ радостныхъ его лучахъ
 Непужное на небесахъ...
 Но мнѣ хотѣлось бросить взоръ,
 На красоту знакомыхъ горъ,
 На ихъ утесы, ихъ лѣса,
 На близкія къ нимъ небеса.

XIII.

Я ихъ увидѣлъ—и онѣ
 Все были тѣ же: на вышинѣ
 Вѣковъ созданіе свѣга,
 Подъ ними Альпы и дуга,
 И бездна озера у ногъ,
 И Роны блестящій потокъ
 Между зеленыхъ береговъ;
 И слышенъ былъ мнѣ шумъ ручьевъ,
 Вбѣгущихъ, бьющихся по скаламъ;
 И но лазоревымъ водамъ
 Сверкали ясны облака;
 И быстрый парусъ челнока
 Между небесъ и водъ летѣлъ;
 И хижины веселыхъ селъ,
 И кровы свѣтлыхъ городовъ
 Сквозь наръ мелькали вдоль береговъ...
 И я примѣтилъ островокъ:

Прекрасенъ, свѣжъ, по одиноку
 Въ пространствѣ былъ онъ голубомъ;
 Цѣпи три дерева на немъ;
 И горный воздухъ вѣялъ тамъ
 По муравъ и по цѣптамъ,
 И воды были тамъ живѣй,
 И обвивался пѣжикѣй
 Кругомъ родныхъ береговъ онѣ.
 И видѣлъ я: къ моею стѣнѣ
 Челнокъ съ пловцами приставалъ,
 Гостилъ у берега, отплывалъ
 И, при свободномъ вѣтеркѣ
 Летя, скрывался въдалекѣ;
 И въ облакахъ орелъ игралъ,
 И никогда я не видалъ
 Его егерь быстрымъ—то къ огню
 Спускался онъ, то къ вышину
 Взлеталъ—за нимъ душа рвалась;
 И слезы повья изъ глазъ
 Пошли, и новая печаль
 Мнѣ сжала грудь... мнѣ стало жаль
 Моихъ покинутыхъ цѣпей.
 Когда жъ на дно тюрьмы моею
 Копать сойти я долженъ былъ—
 Меня, казалось, охватилъ
 Холодный гробъ, казалось, вновь
 Моя послѣдняя любовь,
 Мой милый братъ передо мной
 Былъ взять несейтою землею;
 Но какъ ни тяжело пыла грудь—
 Чтобы отъ страданья отдохнуть,
 Мнѣ мракъ тюрьмы отрадой былъ.

XIV.

День приходилъ—день уходилъ—
 Шли годы—я ихъ не считалъ;
 Я, мнилось, память потерялъ
 О перебѣвахъ на землѣ.
 И люди, наконецъ, принесли
 Мнѣ волю бѣдную отдать.
 За что и какъ? О томъ узнать
 И не помыслилъ я—давно
 Считать привыкъ я заодно:
 Безъ цѣпи ль я, въ цѣпи ль я былъ!
 Я безнадежность полюбилъ;
 И имъ я холодно внималъ,
 И равнодушно цѣпь скидалъ,
 И подземелье стало вдругъ
 Мнѣ милою кровлею... тамъ же другъ,
 Все однодомецъ было мой:

Наукъ темничный надо мной
 Тамъ мирно ткалъ въ моемъ окнѣ;
 За рѣзвой мышью при лунѣ
 Я тамъ подематривать любилъ;
 Я къ цѣни руку приучилъ:
 И... столь себѣ невѣрны мы!...
 Когда за дверь своей тюрьмы
 На волю я перешагнулъ—
 Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ.

1822.

ЗАМОКЪ СМАЛЬГОЛЬМЪ.

БАЛЛАДА.

[пѣзъ ВАЛТЕРЪ-СКОТТА].

До разсвѣта поднявшись, коня осѣдлавъ
 Знаменитый Смальгольмскій баронъ;
 И безъ отдыха гналъ, межъ утесовъ и скалъ,
 Опъ коня, торопясь въ Бротерстонъ.
 Не съ могучимъ Боклю совокупно сѣвшилъ
 На военное дѣло баронъ;
 Не въ кровавомъ бою перевѣдаться мнилъ
 За Шотландію съ Англіей онъ;
 Но въ желѣзной бронѣ онъ сидитъ на конѣ:
 Наточилъ онъ свой мечъ боевой;
 И покрытъ онъ щитомъ; и топоръ за сѣдъ—
 Укрыленъ двадцати-фунтовой. [ломъ
 Черезъ три дня домой возвратился баронъ,
 Отуманенъ и блѣденъ лицомъ;
 Черезъ силу и конь, ошѣненъ, запыленъ,
 Подъ тяжелымъ ступалъ сѣдокомъ.
 Анкраморскія битвы баронъ не видалъ,
 Гдѣ потоками кровь ихъ лилась,
 Гдѣ на Эверса грозно Боклю напиралъ,
 Гдѣ за родину бился Дугласъ:
 Но желѣзный шлемъ былъ изсѣченъ на немъ
 Былъ изрубленъ и панцирь и щитъ,
 Былъ подавленъ кровью топоръ за сѣдомъ,
 Но не англійской кровью покрытъ.
 Соскочивъ у часовни съ коня за стѣной
 Притаялся въ кустахъ, онъ стоялъ;
 И три раза онъ свистнулъ—и нажъ молодой,
 На условленный свистъ прибѣжалъ.—
 Подойди, мой малютка, мой нажъ молодой,
 И присядь на колѣни мои;

Ты младенецъ, но ты откровеннѣ душой,
 И слова непритворны твои.

Я въ отлучкѣ былъ три дня, мой нажъ моло-
 Мнѣ теперь ты всю правду скажи: [дой;
 Что замѣтилъ? Что было съ твоей госпожой?
 И кто былъ у твоей госпожи?

«Госпожа по ночамъ къ отдаленнымъ
 скаламъ,

Гдѣ маякъ, приходила тайкомъ:
 (Вѣдь огни по горамъ зажжены, чтобъ
 врагамъ

Не прокрасться во мракъ ночномъ).

И на первую ночь непогода была,
 И безъ умолку филинъ кричалъ;
 И она въ непогоду ночную пошла
 На вершину пустынную скалъ.

Тихомолкомъ подбрался я къ ней въ
 И сидѣла одна—я узрѣлъ; [темногъ;
 Не стоялъ часовой на пустой высотѣ;
 Одинокъ маякъ пламенилъ.

На другую же почъ—я за ней по стѣдамъ
 На вершину опять побѣжалъ—
 О, Творецъ, у огня одинокаго тамъ
 Мнѣ невѣдомый рыцарь стоялъ.

Поднершился мечомъ, онъ стоялъ предъ
 огнемъ
 И бесѣдовалъ долго онъ съ ней;

Но подъ шумнымъ дождемъ, но при вѣтрѣ
 ночномъ

Я разслушать не могъ ихъ рѣчей,

И послѣдняя ночь безпечна была,
 И порывистый вѣтеръ молчалъ;
 И къ маяку она на свиданье пошла;
 У маяка ужъ рыцарь стоялъ.

И сказала (я слышалъ): «въ полуночный
 часъ,

«Передъ свѣтлымъ Ивановымъ днемъ,
 «Приходи ты; мой мужъ не опасенъ для
 «Онъ теперь на свиданьи иномъ; [дасъ;

«Онъ съ могучимъ Боклю ополчился теперь;
 «Онъ въ сраженьи забылъ про меня—
 «И тайкомъ отонру я для милаго дверь
 «Накануиъ Иванова дня.»

— Я не властенъ придти, я не долженъ
 придти,

Я не смѣю придти (быль отвѣтъ);
Предъ Ивановымъ днемъ одинокимъ путемъ
Я пойду.... миѣ товарища нѣтъ. —

«О, сомнѣніе прочь! безмятежная почва
«Предъ великимъ Ивановымъ днемъ
«И тиха, и темна, и свиданьямъ она
«Благосклонна въ молчаньѣ своемъ.
«Я собакъ привяжу, часовыхъ уложу,
«Я крыльцо пересыпаю травой,
«И въ пріютѣ моемъ, предъ Ивановымъ
днемъ,
«Безопасенъ ты будешь со мной.»

— Пусть собака молчитъ, часовой не
трубить,

И трава не слышна подъ ногой:
Но священникъ есть тамъ; онъ не спитъ
по почамъ;
Онъ приходъ мой узнаеть ночью. —

«Онъ уйдетъ къ той порѣ: въ монастырь
на горѣ

«Нанихиду онъ позванъ служить:
«Кто-то былъ умерщвленъ; по душѣ его онъ
«Будеть три дня поминки творить.»

Онъ нахмураея глядѣлъ, онъ, какъ мерт-
вый, блѣднѣлъ,

Онъ ужасенъ стоялъ при огнѣ.
— Пусть о томъ, кто убить, онъ по-
минки творить:

То, быть-можетъ, поминки по миѣ.

Но полуночный часъ благосклоненъ для
Я ириду подъ защитою мглы. — [часъ:
Онъ сказалъ.... и она.... я смотрю.... ужъ
У маяка пустынной скалы.] [одна

И Смальгольмскій баронъ, пораженъ, раз-
драженъ,

И кипѣлъ и горѣлъ и сверкалъ.
— Но скажи, наконецъ, кто ночью сей
пришлецъ?

Онъ, клянусь небесами, проналъ! —

«Показалось миѣ, при блестящемъ огнѣ:
Былъ шеломахъ съ соколинымъ перомъ,
И палашъ боевой на дѣлѣ золотой,
Три звѣзды на щитѣ голубомъ.»

— Нѣтъ, мой нажъ молодой, ты обма-
нуть мечтой;

Сей полуночный, мрачный пришлецъ
Былъ не властенъ придти: онъ убить на
пути;

Онъ въ могилу зарытъ, онъ мертвецъ. —

«Нѣтъ! не чудилось миѣ; я стоялъ при огнѣ,
И увидѣлъ, услышалъ я самъ,
Какъ его обняла, какъ его назвала:
То былъ рыцарь Ричардъ Кольдинггамъ.»

И Смальгольмскій баронъ, изумленъ, по-
раженъ,

И хладѣлъ и блѣднѣлъ и дрожалъ.
— Нѣтъ! въ могилѣ покой; онъ лежитъ
подъ землей
Ты неправду миѣ, нажъ мой, сказалъ.

Гдѣ бѣжитъ и шумитъ межъ утесами Твидъ,
Гдѣ подымется мрачный Эльдонъ,
Ужъ три ночи, какъ тамъ твой Ричардъ
Кольдинггамъ

Потаеннымъ врагомъ умерщвленъ.

Нѣтъ! сверканье огня ослабило твой
взглядъ;

Оглушенъ былъ ты бурей почной;
Ужъ три ночи, три дня, какъ поминки
Чернецы за его упокой. — [творять

Онъ идетъ въ ворота, онъ уже на крыльцѣ,
Онъ взомель по крутымъ ступенямъ
На площадку, и видить: съ печалью въ лицѣ
Одиноко-унылая тамъ

Молодая жена — и тиха и блѣдна,
И въ мечтаніи грустномъ глядитъ
На поля, небеса, на Мертонски лѣса,
На прозрачно бѣгущую Твидъ.

— Я съ тобою опять, молодая жена. —
«Въ добрый часъ, благородный баронъ.
«Что разскажешь ты миѣ? Рѣшена ли
война?»

«Поразилъ ли Боклю, нль сраженъ?»

— Англичанинъ разбитъ; англичанинъ
бѣжитъ

Съ Анкрамморекскихъ кровавыхъ полей;
И Боклю наблюдать миѣ маякъ мой велитъ,
И беречься недобрыхъ гостей. —

При отвѣтѣ такомъ измѣнилась лицомъ,
И ни слова.... ни слова и онъ;

Таинственно она ее свивала
 И развивала надъ собой;
 То, снявъ ее, открытая стояла
 Съ темно-кудрявой головою;
 То, вдругъ всю ткань чудесно распустивши,
 Какъ призракъ, исчезала въ ней;
 То, переть къ устамъ и голову склонивши,
 Огнемъ задумчивыхъ очей
 Задумчивость на сердце наводила.
 Вдругъ... покрывало подыала...
 Трикраты имъ куда-то поманила...
 И открылася... какъ не была!
 Хотѣе продлить хотѣлось упоенье...
 Не возвратилася она;
 Лишь грустію по миломъ привидѣньѣ
 Душа осталася полна.

М О Р Е.

одегя.

Безмолвное море, лазурное море,
 Стою очарованъ надъ бездною твоею.
 Ты живо; ты дышешь; смятенной любовью,
 Тревожною думой наполнено ты.
 Безмолвное море, лазурное море,
 Открой мнѣ глубокую тайну твою:
 Что движетъ твое необъятное лоно?
 Чѣмъ дышетъ твоя наприженная грудь?
 Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
 Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?..
 Таинственной, сладостной полное жизни,
 Ты чисте въ присутствіи чистомъ его;
 Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
 Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горюшь,
 Ласкаешь его облака золотыя
 И радостно блещешь звѣздами его.
 Когда же собираются темныя тучи,
 Чтобъ ясное небо отнять у тебя—
 Ты бьешься, ты воешь, ты волны поднимаешь
 Ты рвешь и терзашь враждебную мглу...
 И мгла исчезаетъ, и тучи уходятъ;
 Но, полное прошлой тревоги своей,
 Ты долго вздымаешь испуганныя волны,
 Несладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
 Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
 Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
 Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
 Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

1823.

19-го МАРТА 1823.

Ты предо мною
 Стояла тихо;
 Твой взоръ увлыль
 Былъ полонъ чувствъ.
 Онъ мнѣ напоминалъ
 О миломъ прошломъ;
 Онъ былъ послѣдній
 На здѣшнемъ свѣтѣ.
 Ты удалилася,
 Какъ тихій ангель;
 Твоя могила,
 Какъ рай, спокойна.
 Тамъ все земныя
 Воспоминанья;
 Тамъ все святыя
 О небѣ мысли.
 Звѣзды небесъ!
 Тихая ночь!..

АНГЕЛЪ и ПЪВЕЦЪ.

Что ты, ангель свѣтоокоя,
 Съ лучезарною звѣздой?
 Изъ какой страны далекой
 Прилетѣлъ на сѣверъ мой?
 — «Прилетѣлъ я изъ прекрасной
 Полуденной стороны,
 Гдѣ безъ зноя небо ясно,
 Гдѣ предѣлъ молодой весны!»
 Сладко мнѣ твое явленье!
 Гость воздушный, въ добрый часъ!
 Полюбуйся на творенье
 И на сѣверѣ у насъ;
 Но плѣнительному югу
 Для чего жь ты измѣнилъ?..
 — «Небомъ данную подругу
 Я на сѣверѣ проводилъ!
 «Гдѣ надъ Неккаромъ дубровы
 Сѣнолиственны шумяты,
 Гдѣ на холмѣхъ пурпуровый
 Созрѣваетъ виноградъ.
 «Тамъ, сердца обворожая
 Тихой прелестью своей,

Непорочно молодая
 Расцвѣтала дочь царей!
 «Спутникъ ей отъ колыбелъ,
 Тайно зрѣлъ я, какъ въ тиши
 Родилися и созрѣли
 Красоты ея души.
 «Провидѣніе судило
 Вамъ питомицу мою!
 Даръ примите! Вес, что мило
 Съ нею вамъ передаю!»
 Свѣтлый ангелъ, съ лучезарной
 Путеводною звѣздой!
 Милый даръ твой благодарно
 Принимаетъ съверъ мой!
 Здѣсь, подъ сѣнію державы
 Благотвориши, живешь
 Вѣрши ей, достойный славы
 И прославленный народъ.
 И любима имъ младая
 Будетъ спутница твоя!
 Здѣсь готова ей родная
 Съ ибжной матерью семья!
 И съ довѣрчивымъ участвомъ,
 Съ сердцемъ, гдѣ добро живешь,
 Здѣсь ее дѣлится счастьемъ
 Дружба радостная ждетъ!
 И молодой душѣ супруга
 Жизнь другую дастъ она,
 И, союза ихъ подруга,
 Будетъ радость имъ вѣрна!..
 Ты же, ангелъ, проводившій
 Въ памъ ее въ полночный край,
 Ты, досель ее хранившій,
 И отнынѣ сохраний!
 — «Навсегда съ ея душою
 Будетъ вѣрный ангелъ жить,
 И хранительной звѣздою
 Неизмѣнно ей свѣтить!
 «И уже въ странѣ лазурной,
 За границею земной,
 Духи жизни съ тайной урной
 Собрались передъ судьбой!
 «Умоляютъ, умоляютъ,
 Съ умиленною вѣрой ждутъ,

Сочиненія В. А. Жуковскаго. Т. III.

И цвѣтами обвиваютъ
 Полный жребіевъ сосудъ.»
 Дай объѣмамъ исполненье!
 О, судьба, не измѣни!
 Провидѣнье, Провидѣнье!
 Защити и сохрани!
 Гатчина, 5-го окт. 1823 г.

КЪ ВАРВАРѢ ПАВЛОВНѢ УШАКОВОЙ
 И ГР. ПРАСКОВѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ
 ХИЛКОВОЙ [ГЕНДРИКОВОЙ].

Въ Гатчинѣ.

I.

Не грѣхъ ли вамъ, прекрасная графиня,
 Съ Варварой Павловной сосѣда забывать?
 Ея высочество великая княгиня
 Сейчасъ за тайну мнѣ изволила сказать,
 Что вы давно ужъ прочитали
 Тотъ розовый романъ,
 Въ которомъ нехристи такъ мучать хри-
 стіанъ,
 Гдѣ есть Малекъ - Аделя, Матильда, Лу-
 зильянь,
 И прочее. Вамъ нѣтъ заботы. Вы узнали,
 Чѣмъ кончилась бѣда въ Рихардовыхъ шаг-
 рахъ:
 Соединилась ль она съ женою,
 И что случилось съ той чудесною сестрою,
 Которой правится герой Малекъ-Аделя,
 Какъ итальянцу вермишель.
 Но я, признаться вамъ, въ великомъ
 затрудненіи
 И только-что успѣлъ войти въ Итолемаисъ,
 Вокругъ меня еще и драки и волненье,
 И нехристи еще шумѣть не унялись;
 Въ такомъ опасномъ положеніи
 Кому пріятно быть?

Еъ тому жъ, хотѣлъ бы я [готовъ и въ
 томъ признаться]

Скорѣй до свадьбы дочитатьъся,
 Малекъ-Аделя окрестить
 И на монахинѣ женить.

Прощу васъ, горю помогите

И розовый романъ Жуковскому пришлите.

II.

Варвара Павловна! графиня! помогите,
 Отъ васъ однѣхъ отрады жду!
 Хотите ль знать мою бѣду?

Прощтите:

Вчера, извѣстно вамъ, мы вмѣстѣ за столомъ
Ея высочества великія книгини
Объдали; былъ споръ о томъ и о другомъ;
Потомъ,

Мнѣ помнитися, упала изъ рукъ графини
[Любезнѣйшей изъ всѣхъ любезныхъ Кате-
ресторожный апельсинъ; [ринъ]

Потомъ нашъ графъ Моденъ, съ прият-
нѣйшимъ привѣтомъ,

На зло соеѣдкамъ злымъ, мнѣ въ шляпу по-
Матильду и съ причетомъ: [ложилъ

Съ Агнессой, Глостеромъ, съ угрюмою толпою
Степныхъ разбойниковъ, съ святымъ анахо-
ретомъ,

Съ Малекъ-Аделемъ и съ войной.

И я подумалъ: въ шляпѣ дѣло!

Пришелъ домой,

Но что же? Боже мой!

Ужъ въ шляпѣ у меня несчастье скинѣло.

Матильда, чтобъ спасти Рихардову жену,
Осталася въ плѣну,

Глазами плакала, а сердцемъ воехичалась,
Что плѣнницей осталася;

Герой Малекъ-Адель, какъ вѣтренный дитя,
Пустился въ разныя проказы:

Разсудка здраваго послушать не хотя,

Забывъ султановы указы,

Матильду онъ съ собой напаянку посадилъ;
И въ первый разъ тогда великолѣпный Нилъ

Увидѣлъ, какъ деспотъ Востока

Къ погамъ невольницы смиренно положилъ.
Могущество, любовь, желанье и пророка.

Но были бъ все его труды по-пустыкамъ,
Когда бъ не вздумалось Матильдѣ по пескамъ

Пустыннымъ прогуляться,

Чтобъ незнакомому отшельнику признаться
Въ такой вишѣ, въ которой безъ вины

Мы были, будемъ, быть должны

Обвишены!

Матильда каялася — но, къ счастью, не
успѣла

Докаяться; толпа разбойниковъ степныхъ
Въ часъ добрый налетѣла,

Чтобъ исповѣдь прервать; и тутъ все слѣ-
домъ имъ,

Какъ будто по звонку, явился

Малекъ-Адель герой

Съ мечомъ, съ верблюдами, палаткой и водой.

Съ разбойниками онъ ни мало не чинился,

Онъ по-просту ихъ всѣхъ оставилъ безъ
головъ;

Матильду жъ взялъ; съ отцомъ духовнымъ
И былъ таковъ! [не простился

И напуги, въ стени, подъ страшнымъ зноемъ
Полумонахиня была обручена

Съ подукрестившимся героемъ,
И радъ былъ этому проказникъ сатана!

Но это ли бѣда? бѣда надъ головою!
Султанъ, разгнѣванный сею свадьбою степ-
ною,

Отправилъ палачей за мужемъ и женою.
Матильда, правда, спасена,

Но другъ Малекъ-Адель!.. Что будетъ онъ
несчастной?

Я въ шляпѣ роюся напрасно:
Въ ней ничего ужъ болѣ не бѣтъ.

Соеѣдки, сжалитесь! мнѣ третій томъ при-
шлите;

Или... тогда ужъ не шутите —
Сойдетъ съ ума соеѣды!

* *

Я музу юную, бывало,
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,

И вдохновеніе летало

Съ небесъ, незваное, ко мнѣ;

На все земное паводило

Животворящій лучъ оно —

И для меня въ то время была

Жизнь и поэзія одно.

Но дарователь пѣснопѣнній

Меся давно не посѣщалъ;

Бывалыхъ пѣтъ въ душѣ видѣнній,

И голосъ арфы замолчалъ.

Его желаннаго возврата

Дождаться ль мнѣ когда опять?

Или навѣкъ моя утрата,

И вѣчно арфѣ не звучать?

Но все, что отъ временъ прекрасныхъ,

Когда онъ мнѣ доступенъ былъ,

Все, что отъ милыхъ темныхъ, ясныхъ

Минувшихъ дней я сохранилъ —

Цвѣты мечты уединенной

И жизни лучшіе цвѣты —

Кладу на твой алтарь свѣщенной,

О, гений чистой красоты!

Не знаю, свѣтлыхъ вдохновеній
 Когда воротится череда —
 Но ты знакомъ мнѣ, чистый гений,
 И свѣтитъ мнѣ твой звѣзда.
 Пока еще ея сіянье
 Душа умѣетъ различать:
 Не умерло очарованье;
 Былое сбудется опять.

1824.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЬСНЬ,

ПЯТАЯ ВОСПИТАНИЦАМИ ОБЩЕСТВА БЛАГОРОДНЫХЪ
 ДѢВИЦЪ, ПРЯ ВЫПУСКѢ 1824 ГОДА.

Прости, убѣжище святое,
 Гдѣ наше утро золотое
 Такъ мирно радовало насъ!...
 Въ защитномъ здѣсь уединенѣхъ
 Мы зрѣли райское видѣнье,
 Небесный слышали мы гласъ!
 Но райскій призракъ улетаетъ,
 Небесный голосъ умолкаетъ....
 Снѣжитъ, снѣжитъ разлуки часъ!

О ты, младенчества обитель,
 Да будетъ гений твой хранитель —
 Всегда хранитель вѣрный твой!
 Да будетъ все, что здѣсь бывало,
 Что насъ лелѣло, плѣняло —
 Невинность, радостный покой,
 И легкій трудъ, и отдыхъ ясный,
 И дѣтскихъ лѣтъ союзъ прекрасный —
 Неизмѣнимо съ тобой!

Мы, уводимыя судьбою,
 Съ благословеньемъ и мольбою
 Стремимъ къ тебѣ послѣдній взглядъ,
 Предѣлъ покоя и свободы,
 Вы, древни стѣны, пышны воды,
 Забавъ свидѣтель, мирный садъ!
 Для насъ прошли безпечны лѣта!
 Мы покидаемъ васъ для свѣта!
 Мы не придемъ уже назадъ!

Еще мы здѣсь — рука съ рукою!
 Но близокъ часъ — и за судьбою
 Путиами розными пойдемъ!
 Здѣсь вѣстѣхъ мы вѣривались счастью;
 А тамъ, подѣ тайной рока властью,
 Мы все иное обрѣтемъ!
 Готовить свѣтъ намъ, немыслимъ!

Да будетъ же воспоминанье
 Для насъ храпящимъ божествомъ.

Мивувшее не миновалось!
 Во глубинѣ души осталось
 Оно сокровищемъ святымъ!
 И мы, не розно и въ разлукѣхъ,
 Къ житейской преступили наукѣ,
 Надеждой сердце ободримъ!
 Здѣсь, въ тишинѣ уединенья,
 Мы были дѣти Провидѣнья —
 И въ шумѣ свѣта будемъ съ Нимъ!

Его, его мы призываемъ!
 Его храненью повѣряемъ
 Здѣсь покидаемыхъ друзей!
 Живите, радуйтесь, играйте,
 И, намъ подобно, расцвѣтайте,
 Подруги нашихъ лучшихъ дней!
 И нашу матеръ — нашу радость —
 Да утѣшая, ваша младость
 Объ насъ напоминаетъ ей.

О, наша милая *родная*,
 Твою обитель покидая,
 Уносимъ въ сердцѣ образъ твой!
 И что бѣ въ грядущемъ насъ ни ждало,
 Повенуду будетъ, какъ бывало,
 Для насъ любимую мольбой:
 Чтобъ Небо милую хранило!
 Чтобъ долго дней ея свѣтило
 Сіяло радостью земной!»

ТАИСТВЕННЫЙ ПОСВѢТИТЕЛЬ.

Кто ты, призракъ, гость прекрасной?

Къ намъ откуда прилеталъ?
 Безотвѣтно и безгласно,
 Для чего отъ насъ пропалъ?
 Гдѣ ты? Гдѣ твое селенье?
 Что съ тобой? Куда нечестъ?
 И зачѣмъ твое явленье
 Въ поднебесную съ небесъ?

Не надежда ль ты младая,
 Приходящая порой
 Изъ невѣдомаго края
 Подѣ волшебной чародей?
 Какъ она, неумолимо
 Радость милую на часъ
 Показалъ ты, съ нею мимо
 Пролетѣлъ и бросилъ насъ.

Не любовь ли намъ собою
Тайно ты изобразилъ?...
Дни любви, когда одну
Миръ для насъ прекрасенъ былъ,
Ахъ! тогда сквозь покрывало
Неземнымъ казался онъ....
Спать покровъ: любви не стало:
Жизнь пуста, и счастье—сонъ.

Не волшебница ли душа
Здѣсь въ тебѣ явилась намъ?
Удаленная отъ шума,
И мечтательно къ устамъ
Приложивши перстъ, приходитъ
Къ намъ, какъ ты, она порой,
И въ минувшее уводитъ
Насъ безмолвно за собой.

Иль въ тебѣ сама святая
Здѣсь поэзія была?...
Къ намъ, какъ ты, она изъ рай
Два покрова принесла:
Для небесъ лазурно-ясный,
Чистый, бѣлый для земли;
Съ ней все близкое прекрасно;
Все знакомо, что вдали.

Иль предчувствіе входило
Къ намъ во образъ твоимъ
И понятно говорило
О небесномъ, о святомъ?
Часто въ жизни такъ бывало:
Кто-то свѣтлый къ намъ летитъ,
Подымаетъ покрывало
И въ далекое манитъ.

МОТЫЛЕКЪ И ЦВѢТЫ.

Поляны мирной украшеніе,
Благоуханные цвѣты,
Минутное изображеніе
Земной, минутной красоты;
Вы равнодушно расцвѣтаете,
Глядяся въ воды ручейка,
И равнодушно упрекаете
Въ непостоянствѣ мотылька.

Во дни весны съ востока яеняго,
Младой денницей пробуждень,
Въ предѣлы бытія прекраснаго
Отъ высоты спустился онъ.
Исполненный воспомянаніемъ

Небесной, чистой красоты,
Онъ вашимъ радостнымъ сіяніемъ
Плѣнился, милые цвѣты.

Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородны
Переселенцы съ вышины,
Что вамъ, какъ и ему, свободныя
И крылья и душа даны:
Но вы къ землѣ, цвѣты, прикованы;
Вамъ на землѣ и умереть:
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вамъ не разогрѣть.

Не рождены вы для вниманія;
Вамъ непонятенъ чувства гласъ;
Стремиться къ вамъ безъ упованія;
Безъ горя забываетъ васъ.
Пусть же къ вамъ рѣзвѣя ласкается,
Какъ вы, минутный вѣтерокъ;
Иною прелестью плѣняется
Безмергья вѣтеникъ мотылекъ.

Но есть межъ вами два избранные,
Два ненадменные цвѣтка:
Ихъ имена, имъ сердцемъ данныя,
Къ нимъ привлекаютъ мотылька.
Они безъ нышняго сіянія;
Едва примѣтны красотой:
Одинъ есть цвѣтъ воспомянанія,
Сердечной думы цвѣтъ другой.

О, милое воспомянаніе
О томъ, чего ужъ въ мирѣ нѣтъ!
О, дума сердца — упованіе
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненья жизни сохранилъ,
И съ вами низость настоящаго
И пренебрегъ и позабылъ.

ПОБѢДКА НА МАНЕВРЫ.

Вчера былъ день прекрасной дѣлѣ:
По царской чудотворной волѣ
Я дамъ и фрейлинъ провожалъ
Туда, гдѣ на широкомъ полѣ
Учтивый Марсъ увеселялъ
Гостей несмертопоешнымъ боемъ:
Тамъ громъ гремѣлъ, но не разилъ;
Тамъ каждый, кто въ войнѣ героемъ
Не для одной игрушки былъ,
Героемъ могъ быть для игрушки;

Тамъ залпами стрѣляли пушки
И одиночныя стрѣлки,
Тамъ быстрымъ шагомъ шли полки
По барабану, чтобъ безъ драки
Сломить мечтательныхъ враговъ;
Тамъ были спибки казаковъ,
Тяжелой конницы атаки,
Тамъ было все, чѣмъ страшень бой,—
Лишь смерти не было одной.

Едва блеснулъ небесъ свѣтильникъ,
Изъ облака прорался свѣтъ,
Проснулся проводникъ-поэтъ;
Въ докучный обратясь будильникъ,
Пугнулъ и дамъ и фрейлинь онъ,
Сказавъ, что сонный Аполлонъ
Велѣлъ къ крыльцу небесъ златому
Коней небесныхъ подводить,—
Что князь Гагаринъ, можетъ-быть,
Къ дворцовому крыльцу простому
Простыхъ извозчичьихъ коней
Съ тремя ландо, съ одной коляскою,
Велитъ подвезти еще скорѣй;
Но предвѣщанье было сказкой:
Проезжалъ невѣрный ѣздовой!
Земные кони опоздали
(Не часто фрейлинамъ давали),
А сновидѣнія летали;
Что имъ до солнечныхъ лучей?
Отъ милыхъ фрейлинецкихъ очей
Сонъ удалилъ поэтъ докучный;
Въ болѣзнь ожиданья скучной,
Пахмурясь, князь Гагаринъ былъ,
Махалъ съ досады онъ руками,
И по дорогѣ онъ ходилъ
Петерѣйскими шагами,
Надѣясь вѣрно, что скорѣй
Онъ, хотя, выходитъ коней.
Уже шестого половина,
Шестого сорокъ пять минутъ:
Поэтъ задыхалъ, а дамы ждутъ.
Вотъ улыбулася судьбина—
И три ландо съ коляскою тутъ!
Всѣ радостно перекрестились;
Садятся... ехли... Что жъ? помчался?
Итъ, съ новой встрѣтилъ бѣдой:
Одинъ задоривый ландо
Вдругъ заупрямился раскрыться;
Туда, сюда, ландо упрямятъ;
Онъ всѣхъ переупрямилъ дамъ,

Принудилъ ихъ переселиться
Безъ перемены въ другой,
А самъ отправился дуетой,
И чуть трагической развязки
Въ семь фарѣвъ не увидѣлъ свѣтъъ:
Чтобъ дамамъ угодить, поэтъ
Полѣзъ пеловко изъ коляски,
И такъ себя заторонилъ,
Что при пеловкости проворной
Едва, съ отвагой стихотворной,
Себѣ опъ шю не сломилъ,—
А все ландо не отворилъ!
Но тѣмъ и кончилось страданье
Гагарина, пѣвца и дамъ,
И небо, внявши ихъ мольбамъ,
Вознаграждая ожиданья,
Безъ остановки привело
Насъ прямо въ Красное Село.

Среди равнины тамъ широкой
Воздвигнуть рукотворный холмъ;
Скамьи дерновыя на немъ;
Съ него все поле видѣть око.
Лишь дамы на него взопли,
Едва лишь сѣсть на немъ успѣли,—
Перуны Марса загремѣли,
И за клубился дымъ вдали;
Вблизи же насъ, среди равнины
Стояли тихія дружины,
Сомкнувшись, зрѣлись въ тишинѣ;
Былъ слышенъ грохотъ барабановъ;
На горизонтѣ, въ сторонѣ,
Недвижно грозный строй улановъ
Изъ-за кустарника сверкалъ,
И вѣтеръ быстрый колыхалъ
Ихъ орифламы боевыя,—
А вѣвъ, изготовясь въ бой,
Колонны конницы густыя
Стояли тучей громовой.
Кони подъ всадницами ржали,
И яркой молніей сверкали
Лучи по мѣднымъ шинакамъ!
И артиллеріи летучей
Громады грозно вѣлѣтъ полкамъ
Шумящей дивгались тучей...
Но ближе громъ, и ближе дымъ...
И вдругъ, на высотахъ, мы зримъ:
Строй необъятный появился,
Какъ будто выросъ изъ земли!
Всѣй горизонтъ вдругъ здымился,

И въ пламени, въ дыму, въ пыли,
 На всѣхъ концахъ зажглось сраженье!
 Въ ужасно-тихомъ отступленьи
 Все войско потянулось къ намъ,
 Чтобъ наступающимъ врагамъ
 Дать строемъ, вмѣгъ перемѣненнымъ,
 Неожиданный ударъ!
 Открылся взорамъ изумленнымъ
 Сраженья весь ужасный жаръ;
 Вдругъ артиллерія векакала
 Въ раздвинувшійся интервалъ!
 Дымъ облаками побѣжалъ,
 Земля отъ грома задрожала!
 Остановился мнимый врагъ;
 Подъ барабанъ удвоивъ шагъ,
 Полки колоннами густыми
 Пошли, ружье наперевѣсь,
 Впередъ, впередъ!—и врагъ исчезъ!

Вдругъ воинства какъ не бывало!
 И вся окрестность замолчала.
 Не слышенъ болѣ пушекъ громъ,
 Лишь дымъ вился еще кругомъ,
 И дамы на холмѣ шли сами
 Въ свои ландо, и за полками
 Тихонько имъ пустились вслѣдъ;
 Стрѣлковъ уже не видно болѣ...
 А князь Гагаринъ и поэтъ
 Черезъ пустое битвы поле
 Пошли, хотъ солнце ихъ и жгло,
 Пѣшечкомъ, въ Красное Село.

1826.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ИНСТИТУТА,

на послѣднемъ экзаменѣ, по случаю выпуска
ихъ, 1826 года февраля 20 дня.

Разтаеяся, разтаеяся
 Мы съ предѣломъ дѣтскихъ лѣтъ!
 Мы судьбѣ, зовущей въ свѣтъ,
 Невозвратно предаемся.
 Будь, что намъ пошлетъ она...
 Въ этотъ часъ не уповаемъ,
 Но свитымъ воспоминаемъ
 Въ насъ душа напоена.

Здѣсь спокойно протекали
 Золотые наши дни—
 Какъ младенчество, они
 Сномъ вѣжнительнымъ пропали!

Часто въ нашъ безлечный кругъ
 Мать милая являлась,
 Къ намъ привѣтливо ласкалась,
 Намъ была иважнѣйшій другъ!

Быль у насъ другой хранитель,
 Честь земли, земли краса;
 Опъ ужъ взять на небеса!
 Небеса его обитель!
 И напрасно мы хотимъ
 Возвратить его мольбами:
 Опъ невидимо надъ нами,
 Но для насъ невозвратимъ.

Ахъ, изъ той небесной сѣни,
 Гдѣ таишься ты отъ насъ,
 Преклонись на дѣтскій гласъ,
 Удалившійся нашъ геній!
 Утѣшеніемъ слети
 Къ сердцу матери томимой!
 Будь сопутникъ ей незримый,
 Снова миръ ей возврати!

1827.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ.

воспитанницъ общества благородныхъ дѣвицъ,
при выпускѣ 1827 года.

Миновался, миновался
 Дни младенчества для насъ!
 Сами прежде разставались
 Мы съ подругами не разъ;
 Со слезами провожали
 Ихъ въ незнаемый намъ свѣтъ
 И молитвы посылали
 Удалившимся вслѣдъ.

Ахъ! пришло и наше время
 Слышать грустное *прости!*
 Взять заботной жизни бремя,
 Въ свѣтъ незнаемый идти!
 О друзья! друзья! помните
 Удаляющихся гласъ:
 Сохраните, сохраните
 Память вѣрную объ насъ!

Мы идемъ, куда отсѣя
 Небеса насъ поведутъ!
 Тамъ на жизненномъ предѣлѣ
 Два сопутника насъ ждутъ:
 Ободритель—*уповаемъ,*
 Геній младости живой,

И любовь—*воспоминанье*,
Стражъ земного неземной.

О, святое *упованье!*
Озаряй намъ жизни даль
Счастью будь очарованье,
Заговаривай печаль:
Миръ невидимо-небесный
Въ мирѣ видимомъ являй,
И въ предѣлахъ душѣ извѣстный,
Но землѣ насъ провожай!

Ты же, другъ—*воспоминанье*,
Съ нами будь! Пролой свое
Благодатное сіянье
На земное бытіе!
Говори о томъ, что было
Счастьемъ нашихъ лучшихъ лѣтъ,
Чтобъ для насъ хоть въ сердцѣ жило
То, чего ужъ въ жизни нѣтъ!

Лякъ твой душу утѣшаетъ!
Опъ ей сладостно знакомъ!
Намъ хранительно сіяетъ
Покидаемая въ немъ!
Ты—она! въ твоей святынѣ
Все для насъ заключено!
Гдѣ ни будемъ, намъ отнынѣ
Мысль о ней и жизнь—одно!

КЪ ГЕТЕ.

Творецъ великихъ вдохновеній!
Я сохранию въ душѣ моеи
Очарованіе мгновеній,
Столь счастливыхъ въ близи твоей!

Твое вечернее сіянье
Не о закатѣ говоритъ!
Ты юноша среди созданья!
Твой гений, какъ творилъ, творить.

Я въ сердцѣ уношу надежду
Еще здѣсь вѣгнугтиться съ тобой:
Землѣ знакомую одежду
Не скоро скинетъ гений твой.

Въ далекомъ полуночномъ свѣтѣ
Твою музою я жила,
И для меня мой гений Гете
Животворитель жизни былъ!

Почто судьба мнѣ запретила
Тебя узрѣть въ моеи веснѣ?

Тогда душа бы воспалила
Свой пламень на твоемъ огнѣ.

Тогда бѣ вокругъ меня созданъ
Иной чудесно-пышный свѣтъ;
Тогда бѣ и обо мнѣ остался
Въ потомствѣ слухъ: онъ былъ поэтъ!

1828.

НА МИРЬ СЪ ПЕРСИЕЮ.

Мы вспомнили прекрасно старину!
Черезъ Кавказъ мы пушки перемчали;
Въ одинъ ударъ мы кончили войну,
И Араратъ, и миръ, и славу взяли!

И русскій—въ томъ краю, гдѣ былъ
Утѣшенъ миръ дугой завѣта—
Свои знамена утвердилъ
Надъ древней колыбелью свѣта!

ГОСУДАРИНЪ ИМПЕРАТРИЦЪ АЛЕКСАНДРЪ ѲЕОДОРОВНЪ.

Ты памятникъ себѣ святой соорудила,
Бездомнымъ отворивъ приютъ сей, дочь
царей;
Голодныхъ царскою рукой ты накормила;
Нагихъ одѣла ты порфирію своею.

Съ величьемъ земнымъ небесное смиренье
Сліяла ты, принявъ Христа за образецъ;
Престолу царскому—краса благотворенье,
И свѣтель благодетью властителей вѣнецъ.

Изъ сердца твоего любви вода живая
Льетъ исцѣленіе въ сосудъ скорбей земныхъ,
И взоръ сіяетъ твой, страдальца ободряя,
Свѣтлѣе всѣхъ твоихъ алмазовъ дорогихъ.

Богъ далъ тебѣ твой санъ награды сво-
ихъ залогомъ;
Ты знаешь: събѣмъ здѣсь, а жнемъ на не-
бесахъ;
Здѣсь данный нищему стаканъ воды—предъ
Богомъ
Заступише за насъ, чѣмъ славы гордый
прахъ.

Ты гласу Божию смиренно покорилась
И безприютнаго причала къ семьѣ своей,
Призрѣла сироту, съ вдовицею сдружилась—
Благословенна будь предъ Богомъ, дочь
царей!

Ты знаешь: на землѣ прекраснѣй чѣмъ
богатство,
Прекраснѣй почестей, прекраснѣй красоты
Благотворенія съ несчастемъ робкимъ брат-
И за богатаго молитва нищеты. [ство,

И созданный тобой сей дождь благотворенья
Великолѣпныхъ всѣхъ прекраснѣй онъ на-
лать:

Тамъ ддя скорбящаго ты ангелъ утѣшенія,
Тамъ благость Божію въ твоей боготворять;

Тамъ Богу молятся — и тѣ молибы до-
ступны —
Чтобы отъ бѣды земныхъ тебя онъ оградилъ,
Чтобы онъ въ вѣчности покой свой по-
подушный
Въ твоей душѣ, ему здѣсь вѣрной, водворилъ.

Но, сердцемъ женщина, а мыслию царица,
И здѣсь ужъ прочную ты славу обрѣла:
Убогой, сирога, недужный и вдовица
Въ потомкахъ возвѣстятъ любви твоей дѣла;

И ихъ исторія внесетъ въ одну страницу
Съ дѣлами славными супруга твоего:
Онъ бодрою рукой взялъ предковъ багряницу,
Сравнилась благостью ты съ бодростью его.

У ГРОБА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ,

въ ночи наканунѣ ея погребенія.

Итакъ, твой гробъ съ мольбой объемлю;
Итакъ, покинула ты землю,
Небесно-чистая душа;
Какъ Божій ангелъ, соверша
Межъ нами путь благотворящій,
Какъ день, безъ облакъ заходящій,
Ты удалилася отъ насъ.
Неизъяснимый смертный часъ!
Еще досель не постигаемъ,
Что на землѣ тебя ужъ нѣтъ...
Тобой былъ такъ украшенъ свѣтъ!
Еще такъ тѣсно мы сливаемъ
Тебя со всѣмъ, что въ мірѣ есть
Намъ драгоцѣннаго, святого;
Еще привычкою обрѣсть
Тебя все мнимъ среди земного;
А ты?.. О! каждому изъ насъ
Часть жизни умерла съ тобою;
Съ твоей отшедшею душою

Какой-то сладкій свѣтъ угасъ,
Которымъ сердце оживлялось,
Въ которомъ таинство являлось
Святого Промысла ему.
Тобою радуюсь безвѣчно.
Мы жизнь твою считали вѣчной...
И вдругъ ко гробу твоему
Идемъ на вѣчную разлуку.
Твою ль цѣлуемъ мы въ слезахъ,
Досель подательницу благъ,
Теперь безчувственную руку?
Ты ль въ багряницѣ, подъ вѣщомъ
Съ симъ безответственнымъ лицомъ
На гласъ любви, на гласъ печали?
Такою ль мы тебя видали?..
Сей погребальный оміамъ;
Сей ликъ, едва въ немъ зримый намъ;
Сія возвышенная рака,
Среди таинственного мрака
Одна стоящая въ лучахъ,
Въстанье гробового трона,
Главы лишенная корона,
Порфира, надшая на прахъ...
Невыразимое видѣнье!
Трѣпетъ здѣсь воображенья
Предъ ужасомъ небытія...
Но здѣсь же умиленно я
Отраднымъ ангеломъ на землю
Сходящій сладкій голосъ внимаю:
«Не возмущайтесь душой!» *)
О! это ты; сей голосъ твой.
Завтра пышность сей гробницы,
Сей прахъ минувшія царицы
Землѣ навѣки отдадутъ —
Но что же, что въ ней погребутъ?
Лишь гробъ, лишь скрытое во гробѣ,
Лишь смерти безымянный знакъ;
Въ земной таинственной утробѣ
Отъ глазъ сокроетъ вѣчный мракъ
Одинъ лишь видъ уничтоженья,
Одинъ символъ небытія...
Но жизнь прекрасная твоя,
Символъ прекрасный Провидѣнья,
Межъ нами будетъ, какъ была,
Всегда жива, чиста, свѣтла,
Воспоминаемъ благодатна,
И сердцу вѣчно безутратна.

*) «Въ сію ночь было читано Евангеліе:
«Да не смущается сердце ваше!»

Въ рѣшительный прощанья часъ
 Съ любовью, съ горькимъ сокрушеньемъ,
 Съ невыразимымъ умиленьемъ,
 Я падаю въ послѣдній разъ
 Передъ гробницею твоею...
 О! я дерзаю передъ нею
 За всю Россію говорить,
 И въ голосъ мой соединить
 Всѣ голоса, въ сіе мгновенье
 Въ одно слиянные моленье:
 «Благодаримъ, благодаримъ
 Тебя за жизнь твою межъ нами!
 За тропь твой, дарекими дѣлами
 И сердцемъ благодетельнымъ твоимъ
 Украшенный, превознесенный;
 За образецъ тобою явленный
 Божественныя чистоты;
 За предель кроткой простоты
 Среди блистанья царской славы;
 За младость дѣвъ, за жизнь дѣтей,
 За чистые, душею твоею
 Поливка сохраненныя правы,
 За благодать, съ какою ты
 Спѣшила въ душный мракъ больницы,
 Въ пріютъ страдающей вдовицы
 И къ колыбели сироты...
 Съ тобою часть жизни погребая,
 И мать милую свою
 Въ тебѣ могилѣ уступая,
 Въ минуту скорбную сію,
 Въ единый плачъ сливъ сердцами,
 Всѣ предъ тобою говоримъ:
Благодаримъ! благодаримъ!
 И нѣкогда потомки съ нами
 Всѣ повторять: *благодаримъ!*

ТОРЖЕСТВО ПОВѢДИТЕЛЕЙ.

БАЛЛАДА.

[изъ шиллера.]

Паль Приамовъ градъ священный;
 Грудой пещи сталъ Пергамъ;
 И побѣдой насыщенный,
 Къ острогрудымъ кораблямъ
 Собрались аллены—тризну
 Въ честь миноваго свершить,
 И въ желанную отчисну,
 Къ берегамъ Элады, плыть.

Пойте, пойте гимнъ согласной:

Корабли обращены
 Отъ враждебной стороны
 Къ нашей Греціи прекрасной.

Бредомъ шла толпа густая
 Илюнекихъ дѣвъ и женъ:
 Изъ отеческаго края
 Ихъ вели въ далекій пѣвизъ.
 И съ побѣдной пѣвнью дикой
 Ихъ слывался тихій стоиъ
 По тебѣ, святой, великой,
 Невозвратный Илюнъ.

Вы, рощы холмы, нивы,
 Намъ васъ бодрѣ не видать!
 Будемъ въ работѣ увядать...
 О, сколь мертвые счастливы!

И съ предвѣдненьемъ во взглядѣ
 Жертву самъ Калхасъ заклалъ:
 Грады зиждуней Палладѣ
 И губящей (опъ воззвалъ),
 Вуреносцу Посидону,
 Воздымателю валовъ,
 И посящему Горгону,
 Богу смертныхъ и боговъ!

Судь окончѣвъ; споръ рѣшился;
 Прекратилася борьба;
 Все исполнила судьба:
 Градъ великій сокрушился.

Царь народовъ, сынъ Атрея,
 Обозрѣвъ полковъ число:
 Велѣдъ за нимъ на брегъ Сигей
 Много, много ихъ пришло...
 И внезапный мракъ печали
 Отуманилъ царскій взглядъ:
 Благороднѣйшіе пали...
 Мало съ нимъ войдетъ назадъ!

Счастливъ тотъ, кому сіянье
 Бытія сохранено,
 Тотъ, кому вкусить дано
 Съ милой родной свиданье!

И не всякій насладится
 Миромъ, въ свой пришедши домъ:
 Часто злобный говъ таится
 За домашнимъ алтаремъ;
 Часто Марсомъ пощажанный
 Погибаетъ отъ друзей,

(Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей).

Счастливъ тотъ, чей домъ украшаетъ
Скромной вѣрностью жены!
Жены алчутъ новизны:
Постоянный миръ имъ страшенъ.

И стоящій близъ Елены
Менелай тогда сказалъ:
Плодъ губительный измѣны
Ею самъ измѣшникъ палъ;
И погибъ виной Париды
Отяченный Пліонъ...
Неизбѣженъ судъ Кронида,
Все блюдетъ съ Олимпа онъ.

Злому злой конецъ бываетъ:
Гибнетъ жертвой Эвменидъ,
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оксвериятъ.

Пусть веселый взоръ счастливыхъ
(Одесевъ сынъ сказалъ)
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ;
Судъ ихъ часто слѣвъ бывалъ:
Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ шадить!...
Итъ великаго Патрокла;
Живъ презрительный Терситъ.

Смертный, царь Зевесъ фортуны
Своеправной предалъ насъ:
Уловляя же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втуне.

Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будъ,
Ты, мой братъ, ты, подъ удары
Подставлявшій твердо грудь,
Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ, защитилъ...
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.

Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ отнялъ:
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.

О Ахиллъ! о мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ)
Быстрый міра посѣтитель,

Жребій лучший взялъ ты въ немъ.
Жить въ любви пламень дѣлами
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!

Слава дней твоихъ негѣбина;
Въ пѣсняхъ будетъ дѣвство она:
Жизнь живущихъ не вѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣна!

Смерть велитъ умолкнуть заобъ:
(Диомедъ провозгласилъ)
Слава Гектору во гробъ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Веледушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ — честь победы!
Охранявшему — любовь!

Кто, на судъ являсь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіалъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Ней страданій утоленья;
Добрый Вакховъ даръ вино:
И веселость и забвенья
Проливаетъ въ насъ оно.

Ней, страдальца! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпиенье сердцу дали.

Вспомни матеръ Ниобею:
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ недаромъ былъ:
Онъ струею виноградною
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.

Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

И вперила взоръ Кассандра,
 Вявъ шенцувшимъ ей богамъ,
 На пустынный брегъ Скамадра,
 На дымящейся Пергамъ.
 Все великое земное
 Разлетается, какъ дымъ:
 Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
 Завтра выпадетъ другимъ...

Смертный, Силь, пасть гнетущей,
 Нокорайся и терни;
 Спящій въ гробѣ, мирно спи;
 Жизнью пользуйся, живущій.

ВИДѢНІЕ.

Блескомъ утра озаренный,
 Свѣтоносный, окрыленный,
 Ангель ветрѣтился со мной:
 Взоръ его былъ грустно ясенъ,
 Ликъ задумчиво-прекрасенъ;
 Надъ главою молодой
 Кудри легкіе лелали,
 И короною сіяли
 Розы бѣлыя на ней;
 Снѣга чистаго бѣлѣй,
 На плечахъ была одежда,
 Онъ былъ свѣтель, какъ надежда,
 Какъ покорность небу, тихъ;
 И на крыліяхъ живыхъ—
 Какъ съ привѣтственнаго берега
 Голубъ древянаго ковчига
 Съ вѣткой мира—онъ летѣлъ...
 Съ чѣмъ летѣлъ? куда?.. Я знаю!
 Добрый путь! благословляю,
 Божій ангель, твой удѣлъ.
 Ждутъ тебя; твое явленіе
 Будетъ тамъ, какъ Провидѣне,
 Откровенное очамъ;
 Сиротство увидишь тамъ,
 Младость плачущую ветрѣтнвъ
 И скорбящую любовь,
 И для нихъ надеждой вновь
 Опустѣлый міръ освѣтишь...
 Съ нами былъ твой чистый братъ;
 Срокъ земной его свершился,
 Онъ съ землею навѣкъ простился,
 Онъ опять на небо взятъ;
 Ты имъ дай за ихъ утрату;
 Твой чередъ—благотворить,

И отозванному брату
 На землѣ замѣной быть.

СОЛНЦЕ И БОРЕЙ.

Солнцу разъ сказала Борей:
 «Солнце, ярко ты сіяешь!
 Ты всю землю оживляешь
 Теплою своихъ лучей!...
 Но сравнишься ль ты со мною?
 Я сто разъ тебя сильнѣй!
 Захочу—пухусь, завою
 И въ минуту мракомъ тучъ
 Потемню твой яркій лучъ.
 Всей землѣ свое сіянье
 Ты безъ шума раздаешь,
 Тихо на небо взойдешь,
 Продолжаешь путь въ молчаньѣ,
 И закатъ спокоснѣ твой!
 Мой обычай не такой!
 Съ ревомъ, свистомъ я летаю,
 Всѣмъ верчу, все возмущаю,
 Все дрожитъ передо мной!
 Такъ не я ли царь земной!...
 И труда не будетъ много
 То на дѣлѣ доказать!
 Хочешь вѣдать мою узнать?
 Вотъ, гляди: большой дорогой
 Путешественникъ идетъ;
 Кто скорѣй съ него сорветъ
 Плащъ, которымъ онъ накрылся,
 Ты иль я?...» И выигъ Борей
 Всю силу своей,
 Какъ неистовый, пустился
 Съ путешественникомъ въ бой!
 Тянетъ плащъ съ него долой.
 Но напрасно онъ хлопочетъ...
 Путешественникъ вперёдъ
 Все идетъ себѣ, идетъ,
 Уступитъ никакъ не хочетъ
 И плаща не отдастъ.
 Наконецъ, Борей въ досадѣ
 Замолчалъ; и вдругъ изъ тучъ
 Показало солнце лучъ,
 И при первомъ солнца взглядѣ,
 Оживленный теплою,
 Путешественникъ по волѣ
 Плащъ, ему не пужный болѣ,
 Снялъ съ себя своей рукой!
 Солнце весело блиснуло

И сопернику шепнуло:
 «Безразсудный мой Борей!
 Ты расхвастался напрасно!
 Видишь: злости самовластной
 Милость кроткая сильнѣй!»

УМИРАЮЩІЙ ЛЕБЕДЬ.

День ужъ къ вечеру склонялся.
 Дряхлый лебедь умираетъ.
 Онъ въ тѣни деревъ лежалъ,
 Тихо съ жизнію прощался
 И при смерти сладко пѣлъ.
 И падъ нимъ сидѣлъ уныло
 Голубочекъ сизокрылой,
 Слушалъ пѣніе, смотрѣлъ,
 Какъ покойно онъ кончался,
 И грустить и восхищался.
 «Что глядишь на старика?»
 Такъ спросила голубка
 Легкомысленная утка.
 «Ахъ! для сердца и разсудка
 Смерть его святой урокъ!» —
 Отвѣчала ей голубокъ.
 «Слынишь, какъ онъ сладкогласно
 При концѣ своемъ поетъ!
 Кто на свѣтѣ жилъ прекрасно,
 Тотъ прекрасно и умретъ!»

ЗВѢЗДА И КОМЕТА.

«Носторопись! дорогу дай!»
 (Звѣздѣ бродящая комета закричала)
 «Ты неподвижно здѣсь сіла,
 «А я съ моимъ хвостомъ все небо облетала!
 «Мой путь издалека! Слѣшу въ далекій край!
 «Пусти, лѣнливая! летѣть мнѣ не мѣшай!»
 Звѣзда, не давши ей отвѣта,
 Осталась въ *своихъ* лучахъ среди небесъ, —
 А хвостомъ *не своимъ* блестящая комета
 Промчалась вдаль, а тамъ и слѣды ея исчезъ.
 На скучное болтаешь
 Намѣшница глушца какой отвѣтъ?... —
 Молчанье!

Искай онъ, хвастая, кричить,
 Не отвѣчайте — замолчить!

Меня ты хочешь знать, я *все* и *ничего!*
 Бываю видимъ я для взора твоего

Въ такую только пору,
 Когда незрящему ничто не видно взору!
 Я безъ лица, когда являюсь съ лицомъ;
 Безъ словъ, а говорю; кто слышитъ, тѣмъ
 не внятенъ;
 Лишь тѣмъ, чей запертъ слухъ, мой раз-
 говоръ понятенъ;
 Творю изъ ничего, не будучи творцомъ;
 Кажуся истиннымъ, когда бываю ложнымъ;
 Все отъ могущества зависеть моего,
 Все невозможное могу явить возможнымъ,
 Все дать могу — и дать не властенъ ничего!
 Къ тебѣ я прихожу неслышною стогою;
 Я былъ вчера съ тобой, быть-можетъ, и
 теперь,
 Но ты всегда одинъ — въ тотъ часъ, какъ
 ты со мною;
 Хоть я не человекъ, не птица и не звѣрь —
 Однако я и звѣрь и человекъ и птица!
 Не зришь меня въ лицо, но зришь мои
 ты лица!
 Я громомъ не гремя, пылаю безъ огня,
 Безъ блеска быть могу блестящѣе дня,
 Короче — я въ моихъ явленіяхъ незамѣ-
 нныхъ
 Могу передъ тобой быть въ образахъ
 несчетныхъ;

Но знай, когда твоимъ являюсь очамъ,
 Не существую я, и эготъ я ты самъ;
 Не будучи ничѣмъ, я все въ себѣ имѣю,
 И свойства принимать на свѣтѣ все умѣю!
 Бываю тягостенъ, бываю и легкокъ,
 Могу быть страшенъ, тихъ, приятенъ и
 глубокъ,
 То дологъ черезчуръ, то страшно бы-
 стротечный,
 Бываю смертенъ я, но быть могу и вѣчный.
 Хоть обнимаю все, себя не дамъ обнять,
 Однако для тебя легко меня поймать!
 Переверни меня и буду подъ глазами,
 Тогда себя схватить позволю и руками.

МОГИЛА.

Въ лоѣ твоемъ глубокомъ и темномъ
 поконятъ тайно
 Весь человѣческій жребій. Сворби рыданье,
 волненіе
 Страсти навѣки въ твой засыпающъ дѣ-
 лебный приютъ.

Мука любви и блаженство любви не тре-
вожатъ тамъ болѣ
Груди спокойной. О, жизнь, ты полная
трепета буря!
Только въ безмолвно-хранительномъ мракѣ
могилы безвластепъ
Рокъ... Мы тамъ забываемся сномъ без-
пробуднымъ, быть-можетъ,
Сны прекрасные видя... О! тамъ не вѣнчать,
не пылаеть
Кровь, и терзанія жизни не рвутъ охлад-
дѣннаго сердца.

ЛЮБОВЬ.

На волѣ природы,
На лугѣ душистомъ,
Въ цвѣтущей долинѣ,
И въ пышномъ чертогѣ,
И въ звѣздномъ банеташи
Безмолвныя ночи —
Дышу лишь тобою.
Глубокую сладость,
Глубокое пламя
Въ меня ты вливаешь.
Въ веселѣ животворной,
Въ цвѣтахъ благовонныхъ,
Меня ты объемлешь
Спокойствіемъ неба,
Святая любовь!

КЪ МЛАДЕНЦУ.

Во дни твоей весны,
Не вѣдая тревогъ,
Ты радостью цвѣтешь,
Прекрасное дитя!
Небесная лазурь,
И свѣжіе цвѣты,
И свѣтлая роса,
И зелень молодыхъ
Деревьевъ и полей, —
Все, все, младенецъ мой,
Улыбкою любви
Привѣтствуетъ тебя!

УТѢШЕНІЕ.

Слезы свои осуши, проясни омрачен-
ное сердце,
Къ небу глаза подыми: тамъ Утѣшитель
Отецъ!

Тамъ Онъ твою сокрушенную жизнь, твой
вздохъ и молитву
Слышитъ и видитъ. Смирися, вѣруй въ
благость Его
Если же силу души потеряешь въ стра-
данія и страхъ,
Къ небу глаза подыми: силу Онъ повую
дастъ!

КЪ СЕСТРАМЪ И БРАТЬЯМЪ.

Рано отъ печальной
Жизни вы сокрылись.
Но объ васъ ли плакать?
Вы давно въ могилѣ
Сномъ спокойнымъ спите.
Васъ, друзья, въ лицо я
Прежде не видала,
Васъ въ печальной жизни
Вѣчно я не встрѣчу.
Но за вами сердцемъ
Я изъ жизни рвуся;
И глубоко въ сердцѣ
Слышится мнѣ голосъ.
«Все—мнѣ говоритъ онъ —
Живо здѣсь любовью;
Ею къ намъ спешитъ
Самъ Создатель съ неба,
И къ Нему на небо
Ею мы восходимъ.»

ЖАЛОБА.

О, гдѣ вы, прекрасные дни?
Куда улетѣли такъ скоро?
Печаль носилась въ душѣ,
Весельемъ дышавшей такъ вольно.
О, гдѣ вы, младенчески дни,
Земное небесъ привидѣнье,
Когда и цвѣтокъ въ волосахъ
Бывалъ намъ сокровищемъ жизни?
Норвисто вѣтеръ подулъ —
Весенняя роза поблекла!
Едва я успѣла расцвѣсть —
Уже безотрадная вяну.

ТОСКА.

Младость легкая порхаетъ
Въ свѣжемъ радости вѣнкѣ,
И прекрасно передъ нею
Жизнь цвѣтами убрана.

Нѣкогда музъ угостилъ у себя Геродотъ
дружелюбно.
Каждая муза ему книгу оставила въ даръ.

1831.

СИДЪ.

О Т Р Ы В О К Ъ.

[съ гердерова перевода].

Горные испанцы, вмѣстѣ съ религіею, законами, честию и свободою предковъ своихъ визиготевъ, сохранили и употребленіе языка романскаго.

То были необразованные люди, характера дикаго, гордые, отважные, неспособные покорствовать рабскому игу.

Каждая долина была особенною малою областью.

Въ снхъ долинахъ властвовали графы, коимъ короли визиготскіе ввѣряли наблюдение правосудія въ мирные дни и предводительство народнаго войска во дни военные.

Когда пала монархія, сии графы были почитаемы военачальниками и покровителями народа.

Народъ сей былъ составленъ болѣею частію изъ переселенцевъ, поблнувшихъ свою родину, дабы, среди бесплодныхъ утесовъ, сласти религію и законы отцовъ своихъ. Тамъ не было отдаваемо никакихъ отличныхъ почестей фортугъ: подъ кровлею бѣдной хлѣбни часто находилъ человѣка, побѣдившаго въ сраженіи. Вѣроятно, что въ сии времена вошла въ испанскіе нравы сиа кастильская спесь, замѣчаемая нынѣ въ самыхъ пищихъ.

Санхо Великій, король кастильскій, въ началѣ XI вѣка соединилъ подъ державу свою почти все христіанскія области полуострова: отъ него зависѣли Астурія, Наварра и Арагонія; онъ первый принялъ титулъ короля Кастиліи и можетъ быть почитаемъ родоначальникомъ королевскихъ домовъ Иешаніи.

При семь королѣ родился Донъ-Родриго Диасъ (сынъ Діага), прозванный Сидомъ или Сидомъ (господиномъ) отъ поблденныхъ пмъ мавровъ. Наименованный главнѣйшъ военачальникомъ арміи отъ короля кастильскаго, онъ получилъ еще прозваніе Кампедора (поптели).

Замокъ Биваръ, недалеко отъ Бургоса, завоеванный отцомъ его Донъ-Діегомъ, былъ мѣстомъ его рожденія. Съ женской стороны происходить онъ отъ древнихъ графовъ кастильскихъ. Знаменитый породою, онъ приобрьлъ богатство мужествомъ и оружіемъ. Подвиги его сохранились въ народныхъ

пѣсняхъ, или романсахъ, изъ которыхъ здѣсь предлагается извлеченіе.

СИДЪ

въ царствованіе короля Фердинанда.

I.

Пятерыхъ царей певѣрлыхъ
Донъ-Родриго поблдилъ,
И его назвали Сидомъ
Поблжденныи цари.

Ихъ послы къ нему явились,
И въ смиреніи подданства
Такъ привѣтствовали Сиды:

Пять царей, твоихъ вассаловъ,
Насъ съ покорностью и данью,

Добрый Сидъ, къ тебѣ прислали.—
«Ошибаетесь, друзья!

Донъ-Родриго отвѣчалъ имъ.

«Не ко мнѣ посольство ваше:

«Неприлично господиномъ

«Называть меня въ томъ мѣстѣ,

«Гдѣ господствуетъ Великій

«Фердинандъ, мой повелитель:

«Все его здѣсь, не мое.»

И король, такимъ смиреніемъ

Сиды храбраго довольный,

Говоритъ посламъ: «скажете

«Вы царямъ своимъ, что, если

«Господинъ ихъ Донъ-Родриго

«Не король, то здѣсь по праву

«Съ королемъ сидитъ онъ рядомъ,

«И что все, чѣмъ я владѣю,

«Завоевано мнѣ Сидомъ».

Съ той поры не называли

Знаменитаго Родрига

Мавры иначе, какъ Сидомъ.

II.

Полныхъ семь лѣтъ безъ устѣха

Неприступную Коимбру

Осаждалъ Донъ Фердинандъ.

Никогда бѣ не одолѣлъ онъ

Неприступныя Коимбры,

Крѣпкой башнями, стѣнами...

Но является Саль-Яго

Рыцаръ Господа Христа:

На конѣ онъ скачетъ бѣломъ,

Съ головы до ногъ въ доспѣхахъ

Свѣжихъ, чистыхъ и блестящихъ.

«Симъ ключомъ, который блещетъ

«У меня въ рукахъ (сказалъ онъ),
 «Завтра утромъ на разсвѣтѣ
 «Отпущу я Фердинанду
 «Неприступную Коимбру.»
 И король вступилъ въ Коимбру;
 И мечеть ея назвали
 Церковью Маріи Дѣвы:
 Тамъ былъ рыцаремъ поставленъ
 Донъ-Родриго, графъ Биварскій.
 Самъ король своей рукою
 Мечъ къ бедру его привѣсилъ,
 Далъ ему лобзанье мира;
 Только не далъ акколады,
 Ибо то ужъ для другого
 Было сдѣлано имъ прежде;
 И, въ особенную почесть,
 Конь въ блестящей збруѣ Сиду
 Подведенъ былъ королевой,
 А шпашга золотыя
 На него надѣла шпоры.

III.

Мраченъ, грустенъ Донъ-Діего...
 Что сравнить съ его печалью?
 День и ночь онъ помышляетъ
 О безчестіи своемъ:
 Посрамленъ навѣки древній,
 Знаменитый домъ Денесовъ;
 Не равнялись ни Иниги,
 Ни Аварки славою съ нимъ.
 И болѣзнию и лѣтми
 Изуренный старецъ видитъ
 Близкій гробъ передъ собою;
 Донъ-Гормасъ же, злой обидчикъ,
 Торжествующій, гуляетъ,
 Не страшась суда и казни,
 По народной площади.
 Напоследокъ, свергнувъ бремя
 Скорби мрачно-одинокой,
 Сыновей своихъ созвалъ онъ,
 И, ни слова не сказавши,
 Повелѣлъ связать имъ крѣпко
 Благородныя ихъ руки.
 И, трепещущіе, робко
 Вопросаютъ сыновья:
 «Что ты дѣлаешь, родитель?
 «Умертвить ли насъ замыслилъ?»
 Итъ душѣ его надежды!
 Во когда онъ обратился
 Къ сыну младшему, Родригу,

Въ немъ опять она воскресла;
 Заверкавъ очами тигра,
 Возопилъ молодой Родриго:
 «Развяжи, отецъ, мнѣ руки!
 «Развяжи! когда бѣ ты не былъ
 «Мой отецъ, я не словами
 «Далъ себѣ тогда бѣ управу;
 «Я бы собственной рукою
 «Внутренность твою исторгулъ;
 «Мнѣ мечомъ или кинжаломъ
 «Были пальцы бы мои!»
 — Сынъ души моею, Родриго!
 Скорбь твоя—мнѣ исцѣленье;
 Грозный гнѣвъ твой—мнѣ отрада;
 Будь защитникъ нашей чести:
 Ей погибнуть, если пынѣ
 Ты не выкупишь ее.—
 И Родригу разрежалъ онъ
 Про свою тогда обиду,
 И его благословилъ.

IV.

Удаляется Родриго,
 Полонъ гнѣва, полонъ думы
 О врагѣ своемъ могучемъ,
 О молодыхъ своихъ лѣтахъ.
 Знаетъ онъ, что въ Астуріи
 Донъ-Гормасъ богатъ друзьями,
 Что въ совѣтѣ королевскомъ
 И въ сраженіи первый онъ.
 Но того онъ не страшится:
 Сынъ Гидальга благородный,
 Онъ, родившись, обязался
 Жизнью жертвовать для чести.
 И въ душѣ своей онъ молитъ
 Отъ небесъ—одной управы,
 Отъ земли—простора битвъ,
 А отъ чести—подкрѣпленья
 Молодой своей рукѣ.
 Со стѣны онъ мечъ снимаетъ,
 Древней ржавчиной покрытый,
 Словно трауромъ печальнымъ
 По давнишнемъ господнѣ.
 «Знаю, добрый мечъ,—сказалъ онъ:
 «Что тебѣ еще постыдно
 «Быть въ рукѣ незнаменитой;
 «Но когда я поклянуся
 «Не нанести тебѣ обиды,
 «Ни на шагъ въ минуту боя
 «Не повятитъ... пойдемъ!

V.

Тамъ на площади дворцовой
 Сидь увидѣлъ Донъ-Гормаса
 Одного, безъ провожатыхъ,
 И вступилъ съ нимъ въ разговоръ:
 «Донъ-Гормасъ, отвѣтствуй, зналъ ли
 «Ты о сынѣ Донъ-Діега,
 «Оскорбивъ рукою дерзкой
 «Святость старцева лица?
 «Зналъ ли ты, что Донъ-Діега
 «Есть потомокъ Лайна Калва,
 «Что нѣтъ крови благороднѣй,
 «Нѣтъ нита его честибѣй?
 «Зналъ ли, что пока дышу я,
 «Не дерзнетъ никто изъ смертныхъ —
 «Развѣ Богъ одинъ Всевышній —
 «Сдѣлать то безъ наказанья,
 «Что дерзнулъ съ нимъ сдѣлать ты?»
 — Самъ едва ли ты, младенецъ,
 (Отвѣчалъ Гормасъ надменю)
 Знаешь жизни половину. —
 «Знаю твердо! половина
 «Жизни: почестъ благороднымъ
 «Воздавать, какъ то прилично;
 «А другая половина:
 «Быть грозою горделивыхъ,
 «И послѣдней каплей крови
 «Омывать обиду чести.»
 — Что жъ? Чего, младенецъ, хочешь?
 «Головы твоей хочу я.»
 — Хочешь розогъ, дерзкій мальчикъ;
 Погоди, тебя накажутъ,
 Какъ проказливаго пажа. —
 Боже праведный, какъ вешьхнулъ
 При такомъ отвѣтѣ Сидь!

VI.

Слезы льются, тихо льются
 По ланитамъ Донъ-Діега;
 За столомъ своимъ семейнымъ
 Онъ сидитъ, все позабывъ.
 О стыдѣ своемъ онъ мыслить,
 О младыхъ лѣтахъ Родрига,
 Объ ужасномъ поединкѣ,
 О могуществѣ врага.
 Оживительная радость
 Убѣгаетъ пограмленныхъ;
 Вслѣдъ за нею убѣгаютъ
 И довѣренность съ надеждой;
 Но, цвѣтуція, младая

Сестры чести, вмѣстѣ съ нею
 Возвращаются онѣ.
 И въ унылость погруженный,
 Донъ-Діега не примѣтилъ
 Подходящаго Родрига.
 Онъ, съ мечомъ своимъ подъ мышкой,
 Приложивъ ко груди руки,
 Долго, долго, весь произшенный
 Состраданіемъ глубоко,
 На отца глядѣлъ въ молчаньи.
 Вдругъ подходитъ, и схвативши
 Руку старца: «Шш, родитель!»
 Говоритъ, придвинувъ ницу.
 Но сильнѣе плачетъ старецъ.
 — Ты ли, сынъ мой Донъ-Родриго,
 Мнѣ даешь такой совѣтъ?
 «Я, родитель! смѣло можешь
 «Ты поднять свое святое,
 «Благородное лицо».
 — Спасена ли наша слава?
 «Мой родитель, онъ убить.»
 — Сидь же, сынъ мой, Донъ-Родриго,
 Сидь за столъ со мною рядомъ!
 Кто съ соперникомъ подобнымъ
 Сладить могъ, тотъ быть достоинъ
 Дома нашего главой. —
 Со слезами Донъ-Родриго,
 Преклонивъ свои колѣна,
 Лобызаетъ руки старца;
 Со слезами Донъ-Діега,
 Умиленный, лобызаетъ
 Сына въ очи и уста.

VII.

На престолѣ королевскомъ
 Возсѣдалъ король-владыка,
 Всемъ ли жалобамъ народа
 И давалъ всемъ управу.
 Твердый, кроткій, правосудный,
 Награждалъ онъ добрыхъ щедро,
 И казнилъ виновныхъ строго.
 Наказаніе и милость
 Вѣрныхъ подданныхъ творятъ.
 Въ черной траурной одеждѣ
 Входитъ юная Химена,
 Дочь Гормаса; вслѣдъ за нею
 Триета пажей благородныхъ.
 Дворъ въ безмолвномъ изумлени.
 Преклонивъ свои колѣна
 На послѣднюю ступеню

Королевскаго престола,
 Такъ Химена говоритъ:
 «Государь, прошло полгода
 «Съ той поры, какъ мой родитель
 «Подъ ударами младаго
 «Супротивника погнѣлъ.
 «И уже я припосила
 «Передъ тронъ твой королевскій
 «Умиленную молитву.
 «Были мнѣ даны тобою
 «Общанья; по управы
 «Не дано мнѣ и помышлѣ.
 «Между тѣмъ, надменный, дерзкій,
 «Издѣвается Родриго
 «Надъ законами твоими,
 «И, его надменность видя,
 «Ей потворствуешь ты самъ.
 «Государь праволюбивый
 «На землѣ естъ образъ Бога;
 «Государь неправосудный,
 «Поощряющій строптивость,
 «Сердцу добрыхъ не любезенъ,
 «Не ужасенъ и для злыхъ.
 «Государь, внемли безъ гнѣва
 «Симъ словамъ моеи печали:
 «Въ сердцѣ женщины почтенъ
 «Превращается отъ скорби
 «Часто въ горестный урекъ».
 И король на то Хименѣ
 Такъ отвѣтствуетъ безъ гнѣва:
 — Здѣсь твоя печаль не встрѣтитъ
 Ни желѣза, ни гранита.
 Если я сберегъ Родрига,
 То сберегъ его, Химена,
 Для души твоей прекрасной;
 Будетъ время—будешь плакать
 Ты отъ радости по немъ.

VIII.

Въ часъ полупночи спокойной,
 Тихій голосъ, нѣжный голосъ
 Унывающей Хименѣ
 Говорилъ: «отри, Химена,
 «Слезы грусти одинокой.»
 — Отвѣчай, откройся, кто ты?
 «Спрота, мня ты знаешь!»
 — Такъ! тебя, Родриго, знаю!
 Ты, жестокий! ты, лишившій
 Домъ мой твердыя подпоры!..
 «Честь то едѣлаа, не я!»

IX.

Въ храмѣ Божиѣмъ Родриго
 Такъ сказалъ своеи Хименѣ:
 «Благородная Химена,
 «Твой отецъ убить былъ мною,
 «Не по злобѣ, не измѣной,
 «Но въ отмщенъе за обиду,
 «Грудь на грудь и мечъ на мечъ.
 «Я тебѣ за мужа чести
 «Мужа чести возвращаю;
 «Я тебѣ въ живомъ супругѣ
 «Все даю, что прежде въ мертвомъ!
 «Ты отцѣ своемъ имѣла:
 «Друга, спутника, отца.»
 Такъ сказавъ, онъ обнажаетъ
 Крѣпкій мечъ свой и, поднявши
 Острие къ святому небу,
 Произноситъ громогласно:
 «Пусть меня сей мечъ накажетъ,
 «Если разъ нарушу въ жизни
 «Мой обѣтъ: любить Химену,
 «И за все моеи любовью
 «Ей воздать, какъ здѣсь предъ Богомъ
 «Общаносъ и клянуся!»
 Такъ свершилъ свой бракъ съ Хименой
 Донъ-Родриго, графъ Биварскій,
 Славный Сидъ Кампеадоръ.

X.

Сидъ во всѣхъ за Фердинанда
 Битвахъ былъ побѣдоносенъ.
 Наконецъ, для Фердинанда
 Часъ послѣдній наступаетъ:
 На своей постелѣ смертной
 Онъ лежитъ лицомъ къ востоку;
 Онъ въ рукахъ, уже холодныхъ,
 Держитъ свѣчу гробовую;
 Въ головахъ стоятъ прелаты,
 Одесную сыновья.
 И уже свои онъ земли
 Раздѣлялъ межъ сыновьями,
 Какъ вошла его меньшая
 Дочь Урака въ черномъ платьѣ,
 Проливающая слезы.
 Такъ ему она сказала:
 «Есть ли гдѣ законъ, родитель,
 «Человѣческій или Вожій,
 «Позволяющій наслѣдство,
 «Дочерей забывая,
 «Сыновьямъ лишь оставлять?»

Фердинандъ ей отвѣчаетъ:

— Я даю тебѣ Заморю,
Крѣпость, твердую стѣнами,
Съ нею вѣстѣ и вассаловъ
Для защиты и услуги.
И да будетъ проклятъ мною,
Кто когда-нибудь замыслитъ
У тебя отнять Заморю!—
Предстоявшіе сказали
Вѣ: амиш! Одинъ Донъ-Санхо
Промолчалъ, нахмури брови.

С И Д Ъ

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ КОРОЛЯ ДОНЪ-САНХО
КАСТИЛЬСКАГО.

I.

Только-что успѣлъ Донъ-Санхо
Вмѣстѣ съ братьями въ могилу
Опустить съ мольбой приличной
Фердинандову гробницу.
Какъ уже онъ на конѣ,
И гремитъ трубой военной,
И вассаловъ собираетъ,
И войной идетъ на братьевъ.
Первый, съ кѣмъ онъ началъ ссору,
Былъ Галиціи властитель,
Старшій братъ его Донъ-Гарсіи;
Но сраженный въ первой битвѣ,
Съ малочисленной остался
Онъ дружиною кастильцевъ.
Вдругъ явился Донъ-Родриго.
— Въ добрый часъ, мой благородный
Сидъ!—сказалъ ему Донъ-Санхо:—
Во-время ко мнѣ посѣлъ ты!—
«Но ты самъ, король Донъ-Санхо,
«Здѣсь не во-время! (сурово
Отвѣчалъ ему Родриго);
«Лучше было бы, съ молитвой
«Руки ежавъ, стоять смиренно
«У родителя гроба.
«Я исполню долгъ вассала;
«Стыдъ же примешь ты одинъ.»
И Донъ-Гарсіи побѣжденный
Скоро въ плѣнъ достался Сиду.
— Что ты дѣлаешь, достойный
Сидъ?—сказалъ съ упрекомъ плѣнникъ.
«Если бѣ я теперь вассаломъ
«Былъ твоимъ, я то же бѣ дѣлалъ,
«Государь, и для тебя.»

Заключень, по волѣ брата,
Въ башню крѣпкую Донъ-Гарсіи.
За него король леонскій
Возстаетъ и посылаетъ
Вызовъ къ Сиду, къ мужу чести,
Подымающему руку
На безчестно-злое огло.

— Ополчись, мой благородный
Сидъ!—Донъ-Санхо восклицаетъ.
Ополчись, мой Сидъ могучій,
Перлъ имперіи священной,
Цвѣтъ Испаніи, зерцало
Чести рыцарской! Леонцы
Идутъ противъ насъ войною;
Вѣютъ лвы на ихъ знаменахъ;
Но у насъ, въ землѣ кастильскоіи,
Много замковъ укрѣпленныхъ:
Вудеть, гдѣ ихъ запереть.—
«Государь, святое право
«За Альфонса; лишь фортуной
«Онъ неправъ!» такъ отвѣчаетъ
Королю Донъ-Санху Сидъ.
Донъ-Альфонсъ разбитъ и прогнанъ;
Онъ бѣжитъ къ толедскимъ маврамъ.
Какъ свирѣпый ястребъ—аяча
Новой нищи послѣ первой,
Имъ отвѣданной добычи—
Когти острые вопзаетъ
Въ беззащитную голубку:
Такъ Донъ-Санхо ненасытный,
На одну сестру напавши,
Безпомощную насильно
Запирать въ монастырь.

II.

Мирно властвуетъ Урака
Въ крѣпкомъ городѣ Заморѣ.
Крѣпкимъ городомъ Заморой
Завладѣть Донъ-Санхо мыслить.
Онъ къ стѣнамъ его подходитъ.
Нѣтъ въ Испаніи другого:
Въ твердомъ выбитый утесъ,
Имъ покрытый, какъ броню
Смѣлый рыцарь, окруженный
Свѣтло-влажными руками
Быстрошумнаго Дуера,
Онъ стоитъ—и замки, башни
(Въ цѣлый день не перечесть ихъ).
Какъ вѣнецъ, его вѣчаютъ.
И сказалъ Донъ-Санхо Сиду:

— Добрый Сидь, совѣтникъ мудрый,
 Дома нашего подпора,
 Отъ меня къ сестрѣ Уракѣ
 Ты посломъ иди въ Заморю.
 Предложи мѣну Уракѣ;
 Пусть свою назначишь дѣну;
 Но скажи ей въ осторожность:
 Если нынѣ отречется
 То принять, что предлагаю,
 Завтра самъ возьму я силой
 То, о чемъ теперь прошу.
 «Что за стѣны!» Донъ-Родриго
 Мыслить, глядя на Заморю.
 «Чѣмъ на нихъ смотрю я долѣ,
 «Тѣмъ грознѣй и неприступнѣй
 «Миѣ явятся онѣ!»
 — Что за стѣны! повторяетъ
 Про себя король Донъ-Санху.
 Это первые, которыхъ
 Не заставилъ содрогнуться
 Приближающей Сидь.
 — Что за стѣны! размышляетъ
 Копь могучій Бабіека,
 Замедля ходъ, и гриву
 Опуская до земли.

III.

Тихо въ городѣ Заморѣ:
 Онъ печальный носить трауръ
 Но Великомъ Фердинандѣ.
 Церкви города Заморы
 Въ ткани черныя одѣты:
 И на нихъ печальный трауръ
 Но Великомъ Фердинандѣ.
 И Урака, затворившись
 Въ замкѣ города Заморы,
 О сестрахъ и братьяхъ плачетъ,
 И печальный носить трауръ
 Но Великомъ Фердинандѣ.
 И она вздыхала тяжело
 Въ ту минуту, какъ явился
 Передъ городомъ Заморой
 Донъ-Родриго, вождь кастильскій.
 Вдругъ всѣ улицы Заморы
 Зашумѣли, взволновались;
 Крикъ до замка достигаетъ,
 И Урака, на ограду
 Вышедь, смотреть... тамъ могучій
 Сидь стоитъ передъ стѣной.
 Онъ свои подымаетъ очи,

Онъ Ураку зреть на башнѣ,
 Ту, которая надѣла
 На него златыя шпоры.
 И ему шепнула совѣтъ:
 «Стой, Родриго! ты вступишь
 «На безславную дорогу;
 «Благородный Сидь, назадъ!»
 И она ему на память
 Привела тѣ дни, когда онъ
 Государю Фердинанду
 Обѣщанъ быть надежной
 Дочерей его защитой;
 Дни, когда они дѣлали
 Ясной младости веселье
 При дворѣ великолѣпномъ
 Государя Фердинанда, —
 Дни прекрасныя Коимбры.
 «Стой, Родриго! ты вступишь
 «На безславную дорогу;
 «Благородный Сидь, назадъ!»
 Бодрый Сидь остановился.
 Онъ впервые Бабіеку
 Обратилъ и въ размышленіи,
 Прошепталъ: *назадъ!* поѣхалъ
 Въ королевскій станъ обратно,
 Чтобъ припечь отечь Донъ-Санху.
 Но разгнѣванный Донъ-Санху
 Такъ отвѣтствуетъ Родригу:
 — Безразсудны Государи,
 Осыпающіе честию
 Неумѣренной вассаловъ:
 Лишь мятежниковъ надменныхъ
 Для себя они готовятъ.
 Ты съ Заморой непокорной
 Заодно теперь, Родриго;
 Нынѣ умъ твой дерзновенный
 Не въ ладу съ моимъ совѣтомъ;
 Съ глазъ моихъ пойдѣ, Родриго;
 Изъ кастильскихъ выйдѣ предѣловъ;
 Всѣ мои покинь владѣнія. —
 «Но которыя владѣнія,
 «Государь, велишь покинуть?»
 «Завоеванныя ль мною,
 «Сохраненныя ли мною
 «Дая тебя?» — Тѣ и другія! —
 Сидь минуту былъ задумчивъ;
 Но потомъ онъ улыбнулся,
 Выругъ себя евокойный бросилъ
 Взоръ, и съѣлъ на Бабіеку.

Удалился Сидъ... молчанье
Въ ставѣ царствуетъ, какъ въ гробѣ.

IV.

Длится трудная осада.
Много было поединковъ;
Много рыцарей кастильскихъ,
Къ утѣшенью дамъ Заморы,
Было сброшено съ сѣда.
Не возьмутъ они Заморы.
Тутъ являетея къ Донъ-Санху
Графы, знатные вельможи.
«Государь, отдай намъ Сиду
(Говорять они); безъ Сиды
«Не бывать ни въ чемъ удачи!»
И король послалъ за Сидомъ;
Но съ домашними своими
Напередъ о томъ, что дѣлать,
Посоветовался Сидъ.
Возвратился былъ совѣтъ ихъ,
Если самъ король Донъ-Санхо
Признаетъ себя виновнымъ. —
Сидъ покорствуетъ призванью;
Самъ король къ нему навстрѣчу
Вызываетъ; съ Бабіеки
Сходить Сидъ, его увидя,
И его цѣлуетъ руку.
Съ той поры на поединки
Вызывать гораздо рѣже
Стали рыцари Заморы
Смѣлыхъ рыцарей кастильскихъ:
Каждый былъ готовъ сразиться
Хоть съ нятью одинъ, хоть съ чортомъ,
Лишь бы только не съ Родригомъ.
Вдругъ изъ города Заморы
Вышелъ витязь неизвѣстный.
Къ пышной ставкѣ королевской
Подоспѣвши, такъ сказалъ онъ:
«За совѣтъ мой: *покориться*,
«Чуть меня не умертвили!
«Государь, я знаю вѣрный
«Способъ сдать тебѣ Замору.»
Но съ высокоя ограды
Въ то же время старый рыцарь
Прокричалъ: «Король Донъ-Санхо,
«Знай, и вы, кастильцы, знайте,
«Что изъ города Заморы
«Вышелъ къ вамъ предатель хитрый:
«Если ебудетея злодѣйство,
«Насъ ни въ чемъ не обвиняйте».

По съ предателемъ Донъ-Санхо
Ужъ пошелъ къ стѣнамъ Заморы.
Тамъ, предъ входомъ потаеннымъ
Неприступныя ограды,
Видя, что король Донъ-Санхо
Съ нимъ одинъ и безоруженъ,
Острый свой кияжалъ предатель
Весь возилъ въ него и скрылся.
И король смертельно раненъ.
Вкругъ него толпятся слуги;
И никто изъ нихъ не молвилъ
Слова правды; лишь единый
Добрый, старый, вѣрный рыцарь
Такъ сказалъ ему: «помысли
«О душѣ своей и Богъ;
«Остальное все забудь!»
И уже король Донъ-Санхо
Предалъ въ руки Бога душу.
Много рыцарей кастильскихъ
Вкругъ него стоятъ и плачутъ;
Волъ всехъ скорбятъ и плачутъ
Благородный Донъ-Родриго.
«О король мой! о Донъ-Санхо!
(Восклицаетъ онъ), да будетъ
«Проклятъ день тотъ ненавистный,
«День, въ который ты замыслилъ
«Приступитъ къ стѣнамъ Заморы!
«Не боялся тотъ ни Бога,
«Ни людей, кто беззаконно
«Далъ тебѣ совѣтъ нарушить
«Честный рыцарства законъ.»

К У Б О К Ъ.

БАЛЛАДА

[изъ шиллера].

«Кто, рыцарь ли знатный или простой
«Въ ту бездну прыгнетъ съ вышини?
«Бросаю мой кубокъ туда золотой:
«Кто сыщеть во тьмѣ глубины
«Мой кубокъ и съ нимъ возвратится
«безвредно,
«Тому онъ и будетъ наградою побѣдной.»

Такъ царь возгласилъ и съ высокоя скалы,
Висѣвшей надъ бездною морской,
Въ пучину бездонной, зияющей млы
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.

«Кто, смѣлый, на подвигъ опасный
рѣшится?»

«Кто сыщеть мой кубокъ и съ нимъ
возвратится?»

Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ;
Молчанье—на вызовъ отвѣтъ;

Въ молчаньи на грозное море глядятъ;
За кубкомъ отважнаго пѣтъ.

И въ третій разъ царь возгласилъ громо-
гласно:

«Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасный?»

И все безотвѣтны... Вдругъ нажъ молодой
Смиренно и дерзко впередъ;

Онъ снялъ епанчу, снялъ поясъ онъ свой:
Ихъ молча на землю кладеть...

И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:
Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?

И онъ подступая къ наклону скалы,
И взоръ устремилъ въ глубину...

Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя, въ вышину;

И волны спиральсь и пѣна кипѣла:
Какъ будто гроза, наступаая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,

Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;

Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ...
Не море ль изъ моря извергнухья хочеть?

И вдругъ, уснокаясь, волнение легло;
И грозно изъ пѣны сѣдой

Разицулось черною щелью жерло;
И воды обратно толной

Почмались во глубь истощеннаго чрева;
И глубь застонала отъ грома и рева.

И онъ, уредя разъяренный приливъ,
Спасителя-Бога призвавъ...

И дрогнули зрители, все возонивъ...
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.

И бездна таинственно зѣвъ свой закрывала:
Его не спасеть никакая ужъ сила.

Надъ бездною утихло... въ ней глухо
И каждый, очей отвести [думить...]

Не смѣя отъ бездны, печально твердить:
«Красавецъ отважный, проги!»

Все тише и тише на даѣ ея востъ...
И сердце у всехъ ожиданіемъ ноеть.

«Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
«Сказавъ: кто вѣнецъ возвратитъ,

«Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣ-
литъ со мной!»

«Меня твой престолъ не прельститъ.
«Того, что скрываетъ та бездна пѣмая,

«Ничья здѣсь душа не разскажетъ живая.
«Не мало судовъ, закруженныхъ волной,

«Глотала ея глубина:
«Все мелкой назадъ вылетали щепой

«Съ ея неприступнаго дна...»
По слышится снова въ пучинѣ глубокой

Какъ будто роптанье грозы недалекой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,

Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ...

И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ
ревомъ,

Извергнутый безднѣ зіяющимъ зѣвомъ.

Вдругъ... что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлзной...

Мелькнула рука и плечо изъ волны...
И борется, споритъ съ волной...

И видятъ — весь берегъ потрясся отъ
клича —

Онъ лѣвою править, а въ правой добыча.

И долго дышала онъ, и тяжело дышала,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ...

И каждый съ весельемъ, «онъ живъ! повто-
«Чудеснѣе подвига нѣтъ! [рялъ:

«Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной
«Спасъ душу живую красавецъ отважной».

Онъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ
толпой;

Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ;
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;

И дочери царь приказалъ:
Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда;

И въ сладость была для него та награда.

«Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселитъ!

Но странно въ подземной таинственной
мгѣ...

И смертный предъ Богомъ смиришь:
И мыслью своею не жалай дерзновенно
Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной!

«Стрѣлю стрѣмглавъ полетѣлъ я туда...
И вдругъ мнѣ настрѣчу потокъ;
Изъ трещины камня лилася вода;
И вихоръ ужасный повлекъ
Меня въ глубину съ непопятною силой...
И страшно меня тамъ кружило и било.

«Но Богу молитву тогда я припещь,
И Онъ мнѣ спасителемъ былъ:
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви карала:
Въ бездонное влага его не умчала.

«И смутно все было внизу подо мной
Въ пурпуровомъ сумрагѣ тамъ;
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груди,
Морской глубины несказанныя чуды.

«Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ?
Въ громадный свиваяся клубъ:
И млатъ водяной, и уродливый скалъ,
И ужасъ морей однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокою непасытный, гѣна морская.

«И былъ я одинъ съ неизбежной судьбой,
Отъ взора людей далеко;
Одинъ межъ чудовищъ съ любящей душой,
Во чревтѣ земли, глубокого
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
Межъ страшныхъ жальцовъ подземелья
нѣмова.

«И я содрогался... вдругъ слышу: поззеть
Стоногое грозно изъ мглы,
И хочетъ схватить, и разинулъ ротъ...
Я въ ужасѣ прочь отъ скалы!...
То было спасенъ: я схваченъ приливомъ.
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ.»

Чудесенъ разсказъ показался царю:

«Мой кубокъ возьми золотой;
«Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
«Въ которомъ алмазъ дорогой,

«Когда ты на подвигъ отважишься снова
«И тайны всѣ дна перескажешь морскаго».

То слыша, царица съ волненьемъ въ груди,
Краснѣя, царю говорить:

— Довольно, родитель! его пощади!

Подобное кто совершить?

И если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не нака младаго.

Но царь, не виняя, свой кубокъ златой
Въ пучину швырнулъ съ высоты:

«И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,

«Когда съ нимъ вступишься ты;

«И дочь моя, нынѣ твоя предо мною

«Заступница, будетъ твоею женою».

Въ немъ живую небесной душа зажжена;

Отважность свергнула въ очамъ;

Онъ видитъ: краснѣеть, блѣднѣетъ она;

Онъ видитъ: въ ней жалость и страхъ...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны...
Утихнула бездна... и снова шумить...
И нѣною снова полна...
И съ трепетомъ въ бездну царица глядѣть...
И бѣгъ за волною волна...
Приходить, уходитъ волна быстротечно...
А юности нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

Тогда, неописанной радостью полный,

На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны...

Утихнула бездна... и снова шумить...

И нѣною снова полна...

И съ трепетомъ въ бездну царица глядѣть...

И бѣгъ за волною волна...

Приходить, уходитъ волна быстротечно...

А юности нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

П Е Р Ч А Т К А.

повѣсть.

[изъ пуглера].

Передъ своимъ звѣрищемъ,
Съ баронами, съ наследнымъ принцемъ,
Король Францискъ сидѣлъ;
Съ высокаго балкона онъ глядѣлъ
На поприще, сраженья ожидая;
За королемъ, обворожая
Цвѣтущей прелестью взгляды,
Придворныхъ дамъ являлся пышный рядъ.

Король даль знакъ рукою—
Со стукомъ растворилась дверь:
И грозный звѣрь
Съ огромной головою,
Косматый левъ

Выходитъ;

Кругомъ глаза угрюмо водить;

И вотъ, все оглядѣвъ,

Наморщишь лобъ съ осяпкой горделивой,
 Поневелишь густою гривой,
 И потянулся, и зъвиуль,
 И легъ. Король опять рукой махнулъ—
 Затворь желѣзной двери грянулъ,
 И смѣлый тигръ изъ-за рѣшетки прыпнулъ,
 Но видитъ льва, робѣеть и реветъ,
 Себя хвостомъ по ребрамъ бьетъ,
 И крадется, косяся взглядомъ,
 И лижеть морду языкомъ,
 И, обошедши льва кругомъ,
 Рычитъ и съ нимъ ложится рядомъ.
 И въ третій разъ король махнулъ рукой—
 Два барса дружною четой
 Въ одинъ прыжокъ надъ тигромъ очутились:
 Но онъ ударъ имъ тяжкой лапой далъ,
 А левъ съ рыканьемъ всталъ...
 Они смирились,
 Оскаливъ зубы, отошли,
 И зарычали, и легли.

И гости ждуть, чтобъ битва началась.
 Вдругъ женская съ балкона сорвалась
 Перчатка... все глядятъ за ней...
 Она унала межъ звѣрей.
 Тогда на рыцаря Делоржа съ лицемѣрной
 И колючою улыбкою глядитъ
 Его красавица и говорить:
 «Когда меня, мой рыцарь вѣрной,
 «Ты любишь такъ, какъ говоришь,
 «Ты мнѣ перчатку возвратишь.»

Делоржъ, не отвѣчавъ ни слова,
 Къ звѣрямъ идетъ,
 Перчатку смѣло онъ беретъ,
 И возвращается къ собранью снова.

У рыцарей и дамъ при дерзости такой
 Отъ страха сердце помутилось;
 А витязь молодой,
 Какъ будто ничего съ нимъ не случилось,
 Спокойно входить на балконъ;
 Рукоплесканьемъ встрѣченъ онъ;
 Его приветствуютъ красавицныя взгляды...
 Но, холодно принявъ привѣтъ ея очей,
 Въ лицо перчатку ей
 Онъ бросилъ, и сказалъ: «не требую награды.»

ВОСКРЕСНОЕ УТРО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

[изъ гвевеля.]

«Слушай, дружокъ! (говорить Воскресенью
 Суббота) деревня
 Вся ужъ заснула давно; въ окрестности
 все ужъ покойно;
 Время и мнѣ на покой: меня одолѣла дре-
 мота;
 Полночь близко!..» И только успѣла Суб-
 бота промолвить:
 «Полночь!» а полночь ужъ тутъ и се
 принимаетъ безмолвно
 Въ тихое лоно. «Моя череда!» говоритъ
 Воскресенье;
 Легкой рукою, тихохонько двери свои отво-
 рило.
 Вышло и смотреть на звѣзды: звѣзды
 ярко сияютъ;
 На небѣ темно и чисто; у солнышка за-
 вѣсъ задернуть.
 Долго еще до разсвѣта: все спитъ; иногда
 повѣваетъ
 Свѣжій почной вѣтерокъ, сквозь сонъ ветре-
 пенушнень, какъ будто
 Утра далекий приходъ боясь пропустить.
 Невидимкой
 Ходить, какъ духъ безтѣлесный, неслыш-
 ной стопою Воскресенье.
 Въ роуцъ заглянеть—тамъ тихо; листья
 молчатъ; сквозь вершины
 Темныхъ деревь, какъ безчисленныя очи,
 звѣздочки смотреть;
 Кое-гдѣ яркій свѣтлякъ на листочкѣ го-
 рить, какъ лампада
 Въ кельѣ отшельника. По лугу тихо прой-
 деть—тамъ незримый
 Шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ;
 кругомъ вся окрестность,
 Холмы, деревья въ невѣрныя тѣни сли-
 лися, и молча
 Слушаютъ шопотъ. Зайдетъ на кладбище—
 могилы въ глубокомъ
 Снѣ, и подъ легкимъ ихъ дерномъ, какъ
 будто кто дышитъ свободнымъ,
 Свѣжимъ дыханьемъ. Въ село завернетъ—
 и тамъ все покойно;
 Пусто на улицъ; снятъ вѣтухи, и сель-
 ская церковь

Съ темной своей колокольней, внутри
озаренная слабымъ
Блескомъ свѣчи предъ иконой, стоять,
какъ будто безмолвный
Сторожъ деревни.—Спокойно на наперти
сѣвъ, Воскресенье
Ждетъ посреди глубокой тьмы и молчанья,
чтобы утро
На небѣ тронулось... тронулось утро; во
тьму и молчанье
Что-то живое проникло: стало свѣжѣе, и
звѣзды
Начали тускнуть... вѣтухъ закричалъ.
Воскресенье тихою
Подняло занавѣсь спящаго солнца, ти-
холюшко шепнуло:
«Солнышко, встань!» И разомъ поддер-
нулся блѣдной струею
Темный востокъ; началось тамъ движеніе,
и слѣдомъ за яркой
Утренней звѣздочкой, рой облаковъ при-
летѣлъ и усыпалъ
Небо, и лучъ за лучомъ полился, облака
зажигая...
Вдругъ между ними, какъ радостный ан-
гель, солнце явилось.
Вся деревня проснулась, и видитъ: стоять
Воскресенье
Въ свѣжѣмъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ и, сіяя
на солнцѣ,
«Доброе утро!» всемъ говорить. И тор-
жественно-тихій
Праздникъ приходитъ на смѣну заботливо-
трудной недѣли;
Благовѣсть звонкій въ церковь зоветь—
и въ одеждѣ воскресной
Старый и малый идутъ на молитву... въ
деревнѣ молчанье;
Въ церкви дымится кадила, и тихое слы-
шится пѣнье.

НЕОЖИДАННОЕ СВИДАНІЕ.

былъ.

[изъ гѣбеля].

Лѣтъ за семьдесятъ, въ Швеціи, въ го-
родѣ горномъ Фалунѣ,
Утромъ однимъ молодой рудокопъ, на
свиданьи съ своею

Скромной, милой невѣстою, такъ ей ска-
заль: черезъ мѣсяць
(Мѣсяць недологъ) мы будемъ мужъ и
жена; и надъ нами
Благословеніе Божіе будетъ!— «И въ на-
шей убогой
Хижинѣ радость и миръ поселится», ска-
зала невѣста.
Но когда возгласилъ во второй разъ свя-
щенникъ въ приходской
Церкви: *кто законное браку пренят-
ствіе жаетъ,*
Пусть объявитъ объ немъ, тогда съ за-
прещенъмъ явилась
Смерть. Наканувъ брачнаго дня, идя въ
рудоконно
Въ черномъ платьѣ своемъ (рудоконъ пи-
когда не снимаетъ
Чернаго платья), женихъ постучался въ
окошко невѣсты,
Съ радостнымъ чувствомъ сказалъ ей:
доброе утро! но *добрый*
Вечеръ! онъ ужъ ей не сказалъ, и на-
задъ не пришелъ онъ
Къ ней ни въ тотъ день, ни на другой,
ни на третій, ни послѣ...
Рано по утру одѣлась она въ вѣнчалное
платье,
Долго ждала своего жениха, и когда не
пришелъ онъ,
Платье вѣнчалное спявши, она заплакала
горько,
Плакала долго объ немъ, и его никогда
не забыла.
Вотъ въ Португаліи весь Лиссабонъ уни-
чтоженъ былъ страшнымъ
Землетрясенъемъ; война семилѣтняя кон-
чилась; умеръ
Францъ императоръ; былъ іезуитскій ор-
денъ разрушенъ;
Польша исчезла; скончалась Марія Терезія;
умеръ
Фридрихъ Великій; Америка стала сво-
бодна; въ могилу
Легъ императоръ Іосифъ Второй; револю-
ціи пламя
Всыхнуло; добрый король Людвигъ, воз-
веденный на плаху,

Умерь свитымъ; на русекомъ престолѣ
не стало Великой
Екатерины; и много троновъ упало; и новый
Сильный воздвигся, и всё перевысиль, и
рухнулъ;
И на далекой скалѣ оксана изгнанникомъ
умерь
Наполеонъ. А поля, какъ всегда, покры-
вались жатвой.
Пашни сочной травой, холмы золотымъ
виноградомъ;
Пахарь сѣялъ и жалъ, и мельникъ мо-
лолъ, и глубоко
Въ нѣдра земли пропичалъ съ фонаремъ
рудоконь, открывая
Жилы металловъ. И вотъ случилось, что
близко Фалуна,
Новый ходъ проложивъ, рудоконь въ да-
внишемъ обвалѣ
Вырыли трущъ неизвѣстнаго юноши: былъ
онъ не тронуть
Тлѣньемъ, былъ свѣжъ и румянъ; каза-
лось, что умерь
Съ часъ не болѣ, иль только прилегъ от-
дохнуть и забылся
Сномъ. Когда же на свѣтъ онъ изъ тем-
ной земныя утробы
Вынесенъ былъ—отецъ, и мать, и друзья,
и родные
Мертвы ужъ были давно; не нашлось ни-
кого, кто бъ о спящемъ
Юношѣ зналъ, кто бъ поинилъ, когда съ
нимъ случилось несчастье.
Мертвый товарищъ умершаго племени,
чуждый живому;
Онъ сиротою лежалъ на землѣ, посреди
равнодушныхъ
Зрителей, всѣмъ незнакомый, дотолѣ, пока
не явилась
Тутъ невѣста того рудоконя, который
однажды
Утромъ, за день до свадьбы своей, по-
шелъ на работу
Въ рудникъ, и болѣ назадъ не пришелъ.
Поднираясь клюкою,
Тренетнымъ шагомъ туда прибрела сѣдая
старушка;
Смотрить на тѣло, и вмигъ узнать же-
ниха. И съ живою

Радостью болѣ, чѣмъ съ грустью, она пред-
стоявшимъ сказала:
«Это мой бывшій женихъ, о которомъ такъ
долго, такъ долго
Плакала я, и съ которымъ Господь еще
передъ смертью
Далъ мнѣ увидѣться. За день до свадьбы
пошелъ онъ работать
Въ землю, но тамъ и остался.»—У всѣхъ
разгорѣлося сердце
Нѣжнымъ чувствомъ при видѣ бывшей
невѣсты, увядшей,
Дряхлой, надъ бывшимъ ея женихомъ,
сохранившимъ всю прелесть
Младости свѣжей. Но онъ не проснулся
на голосъ знакомый;
Онъ не открылъ ни очей для узнанья,
ни устъ для привѣта.
Въ день же, когда на кладбище его по-
несли, съ умиленьемъ
Друга давнишняго младости въ землю она
проводила;
Тихо смотрѣла, какъ гробъ засыпали,
когда же исчезъ онъ,
Свѣжей могилѣ она поклонилась, пошла,
и сказала:
«Что однажды земля отдада, то отдасть
и въ другой разъ!»

ПОЛИКРАТОВЪ ПЕРСТЕНЬ.

БАЛЛАДА.

[изъ ШИЛЛЕРА].

На кровлѣ онъ стоялъ высоко,
И на Самосѣ богатый око
Съ всеельемъ гордымъ преклонялъ:
«Сколь щедро взысканъ я богами!
Сколь счастливъ я между царями!»
Царю Египта онъ сказалъ.

— Тебѣ благоприятны боги;
Они къ твоимъ врагамъ лишь строги,
И всѣхъ ихъ предали тебѣ;
Но живъ одинъ, опасный мститель;
Пока онъ дышетъ... побѣдитель,
Не довѣрай своей судьбѣ.—

Еще не кончилъ онъ отвѣта,
Какъ изъ союзаго Милета
Явился присланный гонецъ:
«Побѣдой ты украшенъ новой;

Да обовѣсть опять лавровой
Главу властителя вѣнец!

«Твой врагъ постигнуть строгой мѣстью;
Меня послалъ къ вамъ съ этой вѣстью
Нашъ полководецъ Полидоръ.»

Рука гонца сосудъ держала:
Въ сосудѣ голова лежала;
Врага узнать въ ней царскій взоръ.

И гость воскликнулъ съ содроганьемъ:
— Страшнее! Судьба очарованьемъ:

Тебя къ погибели влечеть.
Невѣрныя морскія волны
Обломковъ корабельныхъ полны:
Еще не въ пристани твой флотъ. —

Еще слова его звучали...
А клики брегъ ужъ оглашали,
Народъ на пристани кипѣлъ;
И въ пристань, царь морей крылатый,
Дарами дальнихъ странъ богатый,
Флотъ торжествующій влетѣлъ.

И гость, увидя то, блѣднѣеть.
— Тебѣ фортуна благодѣетъ...
Но ты не вѣрь, здѣсь хитрый ковъ!
Здѣсь тайная погибель скрыта:
Разбойники морскіе Крита
Отъ здѣшнихъ близко береговъ. —

И только выронилъ онъ слово,
Гонецъ вбѣгаетъ съ вѣстью новой:
«Побѣда, царь! судьбѣ хвала!
Мы торжествуемъ надъ врагами:
Флотъ критскій истребленъ богами;
Его ихъ буря пожрала!»

Ненуگانъ гость неожиданной вѣстью...
— Ты счастливъ; но судьбины дѣстью
Такое счастье мнится мнѣ:
Здѣсь вѣчны блага не бывали,
И никогда намъ безъ печали
Не доставалися онѣ.

И мнѣ все въ жизни улыбалось;
Неизмѣнимо казалось,
Я Силой вышней былъ хранимъ.
Все блага прочилъ я для сына...
Его, его взяла судьбина;
Я долгъ мой сыномъ заплатилъ.

Чтобъ вѣрпой избѣжать напасти,

Моги невидимыя Власти
Подлить печали въ твой фіалъ.
Судьба и въ милостяхъ мздоимецъ:
Какой, какой ея любимецъ
Свой вѣкъ не бѣдственно кончалъ?
Когда жъ въ несчастіе рокъ откажетъ,
Исполни то, что другъ твой скажетъ:
Ты призови несчастье самъ.
Твоя сокровища несмѣтны:
Изъ нихъ скорѣй, какъ даръ завѣтный,
Отдай любимое богамъ. —

Онъ гостю впемлетъ съ содроганьемъ:
«Мои избранники достояньемъ
Доныиъ этотъ перетень былъ;
Но я готовъ Властямъ незримымъ
Добромъ пожертвовать любимымъ...»
И перетень въ море онъ пустилъ.

На утро, только лучъ денницы
Озолотилъ верхи столицы,
Къ царю является рыбарь:
«Я рыбу, пойманную мною,
Чудовище величїною,
Тебѣ принесъ въ подарокъ, царь!»

Царь изъявилъ благоволенье...
Вдругъ царскій новаръ въ изступленъѣ
Съ неожиданной вѣстію бѣжить:
«Найденъ твой перетень драгоцѣнный!
Огромной рыбой поглощенный,
Онъ въ ней пожомъ моимъ открытъ!»

Тутъ гость, какъ пораженный громомъ,
Сказалъ: «бѣда надъ этимъ домомъ!
Нельзя мнѣ другомъ быть твоимъ;
На смерть ты обреченъ судьбою:
Бѣгу, чтобъ здѣсь не пасть съ тобою...
Сказалъ и разлучился съ нимъ.

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

БАЛЛАДА.

[пѣзъ шиллера].

Снова гений жизни вѣсть;
Возвратилася весна;
Холмъ на солицѣ зеленигетъ;
Ледъ разрушила волна;
Распустившіеся дымится
Благовонїями лѣсъ,
И безоблаченъ глядится
Въ воды зеркальны Зевсеъ;

Все цвѣтеть лишь мой единый
 Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ:
 Прозеррины, Прозеррины
 На землѣ моей ужъ нѣтъ.

Я вездѣ ее искала,
 Въ дневномъ свѣтѣ и въ ночи;
 Всѣ за ней я посылала
 Аполлоновы лучи;
 Но ся подѣ сводомъ неба
 Не нашель веззрѣцій богъ;
 А подземной тьмы Эреба
 Лучъ его пронзить не могъ:
 Тѣ берега недостижимы,
 И богамъ ихъ страшень видѣ...
 Тамъ она! неумолимый
 Ею властвуетъ Адъ.

Кто жъ мое во мракъ Плутона
 Слово къ ней перенесетъ?
 Вѣчно ходить чолнъ Харона,
 Но лишь тѣни онъ беретъ.
 Жизнь подземнаго страшится;
 Недоступенъ адъ и тихъ;
 И съ тѣхъ поръ, какъ онъ стремится,
 Стиксъ не выдываль живыхъ;
 Тьма дорогъ туда пзводитъ;
 Ни одной оттуда нѣтъ;
 И отшедшій не приходитъ
 Никогда опять на свѣтъ.

Сколь завидна мнѣ печально
 Участь смертныхъ матерей!
 Легкій пламень погребальной
 Возвращаетъ имъ дѣтей;
 А для насъ, боговъ петлѣнныхъ,
 Что услудо утратъ?
 Насъ, безрадостно-блаженныхъ,
 Парки строгія шадятъ...
 Парки, парки, поспѣшите
 Съ неба въ адъ меня послать!
 Правъ богини не шадите:
 Вы обрадуете мать.

Въ тотъ предѣлъ гдѣ—утѣненно
 И веселію чужда,
 Дочь живетъ—свободной тѣнью
 Полетѣла бъ я тогда;
 Близъ супруга, на престолѣ
 Мнѣ предстала бы она,
 Грустной думою о волѣ

И о матери полна;
 И ко мнѣ бы взоръ склонился,
 И меня узналъ бы онъ,
 И надъ нами бъ прослезился
 Самъ безжалостный Плутонь.

Тщетный призракъ! стоишь напрасный!
 Все однимъ путемъ небесъ
 Ходить Геліосъ прекрасный;
 Все навѣкъ рѣшили Зевесъ;
 Жизнью горнею доволенъ,
 Ненавидя адеку ночь,
 Онъ и самъ отдать неволень
 Мнѣ утраченную дочь.
 Тамъ ей быть, доколь Аида
 Не освѣтитъ Аполлонъ,
 Или радугою Ирида
 Не сойдетъ на Ахеронъ!

Нѣтъ ли жъ мнѣ чего отъ милой,
 Въ сладкопамятный завѣтъ:
 Что осталось все, какъ было,
 Что для насъ разлуки нѣтъ?
 Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ ими
 Снова сблизить мать и дочь,
 Мертвыхъ съ милыми живыми,
 Съ свѣтлымъ днемъ подземну почъ?..
 Такъ, не всѣ слѣды пропали!
 Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ:
 Намъ святыя боги дали
 Усладительный языкъ.

Въ тѣ часы, какъ хладъ Борелъ
 Губить нѣжныхъ чадъ весны,
 Листья падаютъ желтѣя,
 И лѣса обнажены:
 Изъ руки Вергумна щедрой
 Сѣмя жизни взять спѣшу,
 И, егѣ въ земное пѣдро
 Бросивъ, Стиксу приношу;
 Сердцу дочери вѣрюю
 Тайный даръ моей руки,
 И, скорбя, въ немъ посылаю
 Вѣсть любви, залогъ тоски.

Но когда съ небесъ слетаетъ
 Велѣдъ за бурями весна,—
 Въ мертвомъ снова жизнь игратьъ,
 Солнце грѣетъ сѣмена;
 И, умершіе для взора,
 Вянувъ они весны привѣтъъ,

Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходить въ область неба,
Корень шить тьмы ночной;
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень стиксовой струей.

Ими таинственно слита
Область тьмы съ страпою дня,
И приходять отъ Коцита
Съ ними вѣсти для меня;
И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается признанье,
Гласъ родной изъ глубины;
Онь разлугу услаждаетъ,
Онь душъ моей твердитъ:
Что любовь не умираетъ
И въ отшеднихъ за Коцитъ.

О! привѣтвую васъ, чада
Расцвѣтающихъ полей!
Вы тоски моей услада,
Образъ дочери моей;
Васъ налью благоуханьемъ,
Нашою живою росой,
И съ авроринымъ сіяньемъ
Поравню красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осеній мракъ полей
И мою вѣщаютъ радость,
И печаль души моей.

Д О Н И К А.

БАЛЛАДА.

[изъ саутн].

Вѣтъ озеро передъ скалою огромной;
На той скалѣ давно стоялъ
Высокій замокъ и громадой темной
Прибрежны воды омрачалъ.
На озерѣ ладья не попадалась;
Рыбакъ страшился удить въ немъ;
И ласточка, лети надъ нимъ, боялась
Къ нему дотронуться крыломъ.
Хотя бѣ стада отъ жажды умирали,
Хотя бѣ палиль ихъ лѣтній зной:
Отъ береговъ его они бѣжали
Смятенно-робкою толпой.

Случалось, что вѣтеръ и осокой
У озера не шевелилъ:
А волны въ немъ вздымались высоко,
И въ нихъ ужасный шопоть былъ.

Случалось, что, бурю разима,
Дрожала твердая скала:
А мертвыхъ водъ поверхность недвижима
Была спокойнѣе етекла.

И каждый разъ—въ то время, какъ могилою
Кто въ замкѣ угрожаемъ былъ—
Пророчески, гармоніей унылой
Изъ бездны голосъ неходилъ.

И въ замкѣ томъ, могуществомъ великій,
Жилъ Ромуальдъ; имѣлъ онъ дочь;
Плѣнялось все красой его Доника:
Лицо—какъ день, глаза—какъ ночь.

И рыцарей толпа предъ ней тѣснилась:
Всѣ душу приносили въ даръ;
Однимъ изъ нихъ красавица плѣнилась:
Счастливцевъ этотъ былъ Эваръ.

И радъ отецъ; и скоро ужъ наступитъ
Желанный, сладкій часъ, когда
Во храмѣ ихъ священникъ совокупитъ
Святымъ союзомъ навсегда.—

Былъ вечеръ тихъ, и небеса азѣли;
Съ невѣстой шель рука съ рукою
Женихъ; они на озеро глядѣли
И услаждались тишиной.

Ни трепета въ листьяхъ деревь... ни знака
Малѣйшей зыби на водахъ...
Лишь лаяньемъ Доникина собака
Пугала иташекъ на кустахъ.

Любовь въ груди невѣсты пламенѣла
И въ темныхъ таяла очахъ;
На жениха съ тоской она глядѣла:
Ей въ душу вкрадывался страхъ.

Все было вокругъ какой-то полно тайной;
Безмолвно гасъ лазурный сводъ;
Какой-то сонъ лежалъ необычайной
Надъ тихою равниной водъ.

Вдругъ бездна ихъ унылый и глубокой
И тихій голосъ издала:
Гармонія вдали небесъ высокой
Отозвалась и умерла...

При звукѣ семь Доника поблѣднѣла;
И стала сумрачно-тиха;
И вдругъ... она трепещеть, охладѣла,
И пала въ руки жениха.

Снѣжепѣвъ, въ безумствѣ изступленья,
Отчаянный онъ поднялъ крикъ...
Въ Допикѣ нѣтъ ни чувства, ни движенья:
Сомкнуты очи, мертвый языкъ.

Онъ рвется... плачетъ... вдругъ пошевели-
Ея уста... потрясена [лишь
Дыханьемъ легкимъ грудь... глаза откры-
И встала медленно она. [лишь...

И мутными глядитъ кругомъ очами,
И къ другу на руку легла,
И слабая, невѣрными шагами
Обратно въ замокъ съ нимъ пошла.

И были съ той поры ея запиты,
Не свѣжей розы красотой,
Но блѣдностью могильною покрыты;
Уста пугали синевою.

Въ ея глазахъ, столь сладостно сіявшихъ,
Какой-то острый лучъ сверкалъ,
И съ блѣдностью ланитъ, глубоко впавшихъ,
Онъ что-то страшное сивалъ.

Ласкаться къ ней собака ужъ не смѣла;
Ея прикликать не могли;
На госпожу, дичась, она глядѣла
И была жалобно вдали.

Но пѣкная любовь не измѣнила:
Съ глубокой пѣжностью Эвваръ
Скорбѣлъ объ ней, и тайной скорби сила
Любви усиливала жаръ.

И милая, дѣля его страданья,
Къ его склонилася молебамъ:
Назначенъ день для бракосочетанья;
Женихъ повелъ невѣсту въ храмъ.

Но лишь туда вошли они, чтобъ вѣрный
Предъ алтаремъ обѣтъ изречь:
Иконы все померкли вдругъ, и сѣрный
Дымъ побѣжалъ отъ брачныхъ свѣчь.

И вотъ женихъ горячею рукою
Невѣсту за руку беретъ...
Но ужасъ овладѣлъ его душою:
Рука та холодна, какъ ледъ.

И вдругъ онъ вскрикнулъ... окруженъ лу-
чами,
Предъ нимъ безплотный духъ стоялъ
Съ ея лицомъ, улыбкою, очами...
И въ немъ Доннику онъ узналъ.

Сама жъ она съ нимъ не стояла рядомъ:
Онъ блѣдный трупъ одинъ узрѣлъ...
А мрачный бѣсъ, въ нее вселенный адомъ,
Ужасно взвылъ и улетѣлъ.

СУДЪ БОЖІЙ ПАДЪ ЕПИСКОПОМЪ.

БАЛЛАДА.

[изъ сауты].

Были и дѣто и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ;
Сдѣлаея голодъ; народъ умиралъ.

Но у епископа милостью неба
Полны амбары огромные хлѣба;
Жито сберечь прошлогоднее онъ:
Былъ остороженъ епископъ Гаттонъ.

Рвутся толпой и голодный и нищій
Въ двери епископа, требуя нищи;
Скупъ и жестокъ былъ епископъ Гаттонъ:
Общей бѣдою не тронулся онъ.

Слушать и вопли ему надобло;
Вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло:
Бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ,
Слышно, скликаеть епископъ Гаттонъ.

«Дожили мы до нежданнаго чуда:
«Вынуть епископъ добро изъ-подъ еиуда;
«Бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветь».
Такъ говорилъ изумленный народъ.

Къ сроку собралися званые гости,
Блѣдные, чахлые,—кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворенъ:
Въ немъ угостить ихъ епископъ Гаттонъ.

Вотъ ужъ стоялисъ подъ кровлей сарая
Все пришлецы изъ окружаго края...
Какъ же ихъ принялъ епископъ Гаттонъ?
Былъ вмѣ сарай и съ гостями сожженъ.

Глядя епископъ на пепель пожарный,
Думаетъ: будутъ мнѣ все благодарны;
Разомъ избавилъ я шуткой моею
Край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей.

Въ замокъ епископъ къ себѣ возвратился,
Ужинать съѣлъ, пировалъ, веселился,
Спалъ, какъ невинный, и снова не видалъ...
Правда! но болѣ съ тѣхъ норъ онъ не спалъ.

Утромъ онъ входитъ въ покой, гдѣ висѣли
Предковъ портреты, и видитъ, что съѣли
Мыши его живописный портретъ,
Такъ, что холстины и признака нѣтъ.

Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышетъ...
Вдругъ опъ чудесную вѣдомость слышитъ:
«Наша округа мышами полна.
Въ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна.»

Вотъ и другое въ ушахъ загремѣло:
«Богъ на тебя за вчерашнее дѣло!
Крѣпкій твой замокъ, епископъ Гаттонъ,
Мыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ.»

Ходъ былъ до Рейна отъ замка подземной;
Въ страхѣ епископъ дорогою темной
Къ берегу выйти изъ замка спѣшитъ:
«Въ Рейнской башнѣ спасусь!» говоритъ.

Башня изъ Рейнскихъ водъ подымалась;
Издали острымъ утесомъ казалась,
Грозно изъ пѣны торчавшимъ, она;
Стѣны кругомъ ограждала волна.

Въ легкую лодку епископъ садится;
Къ башнѣ причалилъ, дверь заперъ, и мчится
Вверхъ по гранитнымъ, крутымъ ступенямъ;
Въ страхѣ одинъ затворился опъ тамъ.

Стѣны изъ стали казались слиты,
Были рѣшетками окна забиты,
Ставши чугуиные, каменный сводъ,
Дверью желѣзною запертый входъ.

Узникъ не знаетъ, куда пріютиться;
На полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится...
Вдругъ онъ испуганъ стенамъ глухимъ:
Вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ.

Смотритъ опъ... кошка сидитъ и мяучитъ;
Голосъ тотъ грѣшника давитъ и мучитъ;
Мечется кошка; невесело ей:
Чуетъ она приближенье мышей.

Палъ на колѣни епископъ и крикомъ
Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ.
Воеетъ преступникъ... а мыши плывутъ...
Ближе и ближе... доплыли... ползутъ.

Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
Слышно, какъ лѣзутъ съ ронтаньемъ и ин-
скомъ;

Слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребуть;
Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.

Вдругъ ворвались неизбежные звѣри;
Сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты...
Что тутъ, епископъ, почувствовалъ ты?

Зубы объ камни они наострили,
Грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили,
Весь по суставамъ раздериуть былъ опъ...
Такъ былъ наказанъ епископъ Гаттонъ.

ЗАМОКЪ НА БЕРЕГУ МОРЯ.

[изъ уланда].

Ты видѣлъ ли замокъ на брегѣ моремъ?
Играютъ, сіяютъ надъ нимъ облака;
Лазурное море прекрасно кругомъ.

«Я замокъ тотъ видѣлъ на брегѣ мор-
Сіяла надъ нимъ одиноко луна; [скомъ;
Надъ моремъ клубился холодный туманъ.»

Шумѣли ль, плескали ль морскіе валы?
Съ ихъ шумомъ, съ ихъ плескомъ сли-
вался ли гласъ
Веселаго пѣнья, торжественныхъ струнъ?

«Былъ вѣтеръ спокоенъ; молчала волна;
Мнѣ слышалась въ замкѣ печальная пѣсенъ;
Я плакалъ отъ жалобныхъ звуковъ ея.»

Царя и царицу ты видѣлъ ли тамъ?
Ты видѣлъ ли съ ними ихъ милую дочь,
Младую, какъ утро весенняго дня?

«Царя и царицу я видѣлъ... Вдвоемъ
Безгласны, печальны сидѣли они;
Но милой ихъ дочери не было тамъ.»

А Л О Н З О.

в а л л а д а.

[изъ уланда].

Изъ далекой Палестины
Возвратясь, пѣвецъ Алонзо
Къ замку Бальби приближаясь,
Полонъ пѣней вдохновенныхъ:

Тамъ красавица младая,
Струны звонкія поделушавъ,

Обомлѣеть, затрепещеть
И съ альбана взоръ наклонить.

Онъ приходитъ въ замокъ Бальби,
И подь окнами поеть онъ
Все, что сердце молодое
Въ тайнѣ выдумать умѣло.

И цвѣты съ высокихъ околнъ,
Видить онъ, къ нему склонились;
Но царицы сладкихъ шбесенъ
Межъ цвѣтами онъ не видитъ.

И ему тогда прохожіи!
Прошепталъ съ лицомъ печальвымъ:
«Не тревожь покоя мертвыхъ;
Спать во гробъ Изолина.»

И на то шбвецъ Алонзо
Не отвѣтствовалъ ни слова:
Но глаза его потухли
И не бьется болѣ сердце.

Какъ внезапно дуповеньемъ
Вѣтерокъ лампаду гасеть —
Такъ угасъ въ одно мгновенье
Молодой шбвецъ отъ слова.

Но въ старинной церкви замка,
Гдѣ пылали ярко свѣчи,
Гдѣ во гробъ Изолина,
Подь душистыми цвѣтами,

Блѣдноликая лежала,
Веѣхъ проникъ внезапно трепеть:
Оживленная изъ гроба,
Изолина поднялася...

Отъ безчувствія могилы
Возвратясь внезапно въ жизни,
Въ гробовой она одеждѣ,
Какъ въ уборѣ брачномъ, встала,

И, не зная, что съ ней было,
Какъ объятая видѣньемъ,
Изумленная спросила:
Не пропѣлъ ли здѣсь Алонзо?...

Такъ, пропѣлъ онъ, твой Алонзо!
Но ему не нѣтъ ужъ болѣ:
Пробудивъ тебя изъ гроба,
Самъ заснулъ онъ, и навѣки.

Тамъ, въ странѣ преображенныхъ
Ищетъ онъ свою землю,

До него съ земли на небо
Улетѣвшую подругу...

Небеса кругомъ сияють,
Безмятежны и прекрасны...
И надеждой оболещенный,
Ихъ блаженства пролетая,

Кличеть тамъ онъ: Изолина!
И спокойно раздается:
Изолина! Изолина!
Тамъ въ блаженствахъ безответныхъ.

Л Е Н О Р А .

Б А Л Л А Д А .

[изъ бюргера].

Леноръ спялся страшный сонъ,
Проснулася въ испугъ.
«Гдѣ милый? Что съ нимъ? Живъ ли онъ?
«И вѣрещъ ли подругѣ?»

Пошелъ въ чужую онъ страну
За Фридрикомъ на войну;
Никто объ немъ не слышитъ;
А самъ онъ къ ней не пишетъ.

Съ императрицею король
За что-то раздружились;
И кровь лилася, лилася... доколь
Они не помирились.

И оба войска, колчивъ бой,
Съ музыкой, шбснями, палубой,
Съ торжественностью ратной
Пустились въ путь братной.

Идутъ! идутъ! за строемъ строй;
Пылятъ, гремятъ, сверкаютъ;
Родные, ближніе тозвой
Встрѣчать ихъ выбѣгаютъ;
Тамъ объялъ друга нѣжный другъ,
Тамъ сынъ отца, жену сунругъ;
Веѣмъ радость... а Леноръ
Отчаянное горе.

Она обходитъ ратный строй
И друга вызываетъ;
Но вѣсти нѣтъ ей никакой:
Никто объ немъ не знаетъ.
Когда же мимо рать прошла —
Она свѣтъ Божій прокляла,
И громко зарыдала,
И на землю унала.

Къ Ленорѣ мать бѣжитъ съ тоской:

«Что такъ тебя волнуетъ?

«Что сдѣлалось, дитя, съ тобой?»

И дочь свою пѣлуетъ.

— О, другъ мой, другъ мой! все прошло!

Мнѣ жизнь не жизнь, а скорбь и зло;

Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ...

О горе мнѣ! о горе!—

«Прости ее, небесный Царь!

«Родная, помолися;

«Опъ благъ, Его руки мы тварь:

«Предъ нимъ душой смирися.»

— О, другъ мой, другъ мой! все какъ

Немилостивъ со мною Онъ; [сонъ!..

Предъ Нимъ мой кривъ былъ тщетенъ...

Опъ глухъ и безотвѣтенъ.—

«Дитя, отъ жалобъ удержись;

«Смри души тревогу;

«Преиствыхъ Таинъ причастиеъ,

«Пожертвуй сердцемъ Богу.»

— О, другъ мой, что во мнѣ кипить,

Того и Богъ не усмирить:

Ни Тайнами, ни жертвой

Не оживится мертвой.—

«Но что, когда онъ самъ забыть

«Любви святое слово,

«И прежней клятвѣ измѣнилъ,

«И связанъ клятвой новой?

«И ты, и ты объ немъ забудь;

«Не рви тоской напрасной грудь;

«Не стоить слезъ предатель;

«Ему судья Создатель.»

— О, другъ мой, другъ мой! все прошло!

Пропавшее пропало!

Жизнь безотрадную на зло

Мнѣ Провидѣнье дало...

Угасни ты, противный свѣтъ!

Погибни, жизнь, гдѣ друга пѣтъ!

Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ...

О горе мнѣ! о горе!—

«Небесный Царь, да ей простить

«Твое долготерпѣнье!

«Она не знаетъ, что творить:

«Ея душа въ забвеньѣ.

«Дитя, земную скорбь забудь:

«Ведеть ко благу Божій путь;

«Смиренымъ рай награда...

«Страхнись мученій ада.»

— О, другъ мой, что небесный рай?

Что адское мученье?

Съ нимъ вмѣстѣ—все небесный рай!

Съ нимъ розно—все мученье!

Угасни ты, противный свѣтъ!

Погибни, жизнь, гдѣ друга пѣтъ!

Съ нимъ розно, умерла я

И здѣсь и тамъ для рая!—

Такъ дерзко, полная тоской,

Душа въ ней бунтовала...

Творца на судъ она съ собой

Безумно вызывала,

Терзалась, волосы рвала

До той поры, какъ ночь пришла,

И темный сводъ надъ нами

Усыпался звѣздами.

И вотъ... какъ будто легкой скокъ

Коня въ тиши раздался:

Несется по полю вѣдокъ;

Гремя, къ крыльцу примчался;

Гремя, взбѣжалъ онъ на крыльцо;

И дверибрякнуло кольцо...

Въ ней жилки задрожали...

Сквозь дверь ей прошептали!

«Скорѣй! сойди ко мнѣ, мой свѣтъ!

«Ты ждешь ли друга, спишь ли?

«Меня забыла ты, или пѣтъ?

«Смѣешься ли, грустишь ли?»

— Ахъ! милый... Богъ тебя принесъ!

А я... отъ горькихъ, горькихъ слезъ

И свѣтъ въ очахъ затмился...

Ты какъ здѣсь очутился?—

«Свѣлаемъ въ полночь мы коней...

«Я Ёду издалека.

«Не медли, другъ; сойди скорѣй:

«Путь дологъ, мало срока.»

— На что спѣшить, мой милый, намъ?

И вѣтеръ воеетъ по кустамъ,

И тьма ночная въ полѣ...

Побудь со мною на волѣ.—

«Что пужды намъ до тьмы ночной!

«Въ кустахъ пусть вѣтеръ воеетъ!

«Часы бѣгутъ; конь борзый мой

«Конятомъ земно роетъ;

«Нельзя намъ ждать; сойди, дружокъ;
 «Памъ долгій путь, намъ малый срокъ;
 «Не въ пору сонъ и пѣга:
 «Сто миль намъ до почлега.»

— Но какъ же конь твой пролетитъ
 Сто миль до утра, милой!

Ты слышишь, колоколь гудитъ:

Одиннадцать прѣбило!—

«Но мѣсяцъ всталъ, онъ свѣтитъ намъ...»

«Гладка дорога мертвецамъ!

«Мы скачемъ, не боимся:

«До свѣта мы домчимся.»

— Но гдѣ же, гдѣ твой уголокъ?

Гдѣ нашъ пріютъ укромный?—

«Далеко опъ... пять, шесть досокъ...»

«Прохладный, тихій, темный.»

— Есть мѣсто мнѣ?— «Обоимъ намъ.

«Поѣдемъ! все готово тамъ:

«Идутъ гости въ нашей кельѣ;

«Пора на повоселье!»

Она подумала, сошла,

И на коня вспрыгнула,

И друга нѣжно обняла,

И вся къ нему прильнула.

Помчалась... конь бѣжитъ-летитъ!

Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,

Съ дороги вихри вьются,

Отъ камней искры льются.

И мимо ихъ холмы, кусты,

Поля, лѣса летѣли;

Подъ конскимъ топотомъ мосты

Тряслися и гремѣли.

«Не странно ль?» — Мѣсяцъ свѣтитъ

«Гладка дорога мертвецамъ! [намъ!—

«Да что же такъ дрожишь ты?»

— Зачѣмъ о нихъ твердишь ты?—

«Но кто тамъ стоитъ? Что за звонъ?

«Что ворона взбудило?

«По мертвомъ звонъ; пагробный стоишь;

«Голосятъ надъ могилой.»

И виденъ ходъ: идутъ, ноютъ,

На дорогахъ тяжкій гробъ везутъ,

И голосъ погребальной,

Какъ вой совы печальной.

«Заройте гробъ въ полночный часъ:

«Слезамъ теперь не мѣсто;

«За мной! къ себѣ на свадьбу васъ

«Зову съ моею невѣстой.

«За мной, пѣвцы! за мной, пасторъ!

«Пропой намъ многолѣтье, хоръ;

«Намъ дай на обрученье,

«Пасторъ, благословенье.»

И звонъ утихъ... и гробъ пропалъ...

Стояли хоръ проворно,

И по дорогѣ побѣжалъ

За ними тѣню черной.

И далѣ, далѣ!... конь летитъ,

Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,

Съ дороги вихри вьются,

Отъ камней искры льются.

И сзади, спереди, съ боковъ

Окрестность вся летѣла:

Поля, холмы, ряды кустовъ,

Заборы, дома, села.

«Не страшно ль?» — Мѣсяцъ свѣтитъ

«Гладка дорога мертвецамъ! [намъ.—

«Да что же такъ дрожишь ты?»

— О мертвыхъ все твердишь ты!—

Вотъ у дороги, надъ столбомъ,

Гдѣ висѣльникъ чернѣетъ,

Воздушныхъ рой, свѣясь кольцомъ,

Кружится, пляшетъ, вѣстъ.

«Ко мнѣ! за мной, вы плясуны!

«Вы все на пиръ приглашены!

«Скачу, лечу жениться...

«Ко мнѣ! повеселитесь!»

И летомъ, летомъ легкій рой

Пустился влѣдъ за ними,

Шумя, какъ вѣтеръ полевой

Межъ листьями сухими.

И далѣ, далѣ!... конь летитъ,

Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,

Съ дороги вихри вьются,

Отъ камней искры льются.

Вдали, вблизи, со всѣхъ сторонъ,

Все мимо ихъ бѣжало;

И все, какъ тѣнь, и все, какъ сонъ,

Мгновенно пропадало.

«Не страшно ль?» — Мѣсяцъ свѣтитъ

«Гладка дорога мертвецамъ! [намъ.—

«Да что же такъ дрожишь ты?»

— Зачѣмъ о нихъ твердишь ты?—

«Мой конь, мой конь, несомъ бѣжить;
 «Я чую, ночь свѣжѣ;
 «Мой конь, мой конь, иѣтухъ кричить;
 «Мой конь, песней быстра!..
 «Оконченъ путь; исполненъ срокъ;
 «Нашъ близко, близко уголокъ;
 «Въ минуту мы у мѣста...
 «Пріѣхали, невѣста!»

Къ воротамъ конь во весь опоръ
 Примчавшись, сталъ и топнулъ;
 Бѣдокъ бичомъ стегнулъ затворъ—
 Затворъ со стукомъ лопнулъ;
 Они кладбище видятъ тамъ...
 Конь быстро мчится по гробамъ;
 Лучи луны сіяютъ,
 Кругомъ кресты мелькаютъ.

И что жъ, Ленора, что потомъ?
 О страхъ!... въ одно мгновенье
 Кусокъ одежды за кускомъ
 Слетѣлъ съ него, какъ тѣнь;
 И нѣтъ ужъ кожи на костяхъ;
 Безглазый черепъ на плечахъ;
 Нѣтъ каски, нѣтъ колета...
 Она въ рукахъ скелета!

Конь прынулъ... пламя изъ позреи
 Волною побѣжало;
 И вдругъ... все пылью передъ ней
 Расшиблосъ и пропало.
 И вой п стоишь на вышинѣ!
 И крикъ въ подземной глубинѣ!
 Лежитъ Ленора въ страхѣ
 Полмертвая на прахѣ.

И въ блескѣ мѣсячныхъ лучей,
 Рука съ рукой летаетъ,
 Виситъ надъ ней, толпа тѣпей
 И такъ ей пріивѣстъ:
 «Терни, терни, хоть нощь грудь!
 «Творцу въ бѣдахъ покорна будь!
 «Твой трупъ сойди въ могилу!
 «А душу Богъ помилуй!»

П О К А Я Н І Е.

БАЛЛАДА.

Быль папа готовъ литургію свершать,
 Сія въ святомъ облаченьи,
 Съ могуществомъ, даннымъ ему, отпущать
 Всѣмъ грѣшникамъ ихъ прегрѣшени.

И папа обрядъ очищенья свершалъ;
 Во прахѣ народъ простирался;
 И кто съ покаяніемъ прахъ лобызалъ,
 Отъ всѣхъ тотъ грѣховъ очищался.

Органа торжественный громъ восходилъ
 Горѣ во святомъ вѣнцѣ,
 И страхъ соприсутствія Божія былъ
 Разлитъ благодатно во храмъ.

Святѣйшее слово онъ хотеть сказать—
 Устамъ не покорствуютъ звуки;
 Сосудъ живописный онъ хотеть поднять—
 Дрожанція падаютъ руки.

«Есть грѣшникъ великій во храмѣ святомъ!
 «И бремя на немъ святотатства!
 «Иѣтъ части ему въ разрѣшеніи моемъ;
 «Онъ здѣсь не отъ нашего братства.

«Нѣтъ слова, чтобъ миръ подворило оно
 «Въ душѣ, погубленной отъныиъ;
 «И онъ обрѣтеть осужденье одно
 «Въ чистѣйшей небесной святыиѣ.

«Въгнѣвъ, осужденный; отвергнись отъ насъ;
 «Не жди моего заклинанія;
 «Бѣги: да свергну невозвратно въ сей часъ
 «Великій обрядъ покаянья.»

Съ толпой на колѣняхъ стоялъ пилигримъ,
 Въ простую одѣтъ власяницу;
 Впервые узрѣлъ онъ сіяющій Римъ,
 Великую вѣры столицу.

Молчанье храня, онъ пришелъ изъ своей
 Далекой отчизны, какъ нищій;
 И цѣлые сорокъ онъ дней и ночей
 Почти не касался до нищи.

И въ храмѣ, въ святой покаянія часъ,
 Усерднѣй нието не молился...
 Но грянулъ надъ нимъ закликательный
 гласъ—
 Онъ блѣденъ поднялся и скрылся.

Снѣшить запрещенный покинуть онъ Римъ.
 Преслѣдуемъ словомъ ужаснымъ,
 Къ Шотландскимъ идетъ онъ горамъ голу-
 Къ озерамъ отечества яснымъ. [бѣмъ,

Когда жъ возвратился въ отечество онъ,
 Въ старинную дѣдовъ обитель;
 Вассалы къ нему собрались на поклонъ,
 И ждали, что скажетъ властитель.

Но прежній властитель, дотоѣ вождемъ
Ихъ бывшій ко славѣ побѣдной,
Ихъ принялъ съ унылымъ, суровымъ ли-
Съ потухшими взорами, блѣдной! [цмь,
Сложилъ онъ съ вассаловъ подданства обѣтъ,
И съ ними безмолвно простился:
Покинулъ онъ замокъ, покинулъ онъ свѣтъ,
И въ келью отшельникомъ скрылся.
Себя онъ обрекъ на молчанье и трудъ;
Безъ сна проводилъ онъ всѣ ночи;
Какъ блѣдный убійца, вѣдомый на судъ,
Бродилъ онъ, потупивши очи.
Не зналъ онъ покровъ ни въ холодъ, ни
въ дождь:
Въ раздранной ходилъ власнищъ;
И въ кельѣ, бывалый властитель и вождь,
Гибѣдился, какъ мертвый въ гробнищѣ.
Въ святой монастырь Богоматери далъ
Онъ часть своего достоянья:
Чтобъ тамъ о *помощилъ* соборъ совершалъ
Вседневно обрядъ поминанья.
Когда жъ поминанье соборъ совершалъ,
Моляся въ усердіи теплою:
Онъ въ храмъ не входилъ; передъ дверью
лежалъ
Онъ въ прахѣ, осыпанный пепломъ.
Окестъ сторона та прекрасна была:
Рѣка, наравнѣ съ берегами,
По зелени яркой лазурно текла
И зелень поила струями;
Живыя дороги вилась по полямъ;
Межъ нивами села блстала;
Пестрѣли стада; отвѣчая рогами,
Долины и холмы звучали;
Святой монастырь на пригоркѣ стоялъ
За темною клевою оградой:
Межъ ними—въ то время, какъ вечеръ
Багряной горѣлъ онъ громадой. [сіалъ—
Но грѣшнымъ очамъ непримѣтна краса
Веселой окрестной природы;
Безъ блеска для мертвой души небеса,
Безъ голоса роици и воды.
Есть мѣсто... туда, какъ могильная тѣнь,
Одною дорогою онъ ходитъ;

Тамъ часто задумчивъ сидѣтъ онъ весь день,
Тамъ часто и ночи проводитъ.
Въ лѣсномъ захолаустьѣ, гдѣ сонный ворчитъ
Источникъ, влачась лѣниво,
На дикой полянѣ часовня стоитъ
Въ обломкахъ, заглушенныхъ кравивой;
И черны обломки: пожаръ тамъ прошелъ;
Золую, стопившейся въ камень,
И падшую кровлей задавленный полъ,
Рѣшетки, стериѣвшія пламень.
И полосы дыма на голыхъ стѣнахъ,
И древній алтарь безъ святыни,
Все сердцу твердить, пробуждая въ немъ
О тайнѣ сей мрачной пустыни. [страхъ,
Ужасное дѣло свершилося тамъ:
Въ часовнѣ пустынного мѣста,
Въ часъ ночи, обѣтъ принося небесамъ,
Стояли женихъ и невѣста.
Къ красавицѣ бурною страстью пылалъ
Округи могучій властитель;
Но правился болѣ ей скромный вассалъ,
Чѣмъ гордый его повелитель.
Соперника ревность была пмъ страшна:
И втайнѣ ихъ бракъ совершился.
Ужъ клятва любви небесамъ предана,
И пастырь надъ ними молился...
Вдругъ топотъ п клики и пламя кругомъ!
Ихъ тайна открыга; въ кипѣннѣ
Обиды, любви, обезумѣнъ виномъ,
Дерзнулъ онъ на страшное мщенье:
Захлопнуты двери; часовня горитъ;
Стенамъ смѣется губитель;
Все нышетъ, валится, трещитъ и гремитъ,
И въ пеплѣ святыни обитель.—
Былъ вечеръ прекрасенъ и тихъ и душиеть;
На горныхъ вершиннахъ сіяло;
Сводъ неба глубокой былъ темель и чистъ;
Торжественно все утихало.
Въ обители иноковъ слышался звонъ:
Тамъ было вечернее бдѣнье;
И иноки шѣли хвалебный канопъ,
И было ихъ сладостно пѣнье.
Попрежнему грустенъ, попережнему дикъ,
(Ужъ годы прошли въ покашнѣ)

На мѣсто, гдѣ сердце онъ мучить привыкъ,
Онъ шелъ, погруженный въ молчанье.

Но вечеръ невольно бесѣдоваль съ нимъ
Своей миротворной красотою,

И тихой земли усыпленнымъ святымъ,
И звѣздныхъ небесъ тишиною.

И воздухъ его обнималъ теплотою,
И пилъ аромать онъ цѣлебный,
И вѣдухъ долеталъ издалека порою
Отшельниковъ голосъ хвалебный.

И съ чувствомъ, давно позабытымъ, поднялъ
На небо онъ взоръ свой угрюмой,
И долго смотрѣлъ и недвижимъ стоялъ,
Окованный таиною думой...

Но вдругъ содрогнулся—какъ будто о чемъ
Ужасномъ онъ вспомнилъ—глубоко
Вздохнулъ, сталъ блѣднѣй, и обычнымъ пу-
Пошелъ, какъ мертвецъ, одиноко. [темъ

Главу опусти, безнадежно унылъ,
Отчаянно стиснувши руки,
Приходить туда онъ, куда приходилъ
Ужъ годы вседневно для муки.

И видить... у входа часовни сидитъ
Чернецъ въ размышленьи глубокомъ:
Онъ чуденъ лицомъ; на него онъ глядитъ
Пронзающимъ внутренность окомъ.

И тихо сказалъ наконецъ онъ: Христосъ
Тебя сохрани и помилуй!
И грѣшнику душу привѣтъ сей отрѣсѣ,
Какъ лучъ воскресенья могилу.

— Отвѣтствуй мнѣ, кто ты? (чернецъ во-
Свою мнѣ повѣдай судьбину; [просиль)
По виду ты странникъ; быть-можетъ, хо-
Свершая объѣтъ, въ Палестину? [диль,

Или ко гробамъ чудотворцевъ святыхъ
Свое приносилъ поклоненье?
Съ собою мощей не принесъ ли какихъ,
Дарующихъ грѣшнымъ спасенье?

«Мощей не принесъ я; къ гробамъ не хо-
«Спасаютъ насъ благодатью; [диль,
«Не зрѣлъ Палестины... но въ Римѣ я былъ,
«И предаю навѣки проклятью.»

— Проклятiя вѣчнаго нѣтъ для живыхъ:
Есть вѣрный за падшихъ Заступникъ.

Приди, исповѣдайся въ тайныхъ своихъ
Грѣхахъ предо мною, преступникъ.—

«Что сдѣлать невластенъ святѣйшій отецъ,
«Владыка и Божiй намѣстникъ,
«Тебѣ ли то сдѣлать? И кто ты, чернецъ?
«Кѣмъ посланъ ты, милости вѣстникъ?»

— Я здѣсь издалека: былъ въ той сторонѣ,
Гдѣ вѣдома участь земного.
Здѣсь память загладить позволено мнѣ
Ужаснаго дѣла почного.—

При словѣ семь грѣшникъ на землю упалъ...
Всѣ члены его трепетали...
Онъ исповѣдъ началъ... но что онъ сказалъ,
Того на землѣ не узнали.

Лишь мѣсяцъ ихъ тайнымъ свидѣтелемъ
Смотря съвозъ древесныя сѣны; [былъ,
И, мнилось, въ то время, когда онъ свѣтилъ,
Двѣ легкія вѣяли тѣни.

Двумя облачками казались онѣ;
Все выше, все выше взлетали;
И все неразлучны; и вдругъ въ вышнѣхъ
Съ лазурью слились и пропали.

И онъ на землѣ не встрѣчался съ тѣхъ поръ.
Одно сохранилось въ преданіи:
Съ обычнымъ обрядомъ священный соборъ
Во храмѣ свершалъ номинаше.

И пѣнемъ торжественнымъ полночь былъ
И тихо дымилась кадиль, [храмъ,
И вмѣстѣ съ земными невидимо тамъ
Служили небесныя Силы.

И въ храмъ онъ вошелъ, къ алтарю присту-
Пречистыхъ Даровъ причастился, [пилъ,
На небо сіяющій взоръ устремилъ,
Сжалъ набожно руки... и скрылся.

ИСПОВѢДЪ БАТИСТОВАГО ПЛАТКА.

Я родился простымъ зерномъ;
Былъ живо зарытъ въ могилу;
Но Богъ весны своимъ лучомъ
Мнѣ возвратилъ и жизнь и силу.

И долговязой коноплей
Покинулъ я земное нѣдро;
И былъ испытанъ я судою,—
Ненастье зная, зная ведро.

Зной пекъ меня, билъ тяжкій градъ,
И вѣтеръ гнулъ въ свирѣной злобѣ—
Такъ, что я жизни былъ не радъ
И горевалъ о презнемъ гробѣ.

Но было и раздолье мнѣ!
Какъ веселился я, бывало,
Когда въ часъ ночи, при дупѣ,
Вокругъ меня все засыпало!

Когда прохладный вѣтерокъ
Меня качалъ, ко мнѣ ласкался,
Когда веселый мотылекъ,
Блестя, на колосъ мой спускался

Но время юности прошло;
Созрѣлъ я—и пошла тревога!
Однако жъ, на землѣ и зло—
Не зло, а только милость Бога.

Пока я цвѣлъ и созрѣвалъ
Съ моими сверетниками въ полѣ—
Я ни о чемъ не помышлялъ,
И думалъ вѣкъ прожить на волѣ.

Но роковой ударилъ часъ!
Вдругъ на поле пришли крестьянки
И вырвали съ корнями насъ
И крѣпко стиснули въ вязанки.

Сперва насъ заперли въ овинъ,
И тамъ безжалостно сушилицъ,
Потомъ, оставя стволъ одинъ,
Насъ безголовыхъ потопили—

И мяли, мяли насъ потомъ...
Но описать всѣ наши муки
Нельзя ни словомъ, ни перомъ!..
Вотъ мы ткачу достались въ руки—

И обратилъ его челнокъ
Насъ вдругъ, для превращеній новыхъ,
Въ простой батистовый кусокъ
Изъ питокъ тонкихъ и суровыхъ.

Тогда нежалостливый рокъ
Мнѣ благосклоннымъ оказался:
Я, какъ батистовый платокъ,
Княжнѣ Урусовой достался.

По маслу жизнь моя пошла!
[Съ батистомъ масло хоть не ладно,
Но масла муза мнѣ дада,
Чтобъ могъ я выразиться складно]—

О, какъ я счастливъ, счастливъ былъ!
Готовъ въ томъ подписаться кровью:
Княжнѣ Софїи я служилъ
Съ надеждой, вѣрой и любовью.

Но какъ судьба намъ невѣрна!
За радость зло дастъ сторицей!
Вотъ что случилось: княжна
Каталась разъ съ императрицей—

И захотѣла, торопясь,
Остановить она карету...
И я попалъ, несчастный, въ грязь,
А изъ грязи—въ карманъ къ поэту.

И что же? Совѣтныи поэтъ
Меня—мною завладѣть не смѣя—
Вдругъ въ лотерею отдастъ!..
Спаси жъ меня, о лотерея!

Спѣши княжнѣ меня отдать,
И, кончивъ тѣмъ мое мученье,
Дай свѣту цѣлому познать,
Что цѣль твоя: *благодѣянье!*

КОРОЛЕВА УРАКА И ПЯТЬ МУЧЕНИКОВЪ.

БАЛЛАДА.

[изъ сауги].

Пять чернецовъ въ далекий путь идутъ;
Но имъ назадъ уже не возвратиться;
Въ отечествѣ имъ болѣ не молиться:
Они конецъ межъ нехристей найдутъ.

И съ набожной Уракой королевой,
Собравшись въ путь, прощаются они:
Ты насъ въ своихъ молитвахъ помани,
А надъ тобой Христосъ съ Пречистой Дѣвой!

Послушай, три пророчества тебѣ
Мы, отходя, на память оставляемъ;
То судъ небесный, онъ неизмѣняемъ;
Смпрись, своей покорствуя судьбѣ.

Въ Мароккѣ мы за вѣру нашей кровью
Омоемъ землю; тамъ въ послѣдній часъ
Прославимъ мы Того, кто самъ за насъ
Мученіе пріялъ съ такой любовью.

Въ Коимбру наши грѣшныя тѣла
Перенесутъ: на то святая воля,
Дабы смиренныхъ мучениковъ доя
Для христіанъ спасеніемъ была.

И тотъ, кто первый наши гробы встрѣтитъ

Изъ вась двоихъ, король иль ты, умереть
Въ ту почь: на утро новый день взойдетъ,
Его жь очей опъ болѣ не освѣтитъ.

Прости же, королева, Богъ съ тобой!
Вседневно за тебя молиться станемъ,
Пока мы живы; и тебя помянемъ
Въ ту ночь, когда конецъ настанеть твой.

Пять чернецовъ, одинъ постѣ друга
Влагословивъ ее, въ свой путь пошли,
И въ Африку смиренно поехали
Небесный даръ ученія Христова.

«Король Альфонзо, знаетъ ли что свѣтъ
«О чернецахъ? Какая ихъ судьбина?
«Пріялъ ли умъ царя Мирамолина
«Ученье ихъ? Или уже ихъ нѣтъ?»

— Свершилося великое ихъ дѣло:
Въ небесную они вступили дверь;
Предъ Господомъ стоятъ они теперь
Въ вѣнцѣ, въ одеждѣ мучениковъ бѣлой.

А ихъ тѣла, подъ зносомъ, подъ дождемъ,
Лежатъ въ пыли, истерзанны мученьемъ;
И вѣрные почтять ихъ погребеньемъ
Не смѣютъ, тренеца передъ царемъ.—

«Король Альфонзо, изъ земли далекой
«Какая намъ о мученикахъ вѣсть?
«Оказана ль имъ погребенья честь?
«Смягчился ли Мирамолинъ жестокой?»

— Свирипыи мавръ хотѣлъ, чтобъ ихъ тѣла
Безъ погребенья честнаго истрѣли,
Чтобъ расклевалъ ихъ вранъ иль псы ихъ
съѣли,
Чтобъ ихъ костей земля не приняла.

Но Божій тамъ молніи пылалъ;
Но Божій громъ всечасно падалъ тамъ;
Еъ почюющимъ въ истрѣвни тѣламъ
Ни несть, ни вранъ коснуться не дерзали.

Мирамолинъ, симъ чудомъ пораженъ,
Подумалъ: намъ такіе страшны гости!
И Недро, братъ мой, взялъ святыя кости;
Ужъ на пути къ Коимбрѣ съ ними онъ.—

Всѣ алтари коимбрскіе цвѣтами
И тканями богатыми блестятъ;
Всѣ улицы коимбрскія кишатъ
Шумящими, веселыми толпами.

Звонятъ въ колокола, кадятъ, поютъ;
Священники и рыцари въ собраньѣ;
Готово все начать торжествованье,
Лишь короля и королеву ждутъ.

— Пойдемъ, жена моя Урака, время!
Насъ ждутъ; собралися весь духовный чинъ.—
«Поди, король Альфонзо, ты одинъ,
«Я чувствую болѣзни тяжкой бремя».

— Но мощи мучениковъ исцѣляютъ
Твою болѣзнь въ единое мгновенье:
За прежнее твое благоволенье
Они теперь тебя вознаграждать.

Пойдемъ же имъ во срѣтеніе съ ходомъ;
Не замедлай процессіи святой;
То будетъ грѣхъ и стыдъ для насъ съ тобой,
Когда мощей не встрѣтимъ мы съ пародомъ.—

На бѣлаго коня тогда она
Садится; съ ней король; они за ходомъ
Тихонько ѣдутъ; все кипитъ пародомъ;
Дорога вся—какъ цѣпь людей одна.

«Король Альфонзо, назади со мною
«Не оставайся ты; сиѣйши впередъ,
«Чтобъ первому, предупредя народъ,
«Почтять святыихъ угодишковъ мольбою.

«Меня всѣхъ силъ лишаетъ мой недугъ,
«И нужень мигъ хоть мигъ отдохновенья!
«Послѣдую тебѣ безъ замедленья...
«Сиѣйши жь впередъ со свитою, мой другъ.»

Немедленно король коню далъ шпоры
И поскакалъ со свитою впередъ;
Ужъ назади остался весь пародъ,
Ужъ вдалекѣ ихъ потеряли взоры.

Вдругъ дикій венръ имъ путь перебѣжалъ.
Лови! лови! (къ своимъ петерифливый
Кричитъ король) и конь его ретивый
Черезъ поля за венрремъ поскакалъ.

И венря онъ гоняетъ. Той порою
Медлительно во срѣтенье мощей
Идетъ Урака съ свитою своей,
И весь пародъ валятъ за ней толпою.

И вдалекѣ представился имъ ходъ:
Идутъ, поютъ, несутъ святыя раки;
Уже онъ предъ взорами Ураки,
И съ нею въ прахъ простерся весь пародъ.

Но гдѣ жь король?... Увы! Урака плачетъ:
Исполниться пророчеству надъ ней!
И вотъ, глядять... со свитою своею,
Оконча ловъ, король Альфонзо скачетъ.

«Угодники святыя, за меня
«Ветунитесь! (она гласитъ, рыдая)
«Мнѣ помощи, о Дѣва Пресвятая,
«Въ послѣдній часъ рѣшительнаго дня.»

И въ этотъ день въ Коимбрѣ все ликуеть;
Народъ поетъ; всѣ улицы шумять;
Не радостенъ лишь королевскій взглядъ;
На празднигѣ одна она тоскуеть.

Проходитъ день, и празднигъ замолчалъ;
На западѣ давно ужъ потемнѣло;
На улицахъ Коимбры опустѣло;
И тихо часъ полночный наступалъ.

И въ этотъ часъ во храмѣ томъ, гдѣ раки
Угодниковъ стояли, былъ монахъ;
Святымъ мощамъ молился онъ въ слезахъ;
То былъ смиренный духовникъ Ураки.

Онъ молится... вдругъ часъ полночный бьетъ;
И пораженъ чудеснымъ онъ видѣньемъ;
Онъ видитъ: въ храмѣ съ молитвой, съ
тихимъ пѣньемъ
Толпа гостей танцевенныхъ идетъ.

Въ суровыя одѣты власяницы,
Вербкою обвязаны простой;
Но блескъ отъ нихъ исходитъ неземной,
И свѣтятся преображенны лица.

И въ сонмѣ томъ блистательнѣй другихъ
Являлися пять шюковъ, какъ братья;
Казалось, кровь ихъ покрывала платья,
И вѣтви пальмъ въ рукахъ сіяли ихъ.

И тотъ, кто вель пришельцевъ незнако-
мыхъ,
Казалось, былъ еще земли жилецъ;
Но и надъ нимъ горѣлъ лучей вѣнецъ,
Какъ надъ святой главою имъ ведомыхъ.

Предъ алтаремъ они, устроясь въ рядъ,
Запѣли гимнъ торжественно-печальный:
Казалось, свершали погребальный
За упокой души оиъ обрядъ.

Скажите, кто вы? (чудомъ изумленной,
Спросилъ святыхъ пришельцевъ духов-
никъ)

О комъ поетъ вашъ погребальный ликъ?
О чьей душѣ вы молитесь блаженной?

«Угодниковъ святыхъ ты слышишь гласъ;
«Мы братья ихъ, пять чернецовъ смирен-
ныхъ:

«Сопричтены за муки въ ликъ блаженныхъ;
«Отецъ Францискъ живой предводитъ насъ.

«Неполнили мы королевѣ данный
«Обѣтъ: се теперь возьметъ земля;
«Поди отсель, увѣдомъ короля
«О томъ, чему ты зритель былъ избраный.

И скрылось все... Оставивъ храмъ, чернецъ
Спѣшитъ къ Альфонзу съ вѣстію печаль-
ной...

Вдругъ тяжко звонъ раздался погребальной:
Онъ королевичъ возвѣстилъ конецъ.

ДВѢ БЫЛИ И ЕЩЕ ОДНА.

День былъ ясенъ и тепелъ; къ закату
сходящее солнце
Ярко сіяло на чистомъ лазоревомъ небѣ.

Спокойно
Дѣдушка, солнцемъ согрѣтый, сидѣлъ у
воротъ на скамейкѣ;

Глядя на ласточекъ, быстро кружившихъ
въ воздушномъ пространствѣ,
Велѣдъ за ними пускалъ онъ дымокъ изъ
маленькой трубки;

Легкими кольцами дымъ подымался и, съ
воздухомъ слившись,

Въ немъ пропадалъ. Маргарита, Луиза и
Лотта за иряжей

Чинно сидѣли кругомъ; самопрялки жуж-
жали, и тонкой

Струйкой нити вилися; Фрицъ работалъ,
а Бини,

Въчпый лѣннвецъ, игралъ на травѣ съ
курчавою шафкой.

Всѣ молчали: какъ будто ангелъ тихій
провѣялъ.

«Дѣдушка, Лотта сказала, что ты примолкъ?
Разекажи намъ

Сказку; вечеръ ясный такой; намъ весело
будеть

Слушать». — Сказку? — старикъ провор-
чалъ, высыная изъ трубки

Ненель:—все бы вамъ сказки! не лучше ль послушать вамъ были?
 Быль расскажу вамъ, и былъ не одну, а двѣ. — Опроставши Трубку и снова набивъ ее табакомъ, изъ мошенки Дѣдушка вынулъ огниво и, трутъ на кремьнъ положивши, Крѣпко ударилъ сталью въ кремьнъ; посыпались искры, Трутъ загорѣлся, и трубка опять задымилась. Собравшись съ мыслями, дѣдушка такъ рассказываетъ съ важностью началъ:
 — Дѣти, смотрите, какъ все передъ нами прекрасно, какъ солнце, Медленно съ неба спускаясь, все осыпаетъ лучами.
 Рейпъ золотомъ льется; жатва—какъ тихое море;
 Холмы зеленые въ свѣтѣ вечернемъ горять; по дорогамъ Шумъ и движенье; поднявъ паруса, нагруженные барки Быстро бѣгутъ по водамъ; а наша приходская церковь.....
 Окна ея, какъ огни, межъ темными лианами блестятъ;
 Вкругъ мелькають кресты на кладбищѣ, и въ воздухѣ тепломъ Птицы вьются, мошны блестящею пылью мелькають;
 Весь онъ полонъ говоромъ, пѣньемъ, жужжаньемъ..... прекрасенъ Міръ Господень! сердцу такъ радостно, сладко и вольно!
 Скажешь: гдѣ бы въ этомъ прекрасномъ мірѣ Господнемъ Быть несчастью? Ахъ нѣтъ! и не только несчастье — злодѣйство Мѣсто находить въ немъ. Видите ль тамъ, на высокомъ пригоркѣ, Замокъ въ обломкахъ? Теперь по стѣнамъ расцвѣтаетъ зеленый Плющъ, и солнце его золотить, и звонкую пѣсню безвечно, Сидя въ травѣ, на рожкѣ тамъ играетъ пастухъ. А на Рейпѣ

Видите ль вы небольшой островокъ? Молодая изъ кленовъ Роща на немъ расцвѣла; подъ тѣнью ея разостлавши Сѣти, рыбакъ готовить свой ужинъ, и дымъ голубою Струйкой вьется по зелени темной. Взглянуть, такъ прекрасный Рай. Ну слушайте жъ: очень недавно, тамъ на пригоркѣ, Близко развалинъ замка, стояла гостиница, чистый, Свѣтлый, просторный домъ, подъ вывѣскою *чернаго ветра*. Въ этой гостиницѣ каждый прохожій въ то время могъ видѣть Бѣдную Эми. Подлинно, бѣдная! дико потупивъ Голову, въ землю глаза неподвижно уставивъ, по цѣлымъ Днямъ сидѣла она передъ дверью трактира на камнѣ. Плакать она не могла, но тяжело, тяжело вздыхала; Жалобъ никто отъ нея не слышалъ, но, Боже мой! всякій, Разъ поглядѣвши ей, бѣдной, въ лицо, узнавалъ, что на свѣтѣ Все для нея миновалось: мертвою блѣдностью щеки Были покрыты, глаза изъ глубокихъ впадинъ сверкали Острымъ огнемъ; одежда была въ безпорядкѣ; какъ змѣи, Черные кудри по голымъ плечамъ раскиданы были. Вѣчно молчала она и была тиха, какъ младенецъ; По порою, если случалось, что вѣтеръ просвищетъ, Вдругъ содрогалась, на что-то глаза упирала, и пальцемъ Быстро туда указавъ, смѣялась смѣхомъ безумнымъ. Бѣдная Эми! Такою ль видали ее? Беззаботно Жизнью, бывало, она веселилась, какъ вольная птица.

Помню и я, и старые гости *чернаго вепря*,
 Какъ насъ радушной улыбкой и ласко-
 вымъ словомъ встрѣчала
 Эми, какъ весело шло угощенье. И всѣ
 ей друзьями
 Были въ нашей округѣ. Кто веселость и
 живость
 Всюду съ собою приносилъ? Кого, какъ
 любимаго гостя,
 Съ криками вся молодежь встрѣчала на
 праздникахъ? Эми.
 Кто всегда такъ опрятно и чинно одѣтъ
 былъ? Кого наши священникъ
 Дѣвушкамъ всѣмъ въ образецъ постав-
 лялъ? Кто, шумя, какъ ребенокъ
 Рѣзвый, на игрищахъ, былъ такъ на-
 божно тихъ за молитвой?
 Словомъ: кто бѣднымъ былъ другъ, за
 больными ходилъ, съ огорченнымъ
 Плакалъ, съ дѣтми игралъ, какъ дитя?
 Все Эми, все Эми.
 Господи Боже! она ли не стояла счастья?
 А вышло
 Все напротивъ. Она полюбила Бранда.
 Признаться,
 Этотъ Брандъ былъ молодъ, уменъ и кра-
 сивъ; по худые
 Слухи носились объ немъ: онъ съ людьми
 недобрыми знался;
 Въ церковь онъ не ходилъ; а въ шин-
 кахъ, за картами, кто былъ
 Первый? Брандъ. Колдовствомъ ли какимъ
 онъ понравился Эми,
 Самъ ли Господь ей хотѣлъ послать на
 землѣ испытанье,
 Съ тѣмъ, чтобъ душа ея, здѣсь въ стра-
 дахъяхъ очистившись, прямо
 Въ рай перешла,—не знаю, но Эми была
 ужъ невѣстой
 Бранда, и всѣ жалѣли объ ней. Ну, по-
 слушайте жъ: вечеръ
 Былъ осенній и бурный; въ гостиницѣ
чернаго вепря
 Два сидѣли гостя; яркое пламя трещало
 въ каминѣ.
 «Что за погода!—сказалъ одинъ.—Не раз-
 долье ль въ такую
 «Вую сидѣть у огня и слушать, какъ
 вѣтеръ холодный

«Рвется въ оконницы?»—Правда, другой
 отвѣчалъ: ни за что бы
 Я теперь отсюда не вышелъ; ужасъ, не буря.
 Мѣсяцъ на небѣ есть, а ночь такъ темна,
 что хоть оба
 Выколи глаза; плохо тому, кто въ до-
 рогахъ!—«Желалъ бы
 «Знать я, найдется ль такой уладецъ,
 чтобъ теперь въ тотъ старинный
 «Замокъ сходить? Онъ близко, шаговъ съ
 три сотни, не болѣ;»
 «Но, признаться, днемъ я не трусь, а
 ночью въ такое
 «Время пойти туда, гдѣ, быть-можетъ,
 въ потемкахъ
 «Гость изъ могилы встрѣтитъ тебя—
 извините; съ живыми
 «Сладить можно, а съ мертвымъ и смѣ-
 лость не въ пользу; храбрися,
 «Сколько угодно душѣ, а что ты съѣ-
 лаешь, если
 «Вдругъ предъ тобою длинный, блѣдный,
 сухой, съ костяными
 «Пальцами станеть, и два ужасные глаза
 упрется
 «Дико въ тебя, и ты ни съ мѣста, какъ
 камень? А въ этомъ
 «Замкѣ, всѣ знаютъ, нечисто; п въ тихую
 ночь тамъ не тихо;
 «Что же въ бурю, когда и мертвецъ по-
 вернется въ могилѣ?»
 — Страшно, правда! а я объ закладъ по-
 бьюся, что наша
 Эми не струситъ и въ замокъ одна оди-
 нешенька сходитъ. —
 «Бейся, пробьешь.»—Изволь, по рукамъ!
 ты слышала, Эми?
 Хочешь ли новую иланку выиграть къ
 свадьбѣ? Сходи же
 Въ замокъ, и вѣтку намъ съ клена, ко-
 торый между обломковъ
 Тамъ растеть, принеси; я знаю, что ты
 не боишься
 Мертвыхъ и бреднямъ не вѣришь. Со-
 гласна ли, Эми?—«Согласна,
 Эми сказала съ усмѣлкой.—Бояться тутъ
 нечего, развѣ
 Бури; а противъ почтовыхъ привидѣній
 защитой молитва.»

Съ этимъ словомъ Эми пошла. Развалины
 были
 Близко; но вѣтеръ вылъ и ревѣлъ; тем-
 нота гробовая
 Все покрывала, и тучи, какъ черныя
 горы, задвинувъ
 Небо, страшно ворочались. Эми знакомой
 тропинкой
 Входить безъ всякаго страха въ средину
 развалинъ;
 Кленъ недалеко; вдругъ вѣтеръ утихъ
 на минуту; и Эми
 Слышитъ, что кто-то идетъ живой, а не
 мертвый; ей стало
 Страшно.... слушаетъ.... Вѣтеръ снова
 поднялся и снова
 Стихъ, и снова нослышалось ей, что идутъ;
 въ испугъ
 Къ грудь развалинъ прижалася Эми. Въ
 это мгновенье
 Вѣтромъ раздвинуло тучи, и мѣсяцъ очи-
 стился. Что же
 Эми увидѣла? Два человѣка—два черныя
 тѣни —
 Крадутся между обломковъ и тащатъ
 мертвое тѣло.
 Вѣтеръ ударилъ сильнѣй; съ головы одного
 сорвалася
 Шляпа, и къ Эминымъ прямо ногамъ
 прикатилася; а мѣсяцъ
 Въ ту минуту пропалъ и все опять по-
 темнѣло.
 — Стой! (нослышалася голосъ) шляпу вѣт-
 ромъ умчалю.
 «Послѣ отыщешь; прежде окончимъ ра-
 боту: зароемъ
 Кладъ свой!» другой отвѣчалъ, и они
 удалились. Схвативши
 Шляпу, стремглавъ пустилася къ гостини-
 ницѣ Эми. Влѣдѣе
 Смерти, въ двери вбѣжала она, и долго
 промолвить
 Слова не въ силахъ была; отдохнувъ,
 наконецъ разказала
 То, что ей въ замкѣ привидѣлось. «Вотъ
 обличитель убійцамъ!»
 Шляпу поднявши, громко промолвила Эми;
 но тутъ же

Въ шляпу вемотрѣлася.... «Ахъ!» и упала
 на полъ безъ чувства:
 Брандово имя стояло на шляпѣ. Миѣ не-
 чего болѣ
 Вамъ разказывать. Въ этотъ мигъ по-
 мутился разумокъ
 Вѣдной Эми. Господь милосердый недолго
 страдать ей
 Далъ на землѣ: ее отнесли на кладбище.
 Но долго
 Видѣли столбъ съ колесомъ на пригоркѣ
 близъ замка: проходимъ
 Онъ приводилъ на память и Бранда и
 бѣдную Эми.
 Все исчезло теперь, и гостиницы нѣтъ!
 лишь могилка
 Вѣдной Эми цвѣтеть, какъ цвѣла, и падъ
 нею покойно.—
 Дѣдушка кончилъ и молча сталъ выко-
 лачивать трубку.
 Внучки также молчали и съ грустью
 смотрѣли на церковь:
 Солнце играло на ней, и темныя линии
 бросали
 Тѣнь на кладбищѣ, гдѣ Эми давно по-
 конилася въ гробѣ.
 — Вотъ вамъ другая была, сказать, опять
 раскуривши
 Трубку, старикъ. Каснаръ былъ бѣденъ.
 Къ буйной, развратной
 Жизни привыкъ онъ, и сердце въ немъ
 едѣлалось камнемъ. Но жаднымъ
 Окомъ смотрѣлъ на чужое богатство Ка-
 снаръ. На злодѣйство
 Трудно ль рѣшиться тому, кто шатается
 праздно, не помня
 Бога? Такъ и случилось. Каснаръ на
 почую добычу
 Вышелъ. Вы видите островъ на Рейнѣ?
 Вдоль берега вьется
 Противъ этого острова, мимо утеса, дорожка.
 Тамъ, у самой дорожки, подъ темнымъ
 утесомъ, въ ночное
 Позднее время Каснаръ засѣлъ и ждать:
 не пройдесть ли
 Кто-нибудь мимо? Ночь прекрасна была;
 освѣщенный
 Полной луной островокъ отражался въ
 водѣ, и густые

Клены, глядясь въ нихъ, стояли тихо,
 какъ черныя тѣни;
 Все покоилось.... Волны изрѣдка въ берегъ
 плескали,
 Въ листьяхъ журчало, и пѣлъ соловей.
 Но злодѣйскимъ
 Замысломъ полный, Каспаръ не слышалъ
 ничего; онъ шло
 Жаднымъ подслушивалъ ухомъ. И вотъ
 напоследокъ онъ слышитъ:
 Кто-то идетъ по дорогѣ; то былъ одинокій
 прохожій.
 Выскочилъ, словно какъ звѣрь изъ бер-
 логи, Каспаръ; и недолго
 Длалась борьба между ними: бѣдный пут-
 никъ съ тяжелымъ
 Стопомъ упалъ на землю, зарѣзанный.
 Мертвое тѣло
 Въ воду стащилъ Каспаръ и вымылъ
 кровавыя руки;
 Брызнули волны, раздавшись подъ тру-
 номъ, и снова слилися
 Въ гладкую зыбь; все стало попрежнему
 тихо, и сладко
 Пѣть продолжалъ соловей. Каспаръ без-
 заботно съ добычей
 Въ путь свой пошелъ; свидѣтелей не
 было; совѣтъ молчала.
 Скоро истратилъ разбойникъ добытое
 кровью, и скоро
 Голымъ сталъ онъ попрежнему. Годы
 прошли; обѣ убійствѣ,
 Кромѣ Бога, никто не провѣдалъ; но слу-
 шайте далѣ.
 Разъ Каспаръ сидѣлъ за столомъ въ го-
 стинницѣ. Входить
 Старый знакомецъ его, арендаръ Венья-
 мниъ; онъ садится
 Подъ Каспара; онъ крѣико, крѣико за-
 думчивъ; и вправду,
 Было о чемъ призадуматься: денно и
 ночью работалъ,
 Честно жилъ Веньямниъ, а все пона-
 прапу: тяжелый
 Крестъ достался ему: семью имѣлъ онъ
 большую;
 Всѣхъ одѣнь, напой, накорми.... а чѣмъ?
 и вдобавокъ
 Новое горе постигло его; жена отъ тяжелой

Скорби слегла въ постель, и деньги пошли
 за лѣкарство;
 Богъ помогъ ей; но съ той поры все хуже,
 да хуже; и часто
 Нечего вѣтъ; жена молчитъ, но тастъ,
 какъ свѣчка;
 Дѣти крикомъ кричатъ; наконецъ, осталь-
 ное помѣщикъ
 Въ домъ силою взявъ, въ уплату за долгъ,
 и изъ дома
 Выгнать грозился. Эта бѣда съ Венья-
 мниномъ случилась
 Утромъ, а вечеромъ онъ Каспара въ го-
 стинницѣ встрѣтилъ.
 Рядомъ съ нимъ онъ сидѣлъ у стола;
 опершись на колѣно
 Локтемъ, рукою закрывши глаза, молчалъ
 онъ, какъ мертвый.
 «Что съ тобой, Веньямниъ,—спросилъ Ка-
 спаръ.—Ты какъ будто
 «Въ воду опуцелъ. Послушай, соедѣ,
 не расшптъ ли намъ вмѣстѣ
 «Кружку вина? Веселѣе на сердцѣ будетъ;
 отвѣдай.»
 Кружку взялъ Веньямниъ и выпилъ.
 —Тяжко приходится
 Жить, сказалъ онъ. Жена умираетъ, и
 хляья кости
 Не на чемъ ей успокоить: злодѣй послѣд-
 нюю взли
 Ныщче постелю. А дѣти—Господи Боже
 мой! лучше бѣ
 Имъ и мнѣ въ могилу. Помѣщикъ нашъ
 нынѣшней почью
 Въ замокъ свой пышный поѣдетъ, и тамъ
 на мягкихъ подушкахъ,
 Вкусно поужинавъ, сладко заснетъ.... а
 я, веротся
 Въ домъ мой, гдѣ голыя стѣны, что
 найду тамъ? Бездушный!
 Я ли Христомъ да Богомъ его не молилъ?
 У него ли
 Мало добра?.... Пускай же Всевышній
 Господь на судилищѣ страшномъ
 Такъ же съ нимъ немилостивъ будетъ,
 какъ онъ былъ со мною! —
 Слушалъ Каспаръ и въ душѣ веселился,
 какъ злой искуситель;

Въ кружку сосѣду вина подливалъ онъ,
 и скоро зажегъ въ немъ
 Кровь, и потомъ изъ гостиницы вышелъ
 съ нимъ вмѣстѣ. Ужъ было
 Поздно. «Сосѣдъ,—Веньямину онъ тихо
 шепнулъ:—господишь твой
 «Ныпѣшней ночью одинъ въ свой замокъ
 поѣдетъ; дорога
 «Близко, она пуста; а мнѣнье, знаешь
 ты, сладко.»
 Рѣчью такой былъ сраженъ Веньяминъ;
 но тяжкая бѣдность,
 Горе семьи, досада, хмѣль, темнота, оболь-
 щенье
 Словъ коварныхъ... довольно, чтобъ сла-
 бое сердце опутать.
 Такъ ли, не такъ ли, но вотъ пошелъ
 Веньяминъ за Каспаромъ;
 Противъ знакомаго острова съли они подъ
 утесомъ,
 Близко дороги, и ждутъ; ни одинъ ни
 слова; не смѣютъ
 Велухъ дышать и слушаютъ молча. Ихъ
 окружала
 Тихая, темная ночь; звѣздъ не сверкало
 на небѣ,
 Листъ едва шевелился, безъ ропота волны
 лилися,
 Все покоилось сладко, и пѣлъ соловей.
 Душа Веньямина
 Вдругъ согрѣлась: въ ней совѣтъ про-
 снулася, и онъ содрогнулся.
 — Нечего ждать, онъ сказалъ: ужъ поздно;
 уйдемъ; не придетъ онъ. —
 «Будь терпѣливъ,—злѣдѣй возразилъ:—
 пождемъ и дожждемъ.
 «Долъ зато дожидаться его возвращенья
 придетъ
 «Въ замѣкъ женѣ; да будетъ напрасно ея
 петергѣше.»
 Сердце отъ этихъ словъ повернулось въ
 груди Веньямина;
 Вспомнилъ свою онъ жену и сказалъ:—
 теперь проявилась
 Совѣсть моя; не поздно еще; не хочу
 оставаться! —
 «Что ты?—воскликнулъ Каспаръ.—По-
 слушался совѣти; бредить.

«Ночь темна, рѣка глубока, здѣсь мѣсто
 глухое;
 «Кто насъ увидитъ?» Морозъ подралъ
 Веньямина по кожѣ.
 — Кто насъ увидитъ? А развѣ пѣтъ свидѣ-
 теля въ небѣ?—
 «Сказки! здѣсь мы одни. Въ ночной
 темнотѣ не примѣтитъ
 «Насъ ни земной, ни небесный свидѣ-
 тель.» Тутъ неоглядкой
 Прочь отъ него побѣжалъ Веньяминъ. И
 въ это мгновенье
 Темное небо яркимъ, страшнымъ лучомъ
 раздвоилось;
 Все кругомъ могильная мгла покрывала;
 на томъ лишь
 Мѣстѣ, гдѣ спрятаться думалъ Каспаръ,
 было, какъ въ ясный
 Полдень, свѣтло. И вотъ предъ глазами
 его повторилось
 Все, что онъ нѣкогда тутъ совершилъ во
 мракѣ глубокой
 Ночи одинъ: онъ услышалъ шумъ отъ
 упавшаго въ воду
 Труса; онъ чернѣйшій трупъ на волнахъ
 освѣщенныхъ увидѣлъ;
 Волны раздвинулись, трупъ выплывъ въ
 нихъ, и все потемнѣло....
 Дѣти, долго съ тѣхъ поръ подъ этимъ
 утесомъ, какъ дикій
 Звѣрь, гнѣздили Каспаръ сумасшедшій.
 Не вѣдалъ онъ кровли;
 Былъ безобразенъ: лицо—какъ кора, глаза
 —какъ два угля,
 Волосы влочыями, ногти на пальцахъ—
 какъ черные когти,
 Вмѣсто одежды гнилое тряпье; худой,
 изможденный,
 Чахлаый, все ребра наружу, онъ въ страхѣ
 все жался къ утесу,
 Все какъ будто хотѣлъ въ немъ спря-
 таться, и все озирался
 Смутно кругомъ; по порою вдругъ выбѣ-
 галъ, и на небо
 Дико уставивъ глаза, шепталъ: онъ ви-
 дитъ! онъ видитъ!—
 Дѣдушка, былъ доказавъ, посмотрѣлъ
 усмѣхаясь на внука.

— Что же вы так приемирѣли?—спросилъ онъ.—Видно разсказъ мой былъ не на шутку печаленъ? Постояйте жъ, я кое-что веюпшилъ, что раземѣнитъ васъ и вмѣстѣ научить. Слушайте. Часто Мы на свою негодумь судьбу; а если разсудишь, Какъ все на свѣтѣ невѣрно, то сердцемъ смиришься и станешь Бога за участь свою прославлять. Иному Опытъ такой достается, иному легче. И Разъ до премудрости этой, не уметвюя много, а просто Случася страннымъ, одною забавной ошибкой добрался Бѣдный нѣмецкій ремесленникъ. Былъ по Онъ въ Амстердамѣ, голландскомъ городѣ. Городъ богатый, пышный, зданья огромныя, тѣма кораблей. Заглядѣлся Бѣдный мой нѣмецъ, глаза разбѣжались; вдругъ онъ увидѣлъ Домъ, какого не снилось ему и во свѣтъ до десятка Трубъ, три жилья, зеркальныя окна, ворота съ добрый сарай — удивленью! Съ смрреннымъ поклономъ спросилъ онъ Перваго встрѣчнаго: «чей это домъ, въ которомъ такъ много Въ окнахъ тюльпановъ, нарциссовъ и розъ?» Но видно прохожій Или былъ занятъ, или столько же зналъ по-нѣмецки, сколько тотъ по-голландски, то-есть не зпалъ ни нолслова; Какъ бы то ни было, *каннитфеританъ!* отвѣчалъ онъ. А это *Каннитфеританъ* есть голландское слово, иль лучше четыре Слова, и значить оно: *не могу васъ помять*. Простодушный Нѣмецъ напротивъ вздумалъ, что такъ назывался владѣлецъ Дома, о коемъ онъ спрашивалъ. «Видно богатъ не на шутку

Этотъ *Каннитфеританъ!*» сказалъ про себя онъ, любуясь Домомъ. Потомъ отправился далѣ. Приходитъ на пристань — Новое диво! тамъ кораблей числа пѣтъ; ихъ мачты Словно какъ лѣсъ. Закружилаь его голова, и сначала Онъ не видалъ ничего, — такъ много онъ разомъ увидѣлъ. Но, наконецъ, на огромный корабль обратилъ онъ вниманье. Этотъ корабль недавно пришелъ изъ Ост-Индіи; много Вкругъ сустилось людей: его выгружали. Какъ горы, Были навалены тюки товаровъ: множество бочекъ съ сахаромъ, кофе, перцемъ, ишеномъ сарацинскимъ. Разинувъ Ротъ, съ удивленьемъ глядѣлъ на товары нашъ нѣмецъ; и свѣдать Крѣпко ему захотѣлось, чьи были они. У матроса, Неснаго тюкъ огромный, спросилъ онъ: «какъ назывался Тотъ господинъ, которому море столько сокровищъ Разомъ прислало?» Нахмурясь, матросъ проверчалъ мимоходомъ: *Каннитфеританъ!* «Опять! смотри пожалуй! Какой же Этотъ *Каннитфеританъ* молодець! Мудрепо ли построить Домъ съ богатствомъ такимъ, и разетавить въ горшкахъ золоченныхъ Столько тюльпановъ, нарциссовъ и розъ по окошкамъ?» Пошелъ онъ Медленнымъ шагомъ назадъ, и задумался; горе Взяло его, когда онъ размыслилъ, сколько богатыхъ Въ свѣтѣ и какъ онъ бѣденъ. Но только-что началъ съ собою Онъ разсуждать, какое было бы счастье, когда бъ онъ Самъ былъ *Каннитфеританъ*, какъ вдругъ передъ нимъ — погребень.

Видить: четыре лошади въ черныхъ,
длинныхъ пополахъ
Гробъ на дрогахъ везуть и тихо ступа-
ють, какъ будто
Зная, что мертваго съ гробомъ въ могилу
навѣки отвозятъ;
Вездѣ за гробомъ родные, друзья и зна-
комые, молча,
Въ траурѣ идутъ; вдали одиноко звонитъ
погребальный,
Колоколъ. Грустно стало ему, какъ вея-
кой смиренной
Доброй душѣ, при видѣ мертваго тѣла;
и снявши
Набожно шляпу, молитву творя, прово-
дилъ онъ глазами
Ходъ погребальный; потомъ подошелъ къ
одному изъ послѣднихъ
Шедшихъ за гробомъ, который въ эту
минуту былъ занять
Важнымъ дѣломъ: разсчитывать, сколько
прибыли чистой
Будеть ему отъ продажи корцы и перцу;
тихопью
Дернувъ его за кафтанъ, онъ спросилъ:
«конечно покойникъ
Былъ вамъ добрый пріятель, что такъ
вы задумались? Кто онъ?»
Каннитфеританъ! былъ короткій от-
вѣтъ. Покатилися слезы
Градомъ изъ глазъ у честнаго ибнца;
едѣлось тяжко
Сердцу его, а потомъ и легко; и, вздох-
нувши, сказалъ онъ:
«Бѣдный, бѣдный *Каннитфеританъ!*
отъ такого богатства
Что осталось тебѣ? Не то же ль, что
рано иль поздно
Миѣ стъ моею останется бѣдности? Са-
ванъ и тѣсный
Гробъ». — И въ мысляхъ такихъ побрелъ
онъ за тѣломъ, какъ будто
Самъ былъ роднею покойнику; въ цер-
ковь вошелъ за другими;
Тамъ голландскую проповѣдь, въ косяхъ не
попаялъ ни слова,
Выслушавъ съ чувствомъ глубокимъ; по-
томъ, когда опустили

Каннитферитана въ землю, заплакалъ;
потомъ съ облегченнымъ
Сердцемъ пошелъ своею дорогой. И съ тѣхъ
поръ, какъ скоро
Грусть посѣщала его и ему становилось
досадо
Видѣть счастье богатыхъ людей, онъ всегда
утѣшался,
Вспомнивъ о *Каннитфеританѣ*, его не-
смытнымъ богатствѣ,
Пышномъ домѣ, большомъ кораблѣ и тѣс-
ной могилѣ.

ДѢТСКІЙ ОСТРОВЪ.

Какъ весело, весело!
Опять собралися мы
Подъ свѣтлыми сѣнями
Завѣтнаго острова!
Вкругъ свѣта оплавайте—
Нигдѣ не найдете вы
Подобнаго острова!
Не море широкое
Шумя разливается
Вкругъ нашего острова;
Не бездною глубокою
Отрѣзанъ отъ твердыхъ онъ
Бреговъ матерой земли.
Къ ней крѣпко привязанный
Канатомъ хранительнымъ,
Всегда намъ доступенъ онъ;
И плотникъ съ перилами,
Безъ вѣтра попутнаго,
Безъ паруса, кормщика,
На островъ привозитъ насъ—
Увозитъ насъ съ острова...
У нашего острова
О бурѣ не слышано!
И воды окружныя
При вѣтрѣ порывистомъ
Едва покрываются
Чешуйкой блестящею,
Какъ будто ласкаяся
Къ зеленому берегу.

22 Іюля.

О С Т Р О В Ъ.

Цвѣтетъ и расцвѣтаетъ
Мой милый островокъ;

Тамъ вѣетъ и летаетъ
Душистый вѣтерокъ.

Сплела тамъ роща своды;
Въ тѣни ихъ тишина;
Кругомъ покойны воды,
Прозрачныя до дна.

Тамъ знойными лучами
День лѣтній не палитъ;
Тамъ сладостно листьями
Прохлада шевелитъ.

Тамъ звѣзды ясной ночи
Сквозь темный сводъ древесъ
Глядеть, какъ будто очи
Блестящія небесъ.

Илѣнительно сквозь сѣни
Луна сияетъ тамъ,
Раскидывая тѣни
Деревъ по берегамъ.

Тамъ гени крылаты
Играютъ при луиѣ,
Пьютъ листьявъ ароматы,
И плещутся въ волнѣ.

Тамъ насъ встрѣчаетъ радость;
Тамъ все забава намъ:
Подруга наша младость
Играетъ съ нами тамъ.

П Е Р И.

Передъ дверію Эдема
Пери тихо слезы льетъ:
Никогда не возвратиться
Въ въ утраченный Эдемъ!
Вземаетъ гласъ она знакомый:
То, блаженствуя, поютъ
Херувимы славу Бога...
Такъ шѣвала и она!

Свѣтлый ангель, стражь Эдема
На печальную воззрѣлъ;
Онъ сказалъ ей: «Уловаше!
Не навѣкъ погибла ты.
Полети на землю, Пери—
Возвратися отъ земли
Съ даромъ, сладостнымъ для неба...
И отворится Эдемъ.»

Пери быстро полетѣла;

Облетаетъ небеса;
Облетаетъ поднебесье,
Воды, горы и поля.
Вотъ предъ нею пышный Гаггестъ,
Онъ катится по лугамъ,
Но дуга облиты кровью,
И киинтъ на нихъ войпа.

Грозны воины Махмуда
Разорили тѣ страны—
И послѣдній ихъ защитникъ
Ужъ врагами окруженъ.
Лужъ съ послѣднею стрѣлою
Держитъ онъ въ своей рукѣ...
—«Поворнсь, и дамъ пощаду!»
Говоритъ ему Махмудъ...

На своихъ сраженныхъ братіи
Юный воинъ указаль,
И отвѣтствовалъ не словомъ,
А свистящею стрѣлою.
Но впервые измѣнила
Неизбѣжная стрѣла...
И безстрашный подъ мечами
Паль, но паль свободнымъ онъ.

Пери къ юношѣ слетаетъ
И, надъ мертвымъ наклонясь,
Каплю крови, за свободу
Пролиянная, беретъ.
И она къ дверямъ Эдема
Понесла прекрасный даръ;
Ангель принять даръ прекрасный...
Но дверей не отворилъ.

Пери снова полетѣла:
Облетаетъ небеса,
Облетаетъ поднебесье,
Воды, горы и поля.
Вотъ предъ нею храмъ Балбека;
Межъ обломками его
На цвѣтахъ сидитъ младенецъ,
Самъ прекрасный, какъ цвѣтокъ.

Смотритъ Пери: близъ младенца
Путникъ, съ сумрачнымъ лицомъ—
У ручья остановился
Иламя жажды утолить.
На челѣ его глубоко
Жизнь морщины провела,
И тяжелой думой совѣтъ
Отразилась страшно въ нивъ.

На младенца онъ уставлялъ
 Неподвижно мрачный взоръ...
 Вдругъ раздался съ минаретовъ
 Гласъ вечерней мольбы.
 На колѣни сталъ младенецъ,
 Руки набожно сложилъ,
 И съ молитвою невинной
 Взоръ поднимать на небеса.

Сердце мертвое злодѣя
 Потряслось при видѣ семъ,
 И росой умиленья
 Оживилоя оно.
 Близъ невиннаго младенца
 Опъ съ молитвой палъ во прахъ—
 И раскалныя слезы
 Полилися изъ очей.

Пери слезы тѣ святыя
 Жадно въ руку приняла,
 И съ слезами покаянья
 Полетѣла къ небесамъ...
 Райски двери отворилась
 Сами радостно предъ ней—
 И торжественное пѣнье
 Огласило небеса.
 22 августа.

СРАЖЕНІЕ СЪ ЗМѢЕМЪ.

ПОВѢСТЬ.

[ПОХРАЖДАНІЕ ШИЛЛЕРУ.]

Что за тревога въ Родосѣ? Веѣ улицы
 полны народомъ;
 Мчатся толпами, вопяты, шумяты. На конѣ
 величавомъ
 Ѣдетъ по улицѣ рыцарь красивый; за рыцаремъ
 танцуютъ
 Мертваго змѣя съ кровавой, разинутой
 пастью; веѣ смотрять
 Съ радостнымъ чувствомъ на рыцаря, съ
 страхомъ невольнымъ на змѣя.
 «Вотъ! — говорятъ: — посмотрите, тотъ
 врагъ, отъ котораго столько
 Времени не было здѣсь ни стадамъ, ни
 людямъ проходу;
 Много рыцарей храбрыхъ пыталось съ
 чудовищемъ выйти
 Въ бой... веѣ погибли. Но Богъ насъ по-
 милувасть: вотъ нашъ спаситель.
 Слава ему!» — И вельѣдъ за младымъ побѣ-
 дителемъ идуть

Веѣ въ монастырь Іоанна Крестителя, гдѣ
 іоаннитовъ
 Былъ знаменитый капитулъ собранъ въ
 то время. Смирненно
 Рыцарь подходитъ къ престолу магистера;
 шумной толпою
 Ломится слѣдомъ за нимъ въ палату на-
 родъ. Преклонивши
 Голову, юноша такъ говорить начинаеть:
 «Владыка!
 Рыцарскій долгъ я исполнилъ: змѣй, ра-
 зоритель Родоса,
 Мною убитъ; безопасны дороги для пут-
 никовъ; смѣло
 Могутъ стада выгонять пастухи; на молитву
 Можетъ безъ страха теперь пилигримъ къ
 чудотворному лику
 Дѣвы Пречистой ходить.» — Но съ суро-
 вымъ отвѣтствовалъ взглядомъ
 Строгий магистеръ: «Сынъ мой, подвигъ
 отважный съ успѣхомъ
 Ты совершилъ: отважность рыцаря честь.

Но отвѣтствуй:
 Въ чемъ обязанность главная рыцарей,
 вѣрныхъ Христовыхъ
 Слугъ, христіанства защитниковъ, въ знакъ
 смиренья носящихъ
 Крестъ Іисуса Христа на плечахъ?» То
 зрители внемля,
 Веѣ оробѣли. Но рыцарь, краснѣя, отвѣт-
 ствовалъ: первый
 Рыцарскій долгъ есть покорность. — «И
 рыцарскій долгъ сей
 Нынѣ, сынъ мой, ты нарушилъ: ты мною
 запрещенный
 Подвигъ дерзнулъ совершить.» — «Владыка,
 сперва благосклонно
 Выслушай слово мое, потомъ оуди. Не
 съ слѣбою
 Дерзости я на опасное дѣло рѣшился;
 но вѣрно
 Волю закона исполнить хотѣлъ: одной
 осторожной
 Хитростью мнилъ одержать я побѣду. Пять
 благородныхъ
 Рыцарей нашего ордена, честь христіан-
 ства, погибли
 Въ битвѣ съ чудовищемъ. Ты запретилъ
 намъ сей подвигъ;

Мы покорились. Но душу мою нестерпимо
терзали
Бѣдствія гибнущихъ братій; стремленьемъ
снасти ихъ томимый,
Днемъ я покоя не зналъ, и сны ужасные
ночью
Мучили душу мою, представляя мнѣ при-
зракъ сраженія
Съ змѣемъ; и все какъ будто бы чудилось
мнѣ, что небесный
Голосъ меня возбуждалъ и твердилъ мнѣ:
дерзай! и дерзнуть я.
Вотъ что я мыслилъ: «ты рыцарь; однихъ
ли враговъ христіанства
«Долженъ твой мечъ поражать? Твое на-
значеніе святое:
«Быть защитникомъ слабыхъ, спасать отъ
гоненія гонимыхъ,
«Грозныхъ чудовищъ разить; но дерзкою
силой искусство,
«Мужествомъ мудрость должны управлять.»
И въ такомъ убѣжденіи
Долго себя я готовилъ къ опасному бою,
и часто
Къ мѣсту, гдѣ змѣи обиталъ, я тайкомъ
подходилъ, чтобъ заранѣ
Съ сильнымъ врагомъ ознакомиться; долго
обдумывалъ средства,
Какъ мнѣ врага побѣдить; наконецъ, вдохно-
веніе свыше
Душу мою просвѣтило: найдено средство!
сказалъ я
Въ радости сердца. Тогда у тебя позво-
ленье, владыка,
Я испросилъ посѣтить отеческій домъ мой;
угодно
Было тебѣ меня отпустить. Переплывъ без-
опасно
Море и на берегъ вышедъ, въ отеческомъ
домѣ не медля
Все къ предпріятому подвигу сталъ я
готовить. Искусствомъ
Сдѣланъ былъ змѣи, подобный тому, ко-
торого образъ
Врѣзался въ память мою; на короткихъ
лапахъ громадой
Тяжкое чрево лежало; хребетъ, чешую
покрытый,

Круто вздымался; на длинной, гривистой
шеѣ торчала,
Пастью зіяя, зубами грозя, голова; изъ
отверстыхъ
Челюстей острымъ коньемъ выставлялся
языкъ, и змѣинный
Хвостъ сгибался въ огромныя кольца, какъ
будто готовый,
Вдругъ обхвативъ ѣздока и коня, заду-
шить ихъ обохъ.
Все учредивши, двухъ собакъ, могучихъ
и къ бою
Съ дикимъ быкомъ приученныхъ, я вы-
бралъ, и мнѣ много змѣя
Ими травля, чтобъ привыкли онѣ по
единому клику
Зубы вопзать въ непокровое броней че-
шуйчатой чрево.
Самъ же, сидя на конѣ благородной араб-
ской породы,
Я устремлялся на змѣя, и руку мою без-
престанно
Въ вѣрпомъ метаньи копыя упражнялъ.
Сначала отъ страха
Конь мой, храпя, на дыбы становился, и
выли собаки;
Но, наконецъ, побѣдило мое постоянство
ихъ робость.
Такъ совершилось три мѣсяца. Я возвра-
щаюсь. Вотъ третій
День, какъ присталъ я къ Родессу. О по-
выхъ бѣдствіяхъ вѣсти
Душу мою возмутили. Горя нетерпѣніемъ
кончить
Дѣло начатое, слугъ собираю моихъ и,
ученныхъ
Взявши собакъ, на вѣрномъ конѣ, никому
не сказавшись,
Бду отыскивать змѣя. Ты знаешь, вла-
дыка, часовню,
Гдѣ богомольствовать сходится здѣшній
народъ: на утесѣ
Въ дикомъ мѣстѣ она возвышается; образъ
Пречистой
Матери Божіей, видимый тамъ, знаменитъ
чудесами;
Трудно входить на утесъ, и доселѣ сей
путь былъ опасенъ.

Тамъ у подошвы утеса, въ порѣ, недо-
 ступной сіяшю
 Дня, гнѣздилися чудовищный змѣй, сто-
 рожа проходящихъ;
 Горе тому, кто дорогу терялъ! изъ темной
 нещеры
 Врагъ исторгался, добычу ловилъ и ее
 въ свой глубокой
 Логъ увлекалъ на пожранье. Въ ту часо-
 вую Пречистой
 Дѣвы пошелъ я, тамъ палъ на колѣна,
 усердной мольбою
 Въ помощь призвалъ Богоматерь, въ грѣ-
 хахъ принесть покаянье,
 Тайнъ святыхъ причастился: потомъ, со-
 шедши съ утеса,
 Лапы надѣлъ, взялъ мечъ и копьѣ, и,
 раздавъ приказанья
 Сиутницамъ (имъ же велѣлъ дожидаться
 меня близъ часовни),
 Съѣлъ на коня, поручилъ Воздѣущему
 Господу Богу
 Душу мою и поѣхалъ. Едва я увидѣлъ
 на ровномъ
 Мѣстѣ себя, какъ собаки мои, почувши
 змѣя,
 Подняли ноздри, а конь захралѣлъ и ня-
 титься началъ:
 Блещущимъ свившиися клубомъ, вблизи
 онъ грѣлся на солнцѣ.
 Дружно и смѣло помчался въ бой съ
 нимъ собаки; но съ восемъ
 Кинулисе объ назадъ, когда, развернув-
 шися быстро,
 Вдругъ онъ разинулъ огромную пасть и
 ихъ ядовитымъ
 Обдалъ дыханьемъ, и съ страшнымъ ши-
 пѣньемъ поднялся на лапы.
 Крикъ мой собакъ ободрилъ: онѣ виѣни-
 лися въ змѣя.
 Сильной рукой я бросаю конь; но, уда-
 рясь въ чешуйный,
 Крѣпкій хребетъ, оно, какъ тонкая трость,
 отлетѣло;
 Новыи ударъ я сѣбѣ нанести; но испу-
 ганныи конь мой
 Бѣшено сталъ на дыбы; раскаленные очи,
 зіянье

Пасти зубастой, и свистъ, и дыханье па-
 лящее змѣя
 Въ ужасъ его привели, и онъ опроки-
 нулся. Видя
 Близкую гибель, проворно сыркнулъ я
 съ сѣдла и въ сраженіе
 Пѣшии вступилъ съ обнаженнымъ мечомъ;
 но мечъ мой напрасно
 Колеть и рубить: какъ сталъ чешуй.
 Вдругъ змѣй, разъярившися,
 Сильнымъ ударомъ хвоста меня повалилъ
 и поднялся
 Дыбомъ, какъ столбъ, надо мною и уже
 растворилъ онъ огромный
 Зѣвъ, чтобъ зубами стиснуть меня; но въ
 это мгновенье
 Въ чрево его, чешусей непокрытое, вгрыз-
 лась собака;
 Взывалъ онъ отъ боли, п бѣшено началъ
 кидаться... напрасно!
 Стиснувши зубы, собаки повели на немъ;
 я посиѣшно
 На ноги сталъ, и бросился къ нимъ, и
 мечъ мой вознелся
 Все въ чрево чудовища: хлынула чер-
 нымъ потокомъ
 Кровь; согнувшись въ дугу, онъ грызнулся
 оземъ и, тяжкимъ
 Тѣломъ меня заваливши, издохъ надо мною.
 Не помню,
 Долго ль безчувственъ подъ нимъ я ле-
 жалъ; глаза открываю:
 Слуги мои предо мною, а змѣй въ крови
 неподвиженъ.
 Рыцарь, dokonчивши повѣсть свою, замол-
 чалъ. Раздѣлиа
 Громкіе клики; дрогнули своды палаты
 отъ гула
 Рукоплескашій, и самые рыцари ордена
 вѣбѣтъ
 Съ шумной толпой возглашали: «хвала!»
 Но магистеръ,
 Строго нахмуривъ чело, повелѣлъ, чтобъ
 все замолчали.—
 Все замолчали. Тогда онъ сказалъ побѣ-
 дителю: «змѣя,
 Долго Родосъ ужасавшаго, ты поразилъ,
 благородный

Рыцарь; но, Богомъ явися народу, врагомъ
 ты явился
 Нашему ордену: въ сердцѣ твоёмъ посе-
 лился отпый
 Змѣй, ужаснѣй тобою сраженнаго, змѣй,
 отравитель
 Воли, сѣятель смутъ и раздоровъ, презри-
 тель смиренья,
 Недругъ порядка, древній губитель земли.
 Быть отважнымъ
 Можетъ и врагъ ненавистный Христа,
 мамелюкъ; но покорность
 Есть однихъ христіанъ достойнѣе. Гдѣ
 Самъ Искушитель,
 Богъ Всемогущій, смиренно стергѣлъ по-
 ношенье и муку,
 Тамъ встарину основали отцы нашъ орденъ
 священный;
 Тамъ, облачая крестомъ, на себя они
 возложили
 Долгъ, труднѣйшій изъ всѣхъ: *свою обузды-
 вать волю.*
 Суебною славой ты былъ обольщенъ —
 удались; ты отпый
 Нашему братству чужой: кто Господнее
 иго отринувъ,
 Тотъ и Господнимъ крестомъ себя укра-
 шать недостойнъ.»
 Такъ магистеръ сказалъ, и въ толпѣ пред-
 стоявшихъ поднялся
 Громкій ропотъ, и рыцари ордена сами
 владыку
 Стали молить о прощеньи; но юноша,
 молча, потупивъ
 Очи, снявъ епанчу, у магистра строгую
 руку
 Поцѣловалъ и пошелъ. Его проводивши
 глазами,
 Гнѣвный смягчился судья и, назадъ осу-
 жденнаго кроткимъ
 Голосомъ кликнувъ, сказалъ: «обними меня,
 мой достойный
 Сынъ: ты побѣду теперь одержалъ, труд-
 нѣйшую первой.
 Снова сей крестъ возложи: онъ твой, онъ
 награда смиренью.»

СУДЬ БОЖІИ.

Н О В Ъ С Т Ъ .

[ИПОДРАЖАНІЕ ШИЛЛЕРУ].

Былъ непороченъ душой Фридолинъ; онъ
 въ страхъ Господнемъ
 Вѣрно служилъ своей госпожѣ, графинѣ
 Савернской.
 Правда, не трудно было служить ей: она
 доброправна
 Свойствомъ, тиха въ обращеніи была; но
 и тяжкую должность
 Съ кроткимъ терпѣніемъ онъ исполнялъ
 бы, покорствуя Богу.
 Съ самаго ранняго утра, до поздней ночи,
 вечно
 Былъ онъ на службѣ ея, ни минуты по-
 коя не зная;
 Если жъ случалось сказать ей ему: Фри-
 долинъ, успокойся!
 Слезы въ его появлялись глазахъ: за нее
 и мученье
 Было бы сладостно сердцу его, и не служ-
 бой считалъ онъ
 Легкую службу. За то и его отличала
 графиня;
 Вѣчно хвалила, и прочимъ слугамъ въ
 примѣръ подражала
 Ставила; съ нимъ же самимъ она обо-
 дилась, какъ съ сыномъ
 Мать, а не такъ, какъ съ слугою гос-
 пожа. И было пріятно
 Ей любоваться прекраснымъ, невиннымъ
 лицомъ Фридолина.
 То примѣчая, сокольничій Робертъ доса-
 довалъ; зависть
 Грызла его свирѣную душу. Однажды, съ
 охоты
 Съ графомъ вдвоёмъ возвращаяся въ за-
 мокъ, Робертъ, лукавымъ
 Бѣсомъ прельщенный, вотъ что сказалъ
 господину, стараясь
 Въ сердце его заронить подозрѣніе:
 «счастьемъ завиднымъ
 «Богъ наградилъ васъ, графъ государь:
 онъ далъ вамъ въ супругѣ
 «Вашей сокровище; нѣтъ ей подобной на
 свѣтѣ; какъ ангель
 «Божій, прекрасна, добра, цѣломудренна;
 спите спокойно:

- «Мыслью никто не поемѣть приблизиться
къ ней.» Заблестали
Грозно у графа глаза.—Что смѣнеш ты
брeдить?—сказалъ онъ.
—Женская вѣрность слово пустое; на ней
опираться
То же, что строить на зыбкой водѣ; бе-
регися, какъ хочешь:
Все обольстителъ отыщеть дорогу къ жен-
скому сердцу.
Вѣра моя на другомъ твердѣйшемъ стоитъ
основаньи:
Кто помыслить дерзнетъ о женѣ Саверн-
скаго графа!—
«Правда, — коварно отвѣтствовалъ Роб-
ертъ:—подобная дерзость
«Только безумному въ голову можетъ зайти.
Лишь презрѣнья
«Стоить жалкій глупецъ, который, вое-
питанный въ рабствѣ,
«Смѣеть глаза подымать на свою госпожу
и, служа ей,
«Въ сердцѣ развратномъ желанья тайтъ.»
—Что слышу!—воскликнулъ
Графъ, поблѣднѣвши отъ гнѣва.—О комъ
говоришь ты? И живъ онъ?—
«Все объ немъ говорить, государь; а я
изъ почтенья
«Къ вамъ, полагая, что все вамъ извѣстно,
молчалъ: что самимъ вамъ
«Въ тайнѣ угодно держать, то должно и
для насъ быть священной
«Тайной.»—Злодѣй, говори!—въ изсту-
пленья ужасномъ воскликнулъ
Графъ.—Ты погибъ, когда не скажешь мнѣ
правды! Кто этотъ
Дерзкій?—«Нажъ Фридолинъ, отъ молодъ,
лицомъ миловиденъ
(Такъ шибѣлъ предательски Робертъ, а
графа бросало
Въ холодъ и въ жаръ отъ рѣчей ядо-
витыхъ). Возможно ль, чтобъ сами
«Вы не видали того, что каждому видно?
За нею
«Всюду глазами онъ слѣдуетъ: ей одной,
забывая
«Все, за столомъ онъ служить: за сту-
ломъ ея, какъ волшебной
- «Скованный силой, стоитъ онъ и рѣветъ
любовью преступной.
«Онъ и стихи написалъ, и въ нихъ пе-
редъ ней признается
«Въ пѣвнѣй любви.»—Признается! — «И
даже молить о взаимномъ
«Чувствѣ дерзаетъ. Конечно, графини, по
кротости сердца,
«Скрыла отъ васъ, государь, безумство
такое, и самъ я
«Лучше бы сдѣлалъ, когда бъ промолчалъ:
чего вамъ страшиться?»
Графъ не отвѣтствовалъ: ярость душила
его. Приближались
Въ это время они къ огромной литейной
палатѣ:
Тамъ непрестанно огонь, какъ будто въ
адской пучинѣ,
Въ горнахъ пылалъ, и желѣзо, какъ лава,
кпипя, хлопотало;
День и ночь работники тамъ суетились
вкругъ горновъ,
Пламя пята; взвивался вихрями некръ;
свистали
Странно мѣхи: колесо подъ водою ередь
брызжущей пѣны
Тяжко вертѣлось; и молотъ огромный,
гремя неумолчно,
Самъ, какъ живой, подымался и падалъ.
Графъ, подозвавши
Двухъ изъ работниковъ, такъ имъ ска-
залъ:—исполните въ точности
Волю мою; того, кто первый придетъ къ
вамъ и спроситъ:
Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ?
безъ всякой пощады
Бросьте въ огонь, чтобъ его и слѣдовъ
не осталось.—Съ свирѣбымъ
Смѣхомъ рабы обѣщались покорствовать
графскому слову.
Души ихъ были суровѣй желѣза: рвенье
удвоивъ,
Начали снова работать они и, убійствомъ
зарабѣ
Жадную мысль веселя, дожидались обѣ-
щанной жергивы.
Къ графу тѣмъ временемъ хитрый паушникъ
позвалъ Фридолина.

Графъ, увидя его, говоритъ: ты долженъ,
 не медля ни мало,
 Въ лѣсъ пойти и спросить отъ меня у
 литейщиковъ: все ли
 Сдѣлано то, что я приказалъ?—Исполнено
 будетъ,
 Скромно отвѣтствуетъ пажъ; и готовъ
 ужъ идти, но подумавъ:
 Можетъ-быть, дасть ему и она порученье
 какое—
 Онъ приходитъ къ графинѣ и ей гово-
 ритъ: господиномъ
 Посланъ я въ лѣсъ; но вы моя госпожа;
 не угодно ль
 Будеть и вамъ, чего приказать?—Ему съ
 благосклоннымъ
 Взоромъ графиня отвѣтствуетъ: другъ мой,
 къ обѣднѣ хотѣлось
 Нынѣ сходить мнѣ, но болѣзнь мой сынъ;
 сходи, помолися
 Ты за меня; а если и самъ согрѣшилъ,
 то покайся.
 Весело въ путь свой пошелъ Фридолинъ;
 и еще изъ деревни
 Онъ не вышелъ, какъ слышитъ благо-
 вѣсть: колоколь звонкимъ
 Голосомъ звалъ христіанъ на молитву.
Отъ вѣстръчи Господней
 Ты уклоняться не долженъ, сказалъ
 онъ и въ церковь съ смиреннымъ,
 Набожнымъ сердцемъ вступилъ; но въ
 церкви пусто и тихо:
 Жатва была, и всѣ поселяне работали
 въ полѣ.
 Тамъ стоялъ священникъ одинъ: някто
 не явился,
 Быть на время обѣдни прислужникомъ
 въ храмѣ. *Господу Богу*
*Прежде свой доль отдай, потомъ гос-
 подину.* Съ такою
 Мыслью усердно онъ началъ служить:
 священнику ризы,
Столбу и Сигулумъ подалъ; потомъ при-
 готовилъ святыя
 Чаши; потомъ, молитвенникъ взявши, сталъ
 умиленно
 Долгъ исправлять министранта: и тамъ
 и тутъ на колѣни,

Руки сжавъ, становился; звонилъ въ ко-
 локольчикъ, какъ скоро
 Провозглашаемо было великое *Sanctus*;
 когда же
 Тайну священникъ свершилъ, предетол
 алтарю, и возвысилъ
 Руку, чтобъ вѣрнымъ явить Спасителя—
 Бога въ безкровной
 Жертвѣ, онъ звономъ торжественнымъ то
 возвѣстилъ и смиренно
 Палъ на колѣни предъ Господомъ, въ грудь
 себя поражая,
 Тихо молитву твоя и крестомъ себя зна-
 менуя.
 Такъ до конца литургіи онъ все, что
 уставлено чиномъ,
 Въ храмѣ свершалъ. Напоследокъ, окон-
 чивши службу святую,
 Громко священникъ воскликнулъ: *vobiscum*
Domine, вѣрныхъ
 Благословилъ; и церковь совѣмъ опустѣла;
 тогда онъ,
 Все въ порядокъ приведши,—и чаши, и
 ризы, и утварь,
 Церковь оставилъ, и къ лѣсу пошелъ, и
 вдобавокъ дорогой
Pater noster двѣнадцать разъ прочиталъ.
 Подошедши
 Къ лѣсу, онъ видитъ огромный, дымя-
 щійся горнъ; передъ горномъ,
 Черны отъ дыма, стоятъ два работника.
 Къ нимъ обратися,
 Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ, онъ
 спросилъ. И, оскаливъ
 Зубы смѣхомъ ужаснымъ, они указали
 на пламень
 Горна. «Онъ тамъ! (проценталъ синовагый
 ихъ голосъ) какъ должно,
 Прибрашь, и графъ насъ похвалить». Съ
 такимъ ихъ отвѣтомъ обратно
 Въ замокъ пошелъ Фридолинъ. Увидя его
 издалека,
 Графъ не повѣрилъ глазамъ.—Несчастный!
 откуда идешь ты?—
 «Изъ лѣсу прямо.»—Возможно ль? ты
 вѣрно промѣшквалъ въ дорогѣ.—
 «Въ церковь зашелъ я. Простите мнѣ,
 графъ государь; повелѣнье

«Ваше принявъ, у моей госпожи, по обыч-
ному долгу,
«Также спросилъ я, не будетъ ли мнѣ н
ея приказанья?
«Выслушать въ церкви обѣдню она при-
казала. Исполнивъ
«Волю ея, помолился я тамъ и за здравіе
ваше.»
Графъ трепеталъ и блѣднѣлъ. Но скажи
мнѣ,—спросилъ онъ:—
Что отвѣчали тебѣ?—«Непопятаемъ отвѣтъ
былъ. Со смѣхомъ
«Было на горниъ мнѣ указано. Тамъ опъ!
(сказали) какъ должно,
«Прибрагъ, и графъ насъ похвалить!»—
А Робертъ?—спросилъ, леденѣя
Въ ужасѣ, графъ.—Ты съ нимъ не встрѣ-
чался? Онъ посланъ былъ мною
Въ лѣсъ.—«Государь, ни въ лѣсу, ни въ
полѣ, нигдѣ я не встрѣтилъ
«Роберта.»—Ну,—вскричалъ уничтожен-
ный графъ, опустивши
Въ землю глаза.—Самъ Богъ рѣшилъ пра-
восудный!—И, съ кроткой
Ласкою за руку взявъ Фридолина, съ нимъ
вмѣстѣ пошелъ онъ
Прямо къ сурругѣ и ей (хотя сокровен-
наго смысла
Рѣчи его она не постигла) сказалъ, пред-
ставляя
Милаго юношу, робко предъ ними скло-
ниваго очи:
Онъ, какъ дитя, непороченъ; нѣтъ ангела
на небѣ чище;
Врагъ коваренъ, но съ нимъ Господь и
всевышнія Силы.

С К А З К А

о царѣ берендѣѣ, о сынѣ его иванѣ царевичѣ,
о хитростяхъ кощея безсмертнаго и о пре-
мудрости марьи царевны, кощейевой дочери.
Жилъ былъ царь Берендей *до колыма бо-
рода*. Ужъ три года
Былъ онъ женатъ, и жилъ въ согласіи
съ женою; но все имъ
Богъ дѣтей не давалъ, и было царю то
прискорбно.
Пужда случилася царю осмотрѣть свое го-
сударство;

Онъ простился съ царицей и восемь мѣ-
сяцевъ ровню
Пробылъ въ отлучкѣ. Девятый былъ мѣ-
сяцъ въ исходѣ, когда онъ,
Къ царской столицѣ своей подъѣзжая, на
полѣ чистомъ
Въ знойный день отдохнуть разсудилъ; раз-
били палатку;
Душно стало царю подъ палаткой, и смерть
захотѣлось
Выпить студеной воды. Но поле было без-
водно...
Какъ быть, что дѣлать? А плохо прихо-
дитъ; вотъ онъ рѣшился
Самъ объѣхать все поле: авось попадется
на счастье
Гдѣ-нибудь ключъ. Поѣхалъ и видитъ ко-
лодезь. Поспѣшно
Спрянувъ съ кони, загляднулъ онъ въ него:
онъ полною водою
Вплоть до самыхъ краевъ; золотой на по-
верхности ковшикъ
Плавасть. Царь Берендей поспѣшно за
ковшикъ—не тутъ-то
Было; ковшикъ прочь отъ руки. За ян-
тарную ручку
Царь съ нетерпѣньемъ, то правой рукою,
то лѣвой хватаетъ
Ковшикъ; но ручка, проворно виляя и
выраво и влѣво,
Только что дразнитъ царя и никакъ не
дается.
Что за причина? Вотъ онъ, выждавши
время, чтобъ ковшикъ
Сталъ на мѣсто, хватъ его разомъ справа
и слѣва—
Какъ бы не такъ! Изъ рукъ ускользнувши,
какъ рыбка, нырнулъ онъ
Прямо на дно колодца, и снова потомъ на
поверхность
Выплылъ, какъ будто ни въ чемъ не бы-
валъ. Постой же! (подумалъ
Царь Берендей) я паньюсь безъ тебя!—и,
недолго ебираясь,
Жадно прильнулъ онъ губами къ водѣ, и
струю ключевую
Началъ тинуть, не заботясь о томъ, что
въ водѣ утонула

Вся его борода. Нашившись вдоволь, под-
 пять онъ
 Голову хочеть... аиъ нѣтъ, погоди! не
 пускають; и кто-то
 Царекую бороду держитъ. Упершись въ
 ограду колодца,
 Силится онъ оторваться, трясеть, вертитъ
 головою—
 Держитъ его да и только. «Кто тамъ? пу-
 стите!» кричитъ онъ.
 Нѣтъ отвѣта; лишь страшная смотритъ со
 дна образина:
 Два огромные глаза горятъ, какъ два
 изумруда;
 Ротъ, разинутый, чуднымъ смѣхомъ
 смѣется; два ряда
 Крушныхъ жемчужинъ свѣтятся въ немъ,
 и языкъ, межъ зубами
 Выставясь, дразнить царя; а въ бороду
 вшугались крѣико
 Въместо пальцевъ клешни. И вотъ након-
 ецъ сиповатый
 Голосъ сказалъ изъ воды: «Не трудися,
 царь, понапрасну;
 Я тебя не нуцѣ. Вели же хочешь на волю,
 Дай мнѣ то, что есть у тебя, и чего ты
 не знаешь».
 Царь подумалъ: чего жъ я не знаю? я,
 кажется, знаю
 Все! И онъ отвѣчалъ образинѣ: изволь, я
 согласенъ.
 «Ладно!—опять сиповатый послышался го-
 лосъ:—смотри же,
 Слово сдержи, чтобъ себѣ не навязать ни
 попрека, ни худа».
 Съ этимъ словомъ исчезли клешни: обра-
 зина пропала.
 Честную выручивъ бороду, царь отряхнулся,
 какъ гоголь,
 Всѣхъ придворныхъ обрызгалъ, и всѣ царю
 поклонилсь.
 Съвѣ на коня, онъ поѣхалъ; и долго ли,
 мало ли ѣхалъ,
 Только ужъ вотъ онъ близко столицы; на-
 встрѣчу толнами
 Сылаетъ народъ, и пушки палаятъ, и на
 всѣхъ колокольныхъ
 Звонъ. И царь подѣзжаетъ къ своимъ
 златоверхимъ палатамъ—

Тамъ царица стоитъ на крыльцѣ и ждетъ;
 и съ царцей
 Рядомъ первый министръ; на рукахъ онъ
 своихъ парчевую
 Держитъ подушку; на ней же младенецъ,
 прекрасный, какъ свѣтлый
 Мѣсяцъ, въ пеленкахъ копитается. Царь
 догадался и ахнулъ.
 «Вотъ оно то, чего я не зналъ! Уморилъ
 ты, проклятый
 Демонъ, меня!» Такъ онъ подумалъ и горь-
 ко, горько заплакалъ;
 Всѣ удивились, но слова никто не про-
 молвилъ... Младенца
 На руки взявши, царь Берендей любовался
 имъ долго,
 Самъ его взнесъ на крыльцо, положить
 въ колыбельку, и, горе
 Скрывъ про себя, попрежнему царство-
 вать началъ. О тайнѣ
 Царекой никто не узналъ; но всѣ примѣ-
 чали, что крѣико
 Царь былъ печаленъ—онъ все дожидался:
 вотъ придуть за сыномъ;
 Днемъ онъ покоя не зналъ, и сна не въ-
 далъ онъ ночью.
 Время однако текло, а никто не являлся.
 Царевичъ
 Росъ не по днямъ—но часамъ; и сдѣлался
 чудо-красавецъ.
 Вотъ, наконецъ, и царь Берендей о томъ,
 что случилось,
 Вовсе забылъ... но другіе не такъ забыв-
 чивы были.
 Разъ царевичъ, охотой въ лѣсу забавляясь,
 въ густую
 Чащу заѣхалъ одинъ. Онъ смотритъ: все
 дико; поляна;
 Черныя сосны кругомъ; на полянѣ дупли-
 стая липа.
 Вдругъ зашумѣло въ дуплѣ; онъ глядитъ:
 выѣзаетъ оттуда
 Чудный какой-то старикъ, съ бородою зе-
 леной, съ глазами
 Тоже зелеными. «Здравствуй, Иванъ Ца-
 ревичъ,—сказалъ онъ:—
 Долго тебя дожидался мы; пора бы настъ
 вспомнить».

— Кто ты? — Царевичъ спросилъ. — «Объ
этомъ послѣ; теперь же
Вотъ что ты сдѣлай: отцу своему, царю
Берендею,
Мой поклонъ отнеси, да скажи отъ меня:
не пора ли,
Царь Берендей, должнокъ заплатить? Ужъ
давно миновалось
Время. Онъ самъ остальное пойметъ. До
свиданья». — И съ этимъ
Словомъ исчезъ бородастый старикъ. Иванъ
же Царевичъ
Въ крѣпкой думѣ поѣхалъ обратно изъ
темнаго дѣла.
Вотъ онъ къ отцу своему, царю Берендею,
приходитъ.
— Батюшка царь-государь, — говорить
онъ: — со мною случилось
Чудо. — И онъ разсказалъ о томъ, что видѣлъ
и слышалъ.
Царь Берендей поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ.
«Бѣда, мой сердечный
Другъ, Иванъ Царевичъ!» воскликнулъ
онъ, горько заплакавъ.
«Видно, пришло намъ разстаться!» И
страшную тайну о дажной
Клятвѣ ему открылъ онъ. — Не плачь, не
крушися, родитель, —
Такъ отвѣчалъ Иванъ Царевичъ: — бѣда не
велика.
Дай мнѣ коня: я поѣду, а ты меня до-
жидайся;
Тайну держи про себя, чтобъ о ней здѣсь
никто не провѣдалъ,
Даже сама государыня-матушка. Если жъ
назадъ я
Къ вамъ по прошествіи дѣлаго года не
буду, тогда ужъ
Знайте, что пѣтъ на свѣтѣ меня. — Спа-
радили, какъ должно,
Въ путь Ивана Царевича. Далъ ему царь
золотыя
Латы, мечъ и коня вороного; царица съ
мощами
Крестъ на шею надѣла ему; отпѣли мо-
лебны;
Нѣжно потомъ обнялися, поплакали... съ
Богомъ поѣхалъ

Въ путь Иванъ Царевичъ. Что-то съ нимъ
будетъ? Ужъ ѣдетъ
День онъ, другой и третій; въ исходѣ
четвертаго — солнце
Только успѣло зайти — подъѣзжаетъ онъ
къ озеру; гладко
Озеро то, какъ стекло; вода наравнѣ съ
берегами;
Все въ окрестности пусто; румянымъ ве-
чернимъ сіяньемъ
Воды покрытыя гаснуть, и въ нихъ отра-
зилися зеленый
Берегъ и частый тростникъ — и все какъ
будто бы дремлетъ;
Воздухъ не вѣетъ; тростинка не тронется;
шороха въ струйкахъ
Свѣтлыхъ не слышно. Иванъ Царевичъ
смотреть, и что же
Видитъ онъ? Тридцать хохлатыхъ, сѣрень-
кихъ уточекъ подлѣ
Берега плаваютъ: рядомъ тридцать бѣлыхъ
сорочекъ
Подлѣ воды на травкѣ лежать. Осто-
рожно поодаль
Слѣзъ Иванъ Царевичъ съ коня; высокой
травкою
Скрытый, подползъ, и одну изъ бѣлыхъ
сорочекъ тихонько
Взялъ; потомъ угнѣздился въ кустѣ до-
жидаться, что будетъ.
Уточки плаваютъ, плещутся въ струй-
кахъ, играютъ, ныряютъ...
Вотъ наконецъ, поигравъ, поныривъ, по-
плескавшись, поднялися
Къ берегу; двадцать девять изъ нихъ, по-
бѣжавъ съ перевалкой
Къ бѣлымъ сорочкамъ, оземь ударились,
всѣ обратились
Въ красныхъ дѣвицъ, нарядились, порхну-
ли и разомъ исчезли.
Только тридцатая уточка, на берегъ выйти
не смѣя,
Взадъ и впередъ одна одишешенька съ жа-
лобнымъ крикомъ
Около берега бьется; съ робостью вытя-
нуть шейку,
Смотритъ туда и сюда, то испорхнется, то
снова присядеть...

Жалко стало Ивану Царевичу. Вот онъ
 выходитъ
 къ ней изъ-за кустика; глядь, а она ему
 человѣчьимъ
 голосомъ вслухъ говоритъ: Иванъ Царе-
 вичъ, отдай мнѣ
 платье мое, я сама тебѣ пригожуся. Онъ
 съ лею
 спорить не сталъ, положилъ на травку
 сорочку и, скромно
 прочь отошедши, сталъ за кустомъ. Вепорх-
 нула на травку
 Уточка. Что же вдругъ видитъ Иванъ Ца-
 ревичъ? Дѣвица
 въ бѣлой одеждѣ стоитъ передъ нимъ,
 молода и прекрасна
 такъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перо-
 ромъ описать, и, краснѣя,
 руку ему подаетъ и, потупивъ стыдливыя
 очи,
 голосомъ звонкимъ, какъ струны, ему го-
 воритъ: «благодарствуй,
 добрый Иванъ Царевичъ, за то, что меня
 ты послушалъ;
 тѣмъ ты себѣ самому услужилъ, но и
 мною доволенъ
 будешь: я дочь Коцея безсмертнаго, Марья
 Царевна;
 тридцать пасъ у него дочерей молодыхъ.
 Подземельнымъ
 царствомъ владѣеть Кощей. Онъ давно ужъ
 тебя поджидаетъ
 въ гости и очень сердитъ; но ты не пе-
 кись, не заботься,
 сбѣгай лишь то, что я тебѣ присоветую.
 Слушай:
 только завидишь Коцея царя, упади на
 колѣни,
 прямо къ нему поползи; затопаешь онъ—
 не пугайся;
 станеть ругаться—не слушай; ползи да
 и только; что послѣ
 будетъ, увидишь; теперь пора намъ.—И
 Марья Царевна
 въ землю ударила маленькой ножкой своей;
 разступилась
 тотчасъ земля, и они вмѣстѣ въ подземное
 царство спустились.

Видятъ дворецъ Коцея безсмертнаго; вы-
 сѣченъ былъ онъ
 весь изъ карбункула камня, и ярче не-
 беснаго солнца
 все подъ землей освѣщать. Иванъ Царе-
 вичъ отважно
 входитъ: Кощей сидитъ на престолѣ въ
 свѣтлой коронѣ;
 блещутъ глаза, какъ два изумруда; руки
 съ клешнями.
 Только завидѣлъ его вдалекѣ, тотчасъ на
 колѣни
 сталъ Иванъ Царевичъ. Кощей же зато-
 паетъ; сверкнуло
 страшно въ зеленыхъ глазахъ, и такъ за-
 кричалъ онъ, что своды
 царства подземнаго дрогнули. Слово Марьи
 Царевны
 вспомня, поползъ на корачкахъ Иванъ
 Царевичъ къ престолу;
 царь шумитъ, а Царевичъ ползетъ да пол-
 зетъ. Напоследокъ
 стало царю и смѣшно: «добро ты, про-
 казникъ, сказалъ онъ,
 если тебѣ удалось меня раземѣшить, то съ
 тобою
 ссоры теперь заводитъ я не стану. Ми-
 лости просимъ
 къ намъ въ подземельное царство; но знай,
 за твое ослушанье
 долженъ ты намъ отслужить три службы;
 сочтемся мы завтра;
 нынѣ ужъ поздно; пооди». Тутъ два при-
 дворныхъ проворно
 подъ руки взяли Ивана Царевича очень
 учтиво,
 съ нимъ пошли въ покои, отведенный
 ему, отворили
 дверь, поклонились царевичу въ поясъ,
 ушли, и остался
 тамъ онъ одинъ. Беззаботно онъ легъ на
 постелю, и скоро
 спомъ глубокимъ заснулъ. На другой день
 рано по утру
 царь Кощей къ себѣ Ивана Царевича
 зликнулъ:
 «Ну, Иванъ Царевичъ,—сказалъ онъ:—
 теперь мы посмотримъ,

Что-то искусень ты дѣлать? Изволь, на-
примѣрь, намъ построить
Пышнѣйшую почью дворецъ: чтобъ кровля
была золотая,
Стѣны изъ мрамора, окна хрустальныя,
вкругъ регулярный
Сады, и въ саду пруды съ карасями; если
построишь
Этотъ дворецъ, то нашу царскую милость
заслужишь;
Если же нѣтъ, то прошу не ненять... го-
ловы не удержиши!»—
Ахъ ты, Кощей океанный, Иванъ Царе-
вичъ подумаль,
Вотъ что затѣялъ, смотри пожалуй! Съ
тяжелой кручиной
Онъ возвратился къ себѣ, и сидитъ при-
горюнясь; ужъ вечеръ;
Вотъ блестящая пчелка къ его подлетѣла
окошку,
Бьетса объ стекла—и слышитъ онъ го-
лось: впусти! Отворилъ онъ
Дверку окошка, пчелка влетѣла и вдругъ
обернулася
Марьей Царевной.—Здравствуй, Иванъ Ца-
ревичъ; о чемъ ты
Такъ призадумался?—«Нехоти будешь за-
думчивъ,—сказалъ онъ:—
Батюшка твой до моей головы доби-
рается.»—Что же
Сдѣлать рѣшился ты? — «Что? Ничего.
Пускай его сниметъ
Голову; двухъ смертей не видать, одной
не минуешь».—
Нѣтъ, мой милый Иванъ Царевичъ, не
должно терять намъ
Бодрости. То ли бѣда? Бѣда впереди; не
печалься;
Утро вечера, знаешь ты самъ, мудренѣе:
ложися
Спать; а завтра поранѣе встань; ужъ дво-
рецъ твой построень
Будеть; ты жъ только ходи съ молоткомъ,
да постукивай въ стѣну.—
Такъ вес и сдѣлалось. Утромъ, ни свѣтъ
ни зари, изъ каморки
Вышелъ Иванъ Царевичъ... глядитъ, а
дворецъ ужъ построень,

Чудный такой, что сказать невозможно.
Кощей изумился;
Вѣрить не хочетъ глазамъ. «Да ты хи-
трець не на шутку,—
Такъ онъ сказалъ Ивану Царевичу:—вижу,
ты ловокъ
На руку; вотъ мы посмотримъ, такъ же
ли будешь догадливъ.
Тридцать есть у меня дочерей, прекрас-
ныхъ царевень.
Завтра я всѣхъ ихъ рядомъ поставлю, и
долженъ ты будешь
Три раза мимо пройти, и въ третій мигъ
разъ безъ ошибки
Младшую дочь мою, Марью Царевну, узнать;
не узнаешь—
Съ плечъ голова; Поди».—Ужъ выдумаль,
чучела, мудрость,
Думаль Иванъ Царевичъ, сиди подъ окномъ.
Не узнать мигъ
Марью Царевну... какая жъ тутъ труд-
ность?—А трудность такая,
Молвила Марья Царевна, пчелкой влетѣвши:
—что если
Я не ветулюся, то быть бѣдѣ неминуемой.
Всѣхъ насъ
Тридцать сестеръ, и всѣ на одно мы лино;
и такое
Сходство межъ нами, что самъ отецъ нашъ
только по платью
Можетъ насъ различать.—«Ну что же мигъ
дѣлать?»—А вотъ что:
Буду я та, у которой на правой щецѣ
ты заметишь
Мошку. Смотри же, будь остороженъ, взгля-
дишь хорошенько,
Сдѣлать ошибку легко. До свиданья.—И
пчелка исчезла.
Вотъ на другой день опять Ивана Царе-
вича кличетъ
Царь Кощей. Царевны ужъ тутъ, и всѣ
въ одинакомъ
Платьѣ рядомъ стоятъ, потупивъ глаза.
—Ну, искусникъ,—
Молвила Кощей:—изволь-ка пройтиться
три раза мимо
Этихъ красавицъ, да въ третій разъ по-
трудись указать намъ

Марью Царевну. Пошелъ Иванъ Царевичъ;
 глядитъ онъ
 Въ оба глаза: ужъ подлинно сходитво! И
 вотъ онъ проходитъ
 Въ первый разъ—мошки нѣтъ; проходитъ
 въ другой разъ—все мошки
 нѣтъ; проходитъ въ третій, и видитъ—
 крадется мошка,
 Чуть замѣтно, по свѣжей щекѣ, а щекато
 подъ нею
 Такъ и горитъ; загорѣлось и въ немъ, и
 съ трепещущимъ сердцемъ:
 «Вотъ она, Марья Царевна!» сказалъ онъ
 Кошечу, подавши
 Руку красавицѣ съ мошкой. — Э! Э! да
 тутъ, примѣчаю,
 Что-то не чисто, Кощей проворчалъ, на
 царевича съ сердцемъ
 Выпучивъ оба зеленые глаза. Правда,
 узналъ ты
 Марью Царевну: но какъ узналъ? Вотъ
 тутъ-то и хитрость;
 Вѣрно съ грѣхомъ пополамъ. Погоди же,
 теперь доберуся
 Я до тебя. Часа черезъ три ты опять къ
 намъ пожалуй;
 Рады мы гостю, а ты намъ свою премуд-
 рость на дѣлѣ
 Здѣсь покажи: зажгу я соломинку; ты же,
 покуда
 Будеть горѣть та соломинка, здѣсь, не
 трогаясь съ мѣста,
 Шей миѣ нару сапогъ съ оторочкой; не
 диво; да только
 Знай напередъ: не сошьешь—долой голова;
 до свиданья.
 Золъ возвратился къ себѣ Иванъ Царе-
 вичъ, а пчелка
 Марья Царевна ужъ тамъ.— Отчего опять
 такъ задумчивъ.
 Милый Иванъ Царевичъ? спросила она.—
 «Поневолѣ
 Будешь задумчивъ, онъ ей отвѣчалъ. Отецъ
 твой затѣялъ
 Новую шутку; шей я ему сапоги съ ото-
 рочкой;
 Развѣ какой я сажожникъ? Я царскій сытъ;
 я не хуже

Родомъ его. Кощей онъ безсмертный! ви-
 дали мы много
 Этихъ безсмертныхъ». — Иванъ Царевичъ,
 да что же ты будешь
 Дѣлать? — «Что миѣ тутъ дѣлать? Шить
 сапоговъ я не стану.
 Сниметь онъ голову—чортъ съ нимъ, съ
 собакой! какая миѣ нужда!»
 — Нѣтъ, мой милый, вѣдь мы теперь же-
 нухъ и невѣста;
 Я постараюсь избанить тебя; мы вмѣстѣ
 спасемся,
 Иль вмѣстѣ погибнемъ. Намъ должно бѣ-
 жать, ужъ другого
 Способа нѣтъ.—Такъ сказавъ, на окошко
 Марья Царевна
 Плюнула; слюнки въ минуту примерзали
 къ стеклу; изъ каморки
 Вышла она потомъ съ Иваномъ Царевичемъ
 вмѣстѣ,
 Двери ключомъ заперла, и ключъ далеко
 зашвырнула.
 За руки взявшись потомъ, они поднялися
 и мигомъ
 Тамъ очутились, откуда сошли въ подзе-
 мельное царство:
 То же озеро, низкій берегъ, муравчатый,
 свѣжій
 Лугъ, и, видятъ, по лугу свѣжему бодро
 гуляеть
 Конь Ивана Царевича. Только почувялъ
 могучій
 Конь сѣдока своего, какъ заржалъ, запля-
 сать и помчался
 Прямо къ нему и, примчавшись, какъ вко-
 панный въ землю,
 Сталъ передъ нимъ. Иванъ Царевичъ, не
 думая долго,
 Сѣлъ на коня, царевна за нимъ, и пусти-
 лись стрѣлою.
 Царь Кощей въ назначенный часъ посы-
 лаеть придворныхъ
 Слугъ доложить Ивану Царевичу: что-де
 такъ долго
 Мѣнкатъ изволите? Царь дожидается. Слуги
 приходятъ;
 Заперты двери. Стукъ! стукъ! и вотъ изъ-
 за двери итъ слюнки,

Словно какъ самъ Иванъ Царевичъ, отвѣтствуютъ: *бѣду*.
 Этотъ отвѣтъ придворные слуги отнести къ Коцею;
 Ждать, подождать, Царевичъ нейдетъ; посылаетъ въ другой разъ
 Тѣхъ же пословъ разсерженный Коцей, и та же все тѣсня:
Бѣду; а нѣтъ никого. — Взбѣсился Коцей.
 «Пасмѣхаться что ли онъ вздумалъ? Вбѣгите же; дверь разломать и въ минуту за ворота къ намъ притащить неучинца!» — Бросились слуги...
 Двери разломаны... вотъ тебѣ разъ; никого тамъ, а слюшки такъ и хохочуть. Коцей едва отъ злости не лошнулъ.
 Ахъ! онъ воръ окаянный! люди! люди! скорѣе
 Все въ погоню за нимъ!.. я всехъ перевѣшаю, если онъ убѣжитъ!.. Помчалась погоня... — Миѣ слышится топотъ, —
 Шепчетъ Ивану Царевичу Марья Царевна, прижавшійся жаркою грудью къ нему. Онъ слѣзаетъ съ коня и, припавши ухомъ къ землѣ, говоритъ ей: «скачуть и близко». — Такъ медлить нечего, — Марья Царевна сказала, и въ ту же минуту слѣзаясь рѣчкой сама, Иванъ Царевичъ желѣзнымъ мостикомъ, чернымъ ворономъ конь, а большая дорога на три дороги разбила за мостикомъ.
 Быстро погоня скачетъ по свѣжему слѣду; но къ рѣчкѣ примчавшися, стали
 Въ нѣть Коцевы слуги: слѣдъ до мостика виденъ;
 Далѣ жъ и слѣдъ пропадаетъ, и дѣлится на три дорога.
 Нечего дѣлать, назадъ! Воротились разумники. Страшно Царь Коцей разозлился, о нихъ неудачъ у слышавъ.

«Черти! вѣдь мостикъ и рѣчка были они! догадаться можно бы вамъ, дурацямъ! Назадъ! чтобы былъ непременно слѣдъ!»... Опять помчалась погоня...
 — Миѣ слышится топотъ, — Шепчетъ опять Ивану Царевичу Марья Царевна.
 Слѣзъ онъ съ сѣдла и, припавши ухомъ къ землѣ, говоритъ ей: «скачуть и близко». — И въ ту же минуту Марья Царевна
 Вмѣстѣ съ Иваномъ Царевичемъ, съ ними и конь ихъ, дремучимъ сдѣлались лѣсомъ; въ лѣсу томъ дорожекъ, тропинокъ чела нѣтъ;
 По лѣсу жъ, кажется, конь съ двумя сѣдоками песется.
 Вотъ по свѣжему слѣду гонцы примчались къ лѣсу;
 Видятъ въ лѣсу свакуновъ и пустились въ догонку за ними.
 Лѣсъ же раскинулся вилоть до входа въ Коцеево царство.
 Мчатся гонцы, а конь передъ ними скачетъ, да скачетъ;
 Кажется, близко; ну только бѣ схватить; ахъ нѣтъ, не дается.
 Глядь! очутились они у входа въ Коцеево царство,
 Въ самомъ томъ мѣстѣ, откуда пустились въ погоню; и скрылось
 Все: ни коня, ни дремучаго лѣсу. Съ пустыми руками
 Снова явился къ Коцею онъ. Какъ зѣбная собака,
 Началъ метаться Коцей. — «Вотъ я жъ его нлута! коня миѣ!
 Самъ поѣду, увидимъ мы, какъ отъ меня отвергнется!»
 Снова Ивану Царевичу Марья Царевна тихонько
 Шепчетъ: — миѣ слышится топотъ — и снова онъ ей отвѣчаетъ:
 «скачуть и близко». — Бѣда намъ! Вѣдь это Коцей, мой родитель.
 Самъ; но у первой церкви граница его государства;

Далѣ жъ церкви скакать онъ никакъ не
 посягъеть. Подай мнѣ
 Крестъ твой съ мощами.—Нослушавшіеъ
 Марья Царевны, снимаеъ
 Съ шеи свой крестъ золотой Иванъ Ца-
 ревичъ, и въ руки
 Ей подаетъ, и въ минуту она обратилася
 въ церковь,
 Онъ въ монаха, а конь въ колокольню—
 и въ ту же минуту
 Съ свитою къ церкви Кощей приекакаль.
 «Не видалъ ли проѣзжихъ,
 Старецъ честной?» онъ спросилъ у мона-
 ха.—Сейчасъ проѣзжали
 Здѣсь Иванъ Царевичъ съ Марьей Царев-
 ной; входили
 Въ церковь они—Святѣмъ помолились, да
 мнѣ приказали
 Свѣчку поставить за здравье твое и тебѣ
 поклониться,
 Если ко мнѣ ты заѣдешь.—«Чтобъ шею
 сломить имъ проклятымъ!»
 Крикнулъ Кощей, и, коия повернувъ, какъ
 безумный, помчался
 Съ свитою назадъ, а примчавшись домой,
 пересѣкъ безопадно
 Веѣхъ до единого слугъ. Иванъ же Царе-
 вичъ съ своею
 Марьей Царевной поѣхали далѣ, уже не
 бояся
 Болѣ погони. Вотъ они ѣдутъ шажкомъ;
 ужъ склонялось
 Солнце къ закату, и вдругъ въ вечернихъ
 лучахъ передъ ними
 Городъ прекрасный. Ивану Царевичу смерть
 захотѣлось
 Въ этотъ городъ заѣхать.—Иванъ Царе-
 вичъ,—сказала
 Марья Царевна:—не ѣзди; не даромъ вѣ-
 щее сердце
 Носитъ во мнѣ: бѣда приключится.—«Чего
 ты боишься,
 Марья Царевна? Заѣдемъ туда на минуту;
 посмотримъ
 Городъ, потомъ и назадъ».—Заѣхать не-
 трудно; да трудно
 Выѣхать будетъ. По быть такъ! ступай,
 а я здѣсь останусь

Бѣлымъ камнемъ лежать у дороги; смотри
 же, мой милый,
 Будь остороженъ: царь и царица и дочь
 ихъ царевна
 Выдутъ навстрѣчу тебѣ, и съ ними пре-
 красный младенецъ
 Будетъ; младенца того не цѣлуй: поцѣ-
 луешь, забудешь
 Тотчасъ меня; тогда и я не останусь на
 свѣтѣ,
 Съ горя умру, и умру отъ тебя. Вотъ
 здѣсь у дороги
 Буду тебя дожидаться я три дни: когда
 же на третій
 День не придешь... но прости, поѣзжай.—
 И въ городъ поѣхаль,
 Съ нею простился, Иванъ Царевичъ одинъ.
 У дороги
 Бѣлымъ камнемъ осталася Марья Царевна.
 Проходить
 День, проходитъ другой, напоследокъ про-
 ходитъ и третій—
 Нѣтъ Ивана Царевича. Бѣдная Марья Ца-
 ревна!
 Онъ не исполнилъ ея наставленья: въ го-
 родѣ вышли
 Встрѣтить его и царь, и царица, и дочь
 ихъ царевна;
 Выбѣжалъ съ ними прекрасный младенецъ,
 мальчикъ-кудряшка,
 Живчикъ, глазенки, какъ ясныя звѣзды;
 и бросился прямо
 Въ руки Ивану Царевичу; онъ же его
 красотою
 Такъ былъ плѣсень, что, умъ потерявши,
 въ горячія щeki
 Началъ его цѣловать; и въ эту минуту
 затмилася
 Память его, и онъ позабылъ о Марьѣ Ца-
 ревиѣ.
 Горе взяло ее. «Ты покинулъ меня, такъ
 и жить мнѣ
 Не зачѣмъ болѣ». И въ то же мгновенье
 изъ бѣлага камня
 Марья Царевна въ лазоревый цвѣтъ поле-
 вой превратилася.
 «Здѣсь у дороги останусь, авось мимохо-
 домъ затопчеть

Кто-нибудь въ землю меня», сказала она,
и росинки
Слезъ на листкахъ голубыхъ заблистали.
Дорогой въ то время
Шелъ старикъ; онъ цвѣтокъ голубой у
дороги увидѣлъ;
Иъжвой его красотою плѣнясь, осторожно
онъ вырылъ
Съ корнемъ его, и въ избушку свою не-
ренесъ, и въ корытце
Тамъ посадилъ и полилъ водой, и за ми-
лымъ цвѣточкомъ
Началъ ухаживать. Что же случилось? Съ
той самой минуты
Все не по-старому стало въ избушкѣ; чу-
десное что-то
Начало дѣяться въ ней: проснется ста-
рикъ—а въ избушкѣ
Все ужъ, какъ надобно, прибрано; нѣтъ
нигдѣ ни пылинки.
Въ полдень придетъ онъ домой—а обѣдъ
ужъ сострипанъ и чистой
Скатертью столъ ужъ накрытъ: садися, и
ѣшь на здоровье.
Онъ дивился, не зная, что подумать; ему
напоследокъ
Стало и страшно, и онъ у одной ворожейки
старушки
Началъ совѣта просить, что дѣлать. «А вотъ
что ты сдѣлай,—
Такъ отвѣчала ему ворожейка:—ветанъ ты
до первой
Рапней зари, пока нѣтухи не иропѣли, и
въ оба
Глаза гляди: что начнетъ въ избушкѣ
твоей шевелиться,
То ты вотъ этимъ платкомъ и накрой.
Что будетъ, увидишь.»
Цѣлую ночь напролетъ старикъ пролежалъ
на постелѣ,
Глазъ не смыкая. Заря занялася, и стало
въ избушкѣ
Видно, и виднѣтъ онъ вдругъ, что цвѣ-
токъ голубой встрепенуся,
Съ тонкаго стебля спорхнулъ и началъ
летать по избушкѣ;
Все между тѣмъ по мѣстамъ становилось,
повсюду сметалась

Пыль, и огонь разгорался изъ печуркѣ.
Проворно съ постели
Принялъ старикъ и накрылъ цвѣточекъ
платкомъ, и являлась
Вдругъ предъ глазами его красавица
Марья Царевна.
— Что ты сдѣлалъ? сказала она: зачѣмъ
возвратилъ ты
Жизнь мнѣ мою? Женихъ мой, Иванъ Ца-
ревичъ прекраснѣй,
Бросилъ меня, и я имъ забыта.—«Иванъ
твой Царевичъ
Женится пышче. Ужъ свадебный пиръ при-
готовленъ, и гости
Сѣхались все». — Заплакала горько
Марья Царевна;
Слезы потомъ отерла; потомъ, въ сара-
фанъ нарядившись,
Въ городъ крестьянкой пошла. Приходить
на царскую кухню;
Бѣгаютъ тамъ повара въ колпакахъ и
фартукахъ бѣлыхъ;
Шумъ, возня, стукотня. Вотъ Марья Ца-
ревна, приближась
Къ старшему повару, съ видомъ умиль-
нымъ и сладкимъ, какъ флейта,
Голосомъ молвила:—поваръ, голубчикъ, по-
слушай, позволь мнѣ
Свадебный снѣчь пирогъ для Ивана Царе-
вича.—Поваръ,
Занятый дѣломъ, съ досады хотѣлъ отрыз-
нуться; по слову
Замерло вдругъ у него на губахъ, когда
онъ увидѣлъ
Марью Царевну; и ей отвѣчалъ онъ съ
привѣтливимъ взглядомъ:
«Въ добрый часъ, дѣвица красавица; все,
что угодно,
Дѣлай; Ивану Царевичу самъ поднесу я
пирогъ твой.»
Вотъ пирогъ нечестенъ; а званые гости,
какъ должно,
Все ужъ сидятъ за столомъ и пируютъ,
Услужливый поваръ
Важно огромный пирогъ на узорномъ се-
ребряномъ блюдѣ
Ставитъ на столъ передъ самымъ Иваномъ
Царевичемъ; гости

Всѣ удивилсъ, увидя пирога. Но лишь
 только верхушку
 Срѣзалъ съ него Ивашъ Царевичъ—повое
 чудо!
 Снизый голубь съ бѣлой голубкой порхнули
 оттуда.
 Голубь по столу ходить; голубка за нимъ,
 и воркуеть:
 «Голубь, мой голубь, постой, не бѣги; обо
 мнѣ ты забудешь
 Такъ, какъ Ивашъ Царевичъ забылъ о
 Марьѣ Царевнѣ!»
 Ахнулъ Ивашъ Царевичъ, то слово голубки
 услышавъ;
 Онь вскочилъ, какъ безумный, и кинулся
 въ дверь, а за дверью
 Марья Царевна стоитъ ужъ и ждетъ. У
 крыльца же
 Конь вороной съ петрибѣня, осѣдланный,
 взнузданный, пляшетъ.
 Нечего медлить; поѣхалъ Ивашъ Царевичъ
 съ своею
 Марьей Царевной; ѣдутъ, да ѣдутъ, и вотъ
 пріѣзжаютъ
 Въ царство царя Берендея они. И царь и
 царица
 Приняли ихъ съ весельемъ такимъ, что
 такого веселья
 Видомъ не видано, слыхомъ не слыхано.
 Долго не стали
 Думать, честнымъ пиркомъ, да за свадебку;
 съѣхались гости,
 Свадѣбу сыграли; я тамъ былъ, тамъ медь
 я и пиво
 Пилъ; но усамъ текло, да въ ротъ не по-
 пало. И все тутъ.

СНЯЩАЯ ЦАРЕВНА.

сказка.

Жилъ былъ добрый царь Матвѣй;
 Жилъ съ царицею своею
 Онь въ согласіи много лѣтъ;
 А дѣтей все нѣтъ, какъ нѣтъ
 Разъ царица на лугу,
 На зеленомъ берегу
 Ручейка была одна;
 Горько плакала она.
 Вдругъ, глядитъ, ползеть къ ней ракъ;
 Онь сказалъ царицѣ такъ:

—Мнѣ тебя, царица, жаль;
 Но забудь свою печаль;
 Понесешь ты въ эту ночь:
 У тебя родится дочь.—
 «Благодарствуй, добрый ракъ;
 «Не ждала тебя никакъ...»
 Но ужъ ракъ уползъ въ ручей,
 Не слыхавъ ея рѣчей.
 Онь конечно былъ пророкъ,
 Что сказалъ, сбылося въ срокъ:
 Дочь царица родила.
 Дочь прекрасна такъ была,
 Что ни въ сказкѣ разсказать,
 Ни перомъ не описать.
 Вотъ царемъ Матвѣемъ пиръ
 Знатный данъ на цѣлый мѣръ;
 И на пиръ веселый тотъ
 Царь одиннадцать зоветъ
 Чародѣй молодыхъ;
 Было жъ всѣхъ двѣнадцать ихъ;
 Но двѣнадцатою одною,
 Хромомогою, старою, злою,
 Царь на праздникъ не позвалъ.
 Отчего жъ такъ оплошалъ
 Напгъ разумный царь Матвѣй?
 Было то обидно ей.
 Такъ, но есть причина тутъ:
 У царя двѣнадцать блюдь
 Драгоцѣнныхъ, золотыхъ
 Было въ царскихъ кладовыхъ;
 Приготовили обѣдъ;
 А двѣнадцатаго пѣгъ
 (Кѣмъ—украдено оно,
 Знать объ этомъ не дано).
 «Что жъ тутъ дѣлать? Царь сказалъ,
 Такъ и быть!» И не послалъ
 Онь на пиръ старухи звать.
 Собралися пировать
 Гости, званныя царемъ;
 Пили, ѣли, а потомъ,
 Хлѣбосольнаго царя
 За пріемъ благодаря,
 Стали дочь его дарить:
 «Будешь въ золотѣ ходить;
 «Будешь чудо красоты;
 «Будешь всемъ на радость ты
 «Благоправна и тиха;
 «Дамъ красавца жениха
 «Я тебѣ, мое дитя;

«Жизнь твоя пройдетъ шута,
 «Межъ знакомыхъ и родныхъ...»
 Словомъ, десять молодыхъ
 Чародѣекъ, одаривъ
 Такъ дитя панперерывъ,
 Удалились; въ свой чередъ
 И послѣдняя идетъ;
 Но еще она сказать
 Не успѣла слова—глядь!
 А незваная стоитъ
 Надъ царевной и ворчить:
 «На пиру я не была,
 «По подарокъ принесла:
 «На шестнадцатомъ году
 «Повстрѣчаешь ты бѣду;
 «Въ этомъ возрастѣ своемъ
 «Руку ты веретеню
 «Оцарапаешь, мой свѣтъ,
 «И умрешь во цвѣтѣ лѣтъ!»
 Проворчавши такъ, тотчасъ
 Вѣдма скрылася изъ глазъ:
 Но оставшаяся тамъ
 Рѣчь домовила: «не дамъ
 «Безъ пути ругаться ей
 «Надъ царевною моею;
 «Будетъ то не смерть, а сонъ;
 «Триста лѣтъ продлится онъ;
 «Срокъ назначенный пройдетъ,
 «И царевна оживетъ;
 «Будешь долго въ свѣтѣ жить:
 «Будутъ внуки веселить
 «Вмѣстѣ съ нею мать, отца
 «До земного ихъ конца».
 Скрылася гостья. Царь груститъ;
 Онъ не ѣсть, не пьетъ, не спитъ:
 Какъ отъ смерти дочь спасти?
 И, бѣду чтобъ отвести,
 Онъ даетъ такой указъ:
 «Запрещается отъ насъ
 «Въ нашемъ царствѣ сѣять лень
 «Прясть, сушить, чтобъ веретень
 «Духу не было въ домахъ:
 «Чтобъ скорѣй, какъ можно, пряхъ
 «Всѣхъ изъ царства выслать вонъ».
 Царь, издавъ такой законъ,
 Началъ пить и ѣсть и спать,
 Началъ жить да поживать,
 Какъ дотошъ, безъ заботъ.
 Дни проходятъ; дочь растетъ;

Расцвѣла, какъ майскій цвѣтъ;
 Вотъ ужъ ей пятнадцать лѣтъ...
 Что-то, что-то будетъ съ ней!
 Разъ съ царицею своею
 Царь отправляетъ гулять;
 Но съ собою царевну взять
 Не случилось имъ; она
 Вдругъ соскучилась одна
 Въ душиной горничнѣ сидѣть
 И на свѣтъ въ окно глядѣть.
 Дай, сказала наконецъ,
 Осмотрю я нашъ дворецъ.
 По дворцу она пошла:
 Пышныхъ комнатъ нѣтъ числа;
 Всѣмъ любитъ она;
 Вотъ, глядитъ, отворена
 Дверь въ покои; въ покоѣ томъ
 Вьется лѣтница винтомъ
 Вкругъ столба; по ступенямъ
 Выходитъ вверхъ, и видитъ тамъ,
 Старушонка сидитъ;
 Гребень подъ носомъ торчитъ;
 Старушонка прядетъ
 И за пряжею поетъ:
 «Веретеню, не лѣнись;
 «Пряжа тонкая, не рвись;
 «Скоро будетъ въ добрый часъ
 «Гостья жданая у насъ».
 Гостья жданая вошла;
 Пряжа, молча, подала
 Въ руки ей веретено;
 Та взяла, и въ мигъ оно
 Укололо руку ей...
 Все исчезло изъ очей;
 На нее находить сонъ;
 Вмѣстѣ съ ней объемлетъ онъ
 Весь огромный царскій домъ;
 Все утихнуло кругомъ;
 Возвращаясь во дворецъ,
 На крыльцѣ ея отецъ
 Понагнулся и звнуль,
 И съ царицею заснулъ;
 Свита везъ за ними снитъ;
 Стража царская стоитъ
 Подъ ружьемъ въ глубокомъ снѣ,
 И на снящемъ снитъ конѣ
 Передъ ней хоружій самъ;
 Неподвижно по стѣнамъ
 Мухи сонныя сидятъ;

У воротъ собаки спятъ;
 Въ стойлахъ, головы склонивъ,
 Пышны гривы опутивъ,
 Кони корму не ѣдятъ,
 Кони спомъ глубокимъ спятъ;
 Поваръ спитъ передъ огнемъ;
 И огонь, объятый спомъ,
 Не пылаеть, не горитъ,
 Соннымъ пламенемъ стоитъ;
 И не тронется пады нимъ,
 Свившися клубомъ, сонный дымъ;
 И окрестность со дворцомъ
 Вся объята мертвымъ спомъ:
 И покрылъ окрестность боръ:
 Изъ терновника заборъ
 Дикій боръ тотъ окружилъ;
 Онъ навѣкъ загородилъ
 Къ дому царскому пути:
 Долго, долго не найти
 Никому туда слѣда—
 И приблизиться бѣда!
 Птица тамъ не пролетитъ,
 Близко звѣрь не пробѣжитъ,
 Даже облака небесъ
 На дремучій, темный лѣсъ
 Не навѣтетъ вѣтерокъ.
 Вотъ ужъ полный вѣкъ протѣкъ:
 Словно не жилъ царь Матвѣй—
 Такъ изъ памяти людей
 Онъ изгладился давно;
 Знали только то одно,
 Что средь бора домъ стоитъ,
 Что царевна въ домѣ спитъ,
 Что проспавъ ей триста лѣтъ,
 Что теперь къ ней слѣду нѣтъ.
 Много было смѣльчаковъ
 (По сказанью стариковъ),
 Въ лѣсъ брались они сходить,
 Чтوبъ царевну разбудить;
 Даже бились объ закладъ,
 И ходили—но назадъ
 Не пришелъ никто. Съ тѣхъ поръ
 Въ неприступный, страшный боръ
 Ни старикъ, ни молодой,
 За царевной ни погой.
 Время жъ все текло, текло;
 Вотъ и триста лѣтъ прошло.
 Что жъ случилось? Въ одинъ
 Дель весенній, царскій сынъ,

Забавляясь ловлей, тамъ
 По долинамъ, по полямъ
 Съ свитой ловчихъ разбѣзжалъ.
 Вотъ отъ свиты онъ отсталъ;
 И у бора вдругъ одинъ
 Очутился царскій сынъ.
 Боръ, онъ видитъ, темень, дикъ.
 Съ нимъ встрѣчается старикъ.
 Съ старикомъ онъ въ разговоръ:
 «Разскажи про этотъ боръ
 «Мигъ, старинушка честной!»
 Покачавши головой,
 Все старикъ тутъ разсказалъ,
 Что отъ дѣдовъ онъ слышалъ
 О чудесномъ борѣ томъ:
 Какъ богатый царскій домъ
 Въ немъ давнымъ-давно стоитъ,
 Какъ царевна въ домѣ спитъ,
 Какъ ея чудесенъ сонъ,
 Какъ три вѣка длится онъ,
 Какъ во снѣ царевна ждетъ.
 Что спаситель къ ней придетъ;
 Какъ опасны въ лѣсъ пути,
 Какъ пыталася дойти
 До царевны молодежь
 Какъ со всякимъ то жъ, да то жъ
 Приключалось: понадалъ
 Въ лѣсъ, да тамъ и погибалъ.
 Былъ дѣтина удалой,
 Царскій сынъ; отъ сказки той
 Всныхнулъ онъ, какъ отъ огня;
 Шпоры втиснулъ онъ въ коня;
 Прынулъ копь отъ острыхъ шпору
 И стрѣлой помчался въ боръ,
 И въ одно мгновенье тамъ.
 Что жъ явилося очамъ
 Сына царскаго? Заборъ,
 Ограждавшій темный боръ,
 Не терновникъ ужъ густой,
 Но кустарникъ молодой;
 Блещутъ розы по кустамъ;
 Передъ витяземъ онъ самъ
 Разгулился, какъ живой;
 Въ лѣсъ вѣзжаетъ витязъ мой:
 Все свѣжо, красно предъ нимъ;
 По цвѣточкамъ молодымъ
 Пляшутъ, блещутъ мотыльки;
 Свѣтлой змѣйкой ручейки
 Выются, пѣнятся, журчатъ;

Птицы прыгають, шумятъ
 Въ густотѣ вѣтвей живыхъ;
 Ась душнеть, прохладенъ, тихъ,
 И ничто не страшно въ немъ.
 Ѳдетъ гладкимъ онъ путемъ
 Часъ, другой; вотъ наконецъ
 Передъ нимъ стоитъ дворецъ,
 Зданье—чудо старины;
 Ворота отворены;
 Въ ворота въѣзжаетъ онъ;
 На дворѣ встрѣчаетъ онъ
 Тьму людей, и каждый спитъ:
 Тотъ, какъ вкопанный сидитъ;
 Тотъ, не двигаясь, идетъ;
 Тотъ стоитъ, раскрывши ротъ,
 Сномъ пресѣкъ разговоръ,
 И въ устахъ молчитъ съ тѣхъ поръ
 Недоконченная рѣчь;
 Тотъ, вздремавъ, когда-то лечь
 Собрался, но не успѣлъ:
 Сонъ *волшебный* овладѣлъ.
 Прежде сна *простого* имъ;
 И три вѣка недвижимъ,
 Не стоитъ онъ, не лежитъ,
 И, унасть готовый, спитъ.
 Изумлещъ и пораженъ
 Царскій сынъ. Проходитъ онъ
 Между сонными къ дворцу;
 Приближается къ крыльцу;
 По широкимъ ступенямъ
 Хочетъ вверхъ идти; но тамъ
 На ступеняхъ царь лежитъ
 И съ царицей вмѣстѣ спитъ.
 Путь наверхъ загороженъ.
 Какъ же быть? подумать онъ,
 Гдѣ пробраться во дворецъ?
 Но рѣшился наконецъ,
 И, молитву сотворя,
 Онъ шагнулъ черезъ царя.
 Весь дворецъ обходить онъ:
 Цышно все, но всюду сонъ,
 Гробовая тишина.
 Вдругъ глядитъ: отворена
 Дверь въ покой; въ покоѣ томъ
 Вьется лѣтница виномъ
 Вкругъ стола; но ступенямъ
 Онъ взомель. И что же тамъ?
 Вся душа его кипитъ,
 Передъ нимъ царица спитъ.

Какъ дитя, лежитъ она,
 Распылалася отъ сна;
 Молодъ цвѣтъ ея ланить:
 Межъ рѣсницами блеститъ
 Пламя сочное очей;
 Ночи темныя темнѣй,
 Заплетенные косой
 Вудри черной полосой
 Обвилась кругомъ чела;
 Грудь, какъ свѣжій снѣгъ, бѣла;
 На воздушный, тонкій стапъ
 Брошенъ легкій сарафанъ;
 Губки алыя горятъ;
 Руки бѣлыя лежатъ
 На трепещущихъ грудяхъ;
 Сжаты въ легкихъ сапожкахъ
 Ножки—чудо красотой.
 Видомъ прелести такой
 Отуманенъ, распаленъ,
 Неподвижно смотреть онъ;
 Неподвижно спитъ она.
 Что жъ разрушить силу сна?
 Вотъ, чтобъ душу насладить,
 Чтобъ хоть мало утолить
 Жадность пламенныхъ очей,
 На колѣи ставши, къ ней
 Онъ приблизился лицомъ:
 Распалительнымъ огнемъ
 Жарко рдѣющихъ ланить
 И дыханьемъ усть облить,
 Онъ души не удержалъ
 И ее поцѣловалъ.
 Вмигъ проснулась она;
 И за нею вмигъ отъ сна
 Поднялося все кругомъ;
 Царь, царица, царскій домъ;
 Снова говоръ, крикъ, возня;
 Все, какъ было; словно дня
 Не прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ сонъ
 Весь тотъ край былъ погруженъ.
 Царь на лѣтницу идетъ;
 Нагулявшись, ведетъ
 Онъ царицу въ ихъ покой;
 Сзади свита вся толпой;
 Стражи ружьями стучать;
 Мухи стаями летять;
 Приворотный застѣ несъ;
 На конюшнѣ свой овесъ
 Доѣдаетъ добрый конь;

Поварь дуетъ на огонь,
И треща огонь горить,
И струею дымъ бѣжить;
Все бывае: одинъ
Небывалый царскій сынъ.
Опъ съ царевной наконецъ
Сходить съ верху; мать, отецъ
Принялись ихъ обнимать.
Что жъ осталось досказать?
Свадьба, пирь, и я тамъ былъ,
И вино на свадьбѣ пилъ;
По усамъ вино бѣжало,
Въ ротъ же капли не попало.

РУССКАЯ ПѢСНЬ

НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ.

[НА ГОЛОСЪ «ГРОМЪ ПОБѢДЫ РАЗДАВАЙСЯ!»].

Раздавайся громъ побѣды!
Пойте пѣсню старины:
Бились храбро наши дѣды;
Бьются храбро ихъ сыны.

Пробуждай, вражда, измѣну!
Подымай знамена, бунтъ!
Не прорвать вамъ нашу стѣну,
Нашъ желѣзный русскій фронтъ!

Мы подъ тѣми же орлами;
Тѣ же съ нами знамена;
Ляхъ, бунгующій предъ нами,
Иомните русскихъ имена.

Гдѣ вы? гдѣ вы? Строемъ станьте!
Просить боя русскій крикъ.
Въ стѣну слейтесь, тучей гряньте,
Грудь на грудь и штыкъ на штыкъ.

Нѣтъ врага... но здѣсь Варшава!
Развернися, русскій станъ!
Братья, слышите ли? Слава!
Бьетъ на приступъ барабанъ.

Съ Богомъ! Часъ ударилъ рока,
Часъ ожиданный давно.
Сборъ гремитъ—а издалека
Русь кричить: Бородино!

Чу! какъ пламенные тромбы,
Поднялися и летятъ
Наши метательныя бомбы
На кипяцій бунтомъ градъ.

Что намъ ваши палисады!

Здѣсь не нужно лѣтвицъ намъ!
Мы штыки возвѣмъ въ ограды
И взберемся по штыкамъ.

Спи во гробѣ, Забалканскій!
Честь тебѣ! Стамбулъ дрожалъ!
Путь твой кончили Эриванскій,
И на грудь Варшавы сталъ.

«Эриванскій! князь Варшавы!»
Кликъ одинъ во всѣхъ устахъ.
О, какъ много русской славы
Въ сихъ волшебныхъ именахъ!

За Араксомъ наши грани;
Арарата чудный плѣтъ,
И орлы средь Эривани,
И разгромъ варшавскихъ стѣтъ.

Споръ рѣшенъ! дана управа!
Нала бунта голова!
И святая наша слава,
Слава русская жива!

Соберитесь подъ знамена,
Братья, долгъ свой сотвора!
Возгласите славу трона,
И поздравьте съ ней царя.

На него надежна вѣра:
Въ мирный часъ—онъ въ душу льетъ
Пламень чистаго примѣра;
Въ часъ бѣды—онъ самъ впередъ!

Славу, взятую отцами,
Сбережетъ онъ царски намъ,
И съ своими сыновьями
Нашимъ дастъ ее сынамъ.

РУССКАЯ СЛАВА.

Святая Русь, славянъ могучій родъ,
Сколь велика, сильна твоя держава!
Какимъ путемъ пробился твой народъ!
Въ какихъ бояхъ твоя созрѣла слава!

Призвалъ варяга славянинъ;
Пошли гулять ихъ буйныя рати;
Кругомъ руля полныхъ братьевъ
Взревѣлъ испуганный Эвкесинъ...
Но вышелъ Святославъ сынъ,
И поднялъ знамя благодати.

Была пора: губительный раздоръ
Вездѣ леталъ съ хоругвью кровавой;

За нѣмъ воелѣдъ бѣжали гладъ и морь;
Разбой, грабежъ и мщенье были славою;
Отъ русскихъ русскихъ кровь текла;
Губилъ половчанинъ безъ страха;
Лежали грады кучей праха;
И Русь бѣдою поросла...
Но Русь въ бѣдѣ крѣпка была
Душой великой Мономаха.

Была пора: татаринъ злой шагнулъ
Черезъ рубежъ хранительныя Болги;
Погибло все; народъ, терпя, согнулъ
Главу подъ стыдъ мучительный и долгій!
Безчестнымъ Русь давая ярмомъ,
Баскакъ посился въ край пизя края;
Катилась въ прахъ глава святая
Князей подъ ханскимъ топоромъ...
Но встала Русь передъ врагомъ.
И битва грянула Донская.

Была пора: коварный, вражій ляхъ
На русскій тронъ накликалъ Самозванца;
Загребилъ все; и Русь въ его цѣпяхъ,
Въ царя позвать дерзнула чужестранца;
Зачахла русская земля;
Вѣй ляхъ напомнилъ плѣнь татарскій;
И брошенъ былъ вѣнецъ пашъ царскій
Къ ногамъ презрѣннымъ короля...
Но крикнулъ Мининъ, и съ Кремля
Ихъ опрокинулъ князь Пожарскій.

Была пора: привелъ къ намъ рати шведъ;
Предъ горестью ихъ бѣжали мы толпами;
Жестка далась наука намъ цобѣдъ;
Купили ихъ мы нашими костями;
То трудная была пора:
Пришлецъ и бунтовщикъ лукавый
Хвалились вырвать знамя славы
Изъ рукъ могучаго Петра...
Но дало русское ура!
Отвѣтъ имъ съ пушками Полтавы.

Была пора: Екатерининъ вѣкъ.
Въ немъ ожила вся древней Руси слава,
Тѣ дни, когда громилъ Царьградъ Олеги,
И вылъ Дунай подъ лодкой Святослава.
Рымникъ, Чесма, Кагульскій бой,
Орды во градъ Леонида,
Возобновленная Таврида,
Депъ Измаила роковой,

И въ Прагѣ, кровью залитой,
Москвы отмщенная обида.

Была пора: была святая брань;
Отъ Запада узрѣли мы Батюга;
Народовъ тьмы прорвали нашу грань;
Пришлось поля отстаивать родныя;
Дошли къ намъ царскія слова,
И стала Русь стѣною трона;
Была то злая оборона:
Дрались за жизнь и за права...
Но загорѣлася Москва,
И нѣтъ слѣдовъ Наполеона.

Пришла пора: чудяеъ, узрѣли насъ
И Арагаты, и Тавра великаны;
И близокъ былъ Стамбула смертный часъ:
Нашъ богатырь шагнулъ черезъ Балканы.
Знамена развернулъ мятежъ;
Насъ позвалъ ляхъ на ширь кровавый;
Но ширь былъ данъ на полъ славы,
Гдѣ слѣдъ нашъ памятенъ и свѣжъ...
И гости мира были тѣ жъ;
И та жъ была судьба Варшавы.

Трудна пора: война и грозный моръ
Царя и Русь отведую осадили;
Народъ въ бѣдѣ ударилъ къ бунту сборъ;
Мятежники знамена посрамилъ;
Явился ЦАРЬ: ихъ облилъ страхъ;
Губители одѣшенили.
Но гдѣ жъ ОНЪ самъ, предъ кѣмъ не смѣли
Они возрѣтъ, и пали въ прахъ?...
Новорожденный сынъ въ рукахъ!
Его несетъ ОНЪ къ колыбели.

Покойся въ ней, прекрасное дитя,
Хранимое святыней колыбели;
Ты Божій даръ: судьбину укротя,
Въ тебѣ съ небесъ къ намъ ангелы слетѣли.
Подъ грознымъ шумомъ бурныхъ дней
Спомъ непорочности почія,
Намъ времена являя иныя
Святою прелестью своей:
ОТЕЦЪ твой будетъ честь царей;
Возблагоденствуетъ Россія.

ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕКЪ.

СКАЗКА.

[ОТРЫВОКЪ].

Слушайте; я разскажу вамъ, друзья, про
мышей и лягушекъ.

Сказка ложь, а пѣсня былъ, говорятъ
 намъ; но въ этой
 Сказкѣ моей найдется и правда. Милости
 жъ просимъ
 Тѣхъ, кто охотникъ въ досужный часокъ
 пошутить, посмѣяться,
 Сказки послушать; а тѣхъ, кто любить
 смотрѣть исподлобья,
 Всякую шутку считая за грѣхъ, мы про-
 симъ покорно
 Къ намъ не ходить, и дома сидѣть, да
 высиживать скуку.
 Было прекрасное майское утро. Квакунъ
 двадцатый,
 Царь знаменитой породы, властитель ближ-
 ней трясины,
 Вышелъ изъ мокрой столицы своей, окру-
 женный блестящей
 Свигой придворныхъ. Вирипрыжку они
 взобрались на пригорокъ,
 Сочной травой покрытый, и тамъ, на
 кочкѣ усѣвшись,
 Царь приказалъ изъ толпы его окружа-
 шихъ почетныхъ
 Стражей вызвать бойцовъ, чтобъ его,
 царя, забавляли
 Боемъ кулачнымъ. Вышли бойцы; нача-
 лося; ужъ много
 Было лягушечьихъ мордъ царю въ уго-
 ждѣнье разбито;
 Царь хохоталъ; отъ смѣха придворная
 квакала свита
 Велѣдъ за его величествомъ; солнце
 взошло ужъ на полдень.
 Вдругъ изъ кустовъ молодецъ въ пре-
 красной бѣленькой шубкѣ,
 Съ тоненькимъ хвостикомъ, острымъ, какъ
 стрѣлка, на тоненькихъ ножкахъ
 Выскочилъ; слѣдомъ за нимъ четыре
 такихъ же, по въ шубахъ
 Дымнаго цвѣта. Рысцой они подбѣжали
 къ болоту.
 Бѣлая шубка, носикъ въ болото уткнувъ,
 и поднявши
 Правую ножку, началъ воду тянуть, и,
 казалось,
 Былъ для него тотъ напитокъ пріятнѣе
 меда; голову

Часто онъ вверху подымалъ, и вода съ
 усаатаго рыльца
 Мелкимъ бисеромъ падала; вдоволь на-
 пившись и лапкой
 Рыльце обтерши, сказала онъ: «какое раз-
 долье студеной
 Выпить воды, утомившись отъ зноя!
 Теперь понимаю
 То, что чувствовалъ Дарій, когда онъ,
 въ бѣгствѣ изъ мутной
 Лужи напившись, сказала: я не знаю
 вкуснѣе напитка!»
 Эти слова одна изъ лягушекъ подслушала:
 тотчасъ
 Скачетъ она съ допесепьемъ къ царю:
 изъ лѣса де вышла
 Пять какихъ-то звѣрковъ, съ усами ту-
 ренскими, уши
 Длинные, хвостики острые, лапки какъ
 руки; въ осеку
 Всѣ они побѣжали п царскую воду въ
 болотѣ
 Пьютъ. А кто и откуда они, неизвѣстно.
 Съ десяткомъ
 Стражей Квакунъ посылаетъ хорунжаго
 Пышку, провѣдать,
 Кто незваные гости; когда неприятелю,
 взять ихъ,
 Если дадутся, когда же сосѣди, пришед-
 шіе съ миромъ,
 Дружески ихъ пригласить къ царю на
 бесѣду. Сошедши
 Пышка съ холма и увидя гостей, въ
 минуту узналъ ихъ:
 «Это мыши; неважное дѣло! Но мнѣ не
 случилось
 Бѣлыхъ межъ ними видать, и это мнѣ
 чудно. Смотрите жъ,—
 Спутникамъ тутъ онъ сказалъ:—никого
 не обидѣть. Я съ ними
 Самъ на словахъ объяснюся. Увидимъ,
 что скажетъ мнѣ бѣлый.»
 Бѣлый межъ тѣмъ съ удивленьемъ вели-
 кимъ смотрѣлъ, приподнявши
 Уши, на скачущихъ прямо къ нему съ
 пригорка лягушекъ;
 Слуги его хотѣли бѣжать, но онъ удер-
 жавъ ихъ,

Выступилъ бодро впередъ и ждалъ ска-
куновъ; и какъ скоро
Пышка съ своими къ болоту приблизился:
«здравствуй, почтенный
Вопишь,—сказалъ онъ ему:—прошу не взы-
скать, что безъ спросу
Вашей воды напилися я; мы всё отъ
охоты устали:
Въ это же время здѣсь никого не нашлось:
благодарны
Очень мы вамъ за прекрасный напитокъ;
и сами готовы
Равнымъ добромъ за ваше добро запла-
тить: благодарность
Есть добродѣтель возвышенныхъ душъ.»
Удивленный такую
Умною рѣчью, отвѣтствовалъ Пышка:
—милости просимъ
Къ намъ, благородные гости; нашъ царь,
о прибытіи вашемъ
Свѣдавъ, весьма любопытенъ узнать:
откуда вы родомъ,
Кто вы, и какъ васъ зовутъ. Я посланъ
сюда пригласить васъ
Съ нимъ на бесѣду. Рады мы очень, что
вамъ показала
Наша по вкусу вода: а платы не тре-
буемъ; воду
Создалъ Господь для всѣхъ на потребу,
какъ воздухъ и солнце.—
Бѣлая шубка учтиво отвѣтствовалъ: «цар-
ская воля
Будеть исполнена; радъ я къ его вели-
честву съ вами
Вмѣстѣ пойти, но только сухимъ путемъ,
не водою;
Плавать я не умѣю; я царскій сынъ и
наслѣдникъ
Царства мышьяго.» Въ это мгновение,
спустившись съ пригорка,
Царь Квакунъ со свитой своею прибли-
жался. Царевичъ
Бѣлая - шубка, увидя царя съ такою
толпою,
Нѣсколько струсилъ: ибо не вѣдалъ,
доброе ль, злое ль
Было у нихъ на умѣ. Квакунъ отличался
зеленымъ
Платьемъ, глаза на-выкатъ сверкали, какъ
звѣзды, и нузомъ
Громко онъ, прядая, шлепалъ. Царевичъ
Бѣлая-шубка,
Вспомнивши, кто онъ, робость свою побѣ-
дилъ. Величаво
Онъ поклонился царю Квакуну. А царь
благодарно
Ланку подавши ему, сказалъ:—любезному
гостю
Очень мы рады; садись, отдохни; ты изъ
дальняго, вѣрно,
Брая: ибо до сихъ поръ тебя намъ видать
не случалось.—
Бѣлая-шубка, царю поклоняся опять, на
зеленой
Травкѣ усѣлся съ нимъ рядомъ; а царь
продолжалъ:—разекажи намъ
Кто ты? кто твой отецъ? кто мать? и
откуда пришелъ къ намъ?
Здѣсь мы тебя угостимъ дружельюбно,
когда не таяся
Правду всю скажешь: я царь и много
имѣю богатства;
Будеть намъ сладко почтить дорогого
гостя дарами.—
«Нѣтъ никакой мнѣ причины,— отвѣтство-
валъ Бѣлая-шубка:—
Царь-Гоеударъ, утаивать истину. Самъ я
породы
Царской, весьма на землѣ знаменитой,
отецъ мой изъ дома
Древнихъ воипетвенныхъ Вубликовъ, царь
Долгохвость Припарій
Третій; владѣть нягтю чердаками, на-
слѣдїемъ славныхъ
Предковъ, по область свою онъ самъ рас-
ширилъ войнами:
Три подюля, одинъ амбаръ, и двѣ трети
ветчины
Онъ покоришь, побѣдивши соедѣнныхъ
царей; а въ супруги
Взявши царевну Прасковью - Нискунюю
бѣлую-шкурку,
Цѣлый овинъ получилъ онъ за нею въ
приданое. Въ свѣтъ
Нѣтъ подобнаго царства. Я сынъ царя
Долгохвоста,

Петръ Долгохвость, по прозванію *Хватъ*.
 Былъ я воспитанъ
 Въ нашемъ столичномъ подпольѣ премуд-
 рымъ Онуфріемъ крысой.
 Мастеръ я рыться въ мукѣ, таскать
 орѣхи; вскрываюсь
 Въ сырѣ, и множество книгъ ужъ изгрызъ,
 любя просвѣщеніе.
 Хватомъ же прозванъ я вотъ за какое
 смѣлое дѣло:
 Разъ случилось, что множество насъ,
 молодыхъ мышениatokъ,
 Въгало по полю взапуски; я, какъ
 шальной, раззадорясь,
 Вспрыгнулъ съ разбѣгу на льва, отды-
 хавшаго въ полѣ, и въ пышной
 Гривѣ запутался; левъ проснулся и лапой
 огромной
 Стиснулъ меня; я подумалъ, что буду
 раздавленъ, какъ мошка.
 Съ духомъ собравшись, я высунулъ носъ
 изъ-подъ ланы;
 Левъ-государь, ему я сказалъ, миѣ и въ
 мысль не входило
 Милость твою оскорбить; пощади, не губи;
 неровенъ часть,
 Самъ я тебѣ пригожуся. Левъ улыбнулся
 (конечно
 Онъ ужъ покушать успѣлъ) и сказалъ
 миѣ: «ты, вижу, забавникъ.
 Льву услужить ты задумалъ—добро, мы
 посмотримъ, какую
 Милость окажешь ты намъ? Ступай».
 Тогда онъ раздвинулъ
 Лапу; а я давай Богъ поги; но вотъ что
 случилось:
 Дня не прошло, какъ все мы испуганы
 были въ подпольяхъ
 Нашихъ лвынымъ рыканьемъ: смутилась,
 какъ будто отъ бури,
 Вся сторона; я не струсѣлъ; выбѣжалъ
 въ поле, и что же
 Въ полѣ увидѣлъ? Царь Левъ, запутав-
 шись въ крѣпкихъ тенетахъ,
 Мечется, бьется, какъ бѣшенный; кровью
 глаза напшился;
 Лапами рветъ онъ веревки, зубами гры-
 зеть ихъ; и было

Все то напрасно; лишь болѣ себя онъ
 запутывалъ.—Видишь,
 Левъ-государь, сказалъ я ему, что и я
 пригодился.
 Будь спокоенъ; въ минуту тебя мы изба-
 вимъ.—И точнось
 Созвалъ я дюжину ловкихъ мышатъ; при-
 пияли мы работать
 Зубомъ; узлы перегрызли тенеть, и левъ
 распутался.
 Важно кивнувъ головою косматою и насъ
 допустивши
 Къ царской ланѣ своей, онъ гриву рас-
 правилъ, ударилъ
 Сильнымъ хвостомъ по бедрамъ и въ три
 прыжка очутился
 Въ ближнемъ лѣсу, гдѣ вмигъ и про-
 налъ. По этому дѣлу
 Прозванъ я *Хватомъ*, и славу свою
 поддержать я стараюсь;
 Страшнаго цѣть для меня ничего; я знаю,
 что смѣлымъ
 Богъ владѣеть. Но должно однако при-
 знаться, что всюду
 Здѣсь мы встрѣчаемъ опасность; такъ
 Богъ ужъ землю устроилъ.
 Все здѣсь воюеть: съ травою овца, съ
 овцою голодный
 Волкъ, собака съ волкомъ, съ собакой
 медвѣдь, а съ медвѣдемъ
 Левъ; человекъ же и льва, и медвѣдя,
 и всѣхъ побѣждаетъ.
 Такъ и у насъ, отважныхъ мышей, есть
 много опасныхъ
 Сильныхъ гонителей: совы, ласточки,
 кошки, а всѣхъ ихъ
 Злѣе козни людскія. И тяжело подчасъ
 намъ приходиться.
 Я однако спокоенъ; я помню, что миѣ
 мой наставникъ
 Мудрый, крыса Онуфрій, твердилъ: бѣды
 насъ смиренью
 Учатъ. Съ вѣрой такую ничто не бѣда.
 Я доволенъ
 Тѣмъ, что имѣю: счастію радъ, а въ не-
 счастьяхъ не хмурюсь.»
 Царь Квакушъ со вниманіемъ слушалъ
 Петра Долгохвоста.

—Гость дорогой,—сказалъ онъ ему:—признаешь откровенно: Столь разумныя рѣчи меня въ изумленье приводятъ. Мудрость такая, въ такія цвѣтущія лѣта! Миѣ сладко слушать тебя: и пріятность, и польза! Теперь опиши миѣ То, что случалось когда съ мышиннымъ вашимъ народомъ, Что отъ враговъ вы терпѣли, и съ кѣмъ, когда воевали.— «Долженъ я прежде о томъ разсказать, какія намъ козни Строить нашъ хитрый, двуногій злодѣй, человекъ. Онъ ужасно Жаденъ; онъ хотеть всю землю заграбить одинъ, и съ мышами Въ вѣчной враждѣ. Не исчислить всѣхъ выдумокъ хитрыхъ, какими Наше онъ племя избытъ замышляетъ. Вотъ напримѣръ, онъ Домикъ затѣялъ построить: два входа, широкій и узкій; Узкій задѣланъ рѣшеткой; широкій съ подъемною дверью. Домикъ онъ этотъ поставилъ у самаго входа въ подполье. Намъ же сдуру на мысли взбрело, что, поладить Съ нами желая, для насъ учредилъ онъ гостиницу. Жирный Кусъ ветчины тамъ висѣлъ и манилъ насъ; вотъ цѣлый десятокъ Смѣлыхъ охотниковъ вызвались; въ домикъ забраться, безъ платы Въ немъ отобѣдать и вѣрныя вѣсти приносить намъ. Входятъ они, по только — что начали дружно всячій Кусъ ветчины тормозить, какъ подъемная дверь съ превеликимъ Стукомъ упала и всѣхъ ихъ захолинула. Тутъ поразило Страшное зрѣлище насъ: увидѣли мы, какъ злодѣи Нашихъ героевъ таскали за хвостъ и въ воду бросали.

Всѣ они пали жертвой любви къ ветчинѣ и къ отчизнѣ. Было нѣчто и хуже. Двуногій злодѣй наготовилъ Множество вкусныхъ для насъ приправъ, и расклатъ ихъ, Словно какъ добрый, по всѣмъ закоулкамъ; народъ нашъ Очень довѣрчивъ и вѣтренъ; мы лакомки; Вся молодежь на добычу. Но что же случилось? Объ этомъ Вспомнить, морозъ подираетъ по кожѣ! Открылся въ подпольѣ Моръ: отравой злодѣй угостилъ насъ. Какъ будто шальные Съ пиру пришли удалцы: глаза на-выкатъ, разинувъ Рты, умирая отъ жажды, взадъ и впередъ по подполью Вбѣгали съ пискомъ они, родныхъ, друзей и знакомыхъ обезснѣвъ, Все попадали мертвые ланками вверхъ; запустѣла Цѣлая область отъ этой бѣды; отъ ужаснаго смрада Труновъ ушли мы въ другое подполье, и край нашъ родимый Надолго былъ обезмышенъ. Но главное бѣдствіе наше Нынѣ въ томъ, что губитель двуногій крѣпко сдружился Намъ ко вреду съ сибирскимъ котомъ, Ѳедотомъ Мурлыкой. Кошачій родъ давно враждуетъ съ мышиннымъ. Но этотъ Хитрый когище Ѳедотъ Мурлыка для насъ наказанье Божіе. Вотъ какъ я съ нимъ познакомился. Глухимъ мышонкомъ Былъ я еще и не зналъ ничего. И миѣ захотѣлось Вылеузить носъ изъ подполья. Но мать царица Прасковья Съ крысой Онуфриемъ крѣпко пакрѣпко миѣ запретили

Норку мою покидать; но я не послушался,
 въ щелку
 Выглянулъ: вижу камень высланный
 дворъ; освѣщало
 Солнце его, и окна огромнаго дома свѣ-
 тились;
 Птицы летали и пѣли. Глаза у меня раз-
 бѣжались.
 Выйти не смѣя, смотрю я изъ щелки и
 вижу на дальнемъ
 Краѣ двора звѣрекъ усатый, сизая
 шкурка,
 Розовый носъ, зеленые глазки, пушистыя
 уши,
 Тихо сидитъ и за птичками смотреть; а
 хвостикъ, какъ змѣйка,
 Такъ и виляетъ. Потому онъ своею бар-
 хатной лапкой
 Началъ усатое рыльце себѣ умывать.
 Облился
 Радостью сердце мое, и я ужъ собирался
 покинуть
 Щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ по-
 знакомиться. Вдругъ зашумѣло
 Что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и
 обмеръ. Какой-то
 Страшный уродъ ко мнѣ подходилъ;
 широко шагая,
 Черныя ноги свои подымалъ онъ, и когти
 кривые
 Съ острыми шпорами были на нихъ; на
 уродливой шеѣ
 Длинные косы висѣли змѣями; носъ
 крючковатый;
 Подъ носомъ трясся какой-то мохнатый
 мѣшокъ, и какъ будто
 Красный съ зубчатой верхушкой колпакъ,
 съ головы перегнувшись,
 По носу бился, а сзади какіе-то длин-
 ные крючья,
 Разнаго цвѣта, торчали снопомъ. Не
 успѣлъ я отъ страха
 Въ память придти, какъ съ обоихъ бо-
 ковъ поднялись у урода
 Словно какъ парусы, начали хлопать, и
 опъ, раздвоивши
 Острый носъ свой, такъ заоралъ, что
 меня какъ дубиной

Треснуло. Какъ приближалъ я назадъ въ
 подполье, не помню.
 Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что
 случилось со мною,
 Такъ и ахнулъ.—Тебя помиловалъ Богъ,—
 онъ сказалъ мнѣ:—
 Свѣчку ты долженъ поставить уроду,
 который такъ кетати
 Крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это
 нашъ добрый
 Сторожъ пѣтухъ; онъ горланъ и съ
 своими большою забяка;
 Намъ же, мышамъ, онъ приноситъ и пользу:
 когда закричитъ онъ,
 Знаемъ мы все, что прослушана наши
 враги; а пріятель,
 Такъ обольстившій тебя своей лицемѣр-
 ной харей,
 Былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй
 записной, объѣдало
 Котъ Мурлыка: хорошъ бы ты былъ,
 когда бы съ знакомствомъ
 Къ этому плуту подѣхалъ: тебя бы онъ
 порядкомъ погладилъ
 Бархатной лапкой своею; будь же впе-
 редь остороженъ.—
 Долго рассказывать мнѣ объ этомъ про-
 клятомъ Мурлыкѣ;
 Каждый день отъ него у насъ недочетъ.
 Расскажу я
 Только то, что случилось недавно. Раз-
 неся въ подпольѣ
 Слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши
 лазутчики сами
 Видѣли это глазами своими. Вскружи-
 лось подполье;
 Шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье,
 кувырканье, пляска—
 Словомъ, мы все одурѣли, и самъ мой
 Онуфрій премудрый
 Съ радости такъ напился, что подража
 съ царницей, и въ дракъ
 Хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и
 высѣченъ больно.
 Что же случилось потомъ? Не развѣдавши
 дѣла порядкомъ,
 Вздумали мы кога погребать, и надгроб-
 ное слово

Тотчас поспѣло. Его сочинилъ поэтъ
нашъ подпольный
Климъ, по прозванію Бѣшеный Хвостъ;
такое прозванье
Дали ему за то, что, стихи читая, всегда оупъ
Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ, какъ
маятникъ, стучалъ.
Все изготовивъ, отправилисе мы на
починки къ Мурлыкъ;
Вылѣзло множество насъ изъ подполья;
глядимъ мы, и виравду
Котъ Мурлыка въ ветчинѣ виситъ на
бревнѣ, и повѣшенъ
За ноги, мордою внизъ; оскалены зубы;
какъ палка
Вытянуть весь; и спина и хвостъ, и
переднія лапы
Словно какъ мерзлая; оба глаза глядятъ
не моргая.
Всѣ запищали мы хоромъ: «повѣшенъ Мур-
лыка, повѣшенъ
Котъ окаянный; довольно ты, котъ, по-
гулялъ; погуляемъ
Нынче и мы». И шесть смѣльчаковъ
тотчасъ взобралися
Вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины
лапы распутать, но лапы
Сами держались, котыми виблнвшисъ
въ бревно, а веревки
Не было тамъ никакой, и лишь только
къ нимъ прикоснулись
Наши ребята, какъ вдругъ распустилися
когти, и на полъ
Хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всѣ
по угламъ разбѣжались
Въ страхъ, и смотримъ, что будетъ.
Мурлыка лежитъ и не дышетъ,
Усъ не тронется, глазъ не моргнетъ;
мертвецъ—да и только.
Вотъ, ободряеъ, изъ угловъ мы къ нему
подступать понемногу
Начали; кто поемѣлѣе, тотъ дерпетъ за
хвостъ, да и тягу
Дастъ отъ него; тотъ лапкой ему угро-
зитъ; тотъ подразнитъ
Сзади его языкомъ; а кто еще поемѣлѣе,
Тотъ, подкравшисъ, хвостомъ въ носу у
него пощекочетъ,

Котъ ни съ мѣста, какъ пень.—Береги-
тесь,—тогда намъ сказала
Старая мышъ Степанида, которой Мур-
лыкины когти
Были знакомы (у ней оупъ весь задъ
ободралъ и наслу
Какъ-то она отъ него ушла),—береги-
тесь: Мурлыка
Старый мошенникъ; вѣдь оупъ вѣсѣлъ
безъ всеревки, а это
Знакъ недобрый; и шкурка цѣла у него.—
То услыша.
Громко мы всѣ заемѣялись.—Смѣйтесь,
чтобъ послѣ не плакать,—
Мышь Степанида сказала опять:—а я не
товарищъ
Вамъ.—И поспѣшно, созвавъ мышенятокъ
своихъ, убралася
Съ ними въ подполье она. А мы при-
пялисе, какъ шальные,
Прыгать, скакать и ката тормошить.
Наконецъ, поуѣтавши,
Всѣ мы усѣлисе въ кружокъ передъ
мордой его, и поэтъ нашъ
Климъ, по прозванію Бѣшеный Хвостъ,
на Мурлыкино пузо
Влѣзши, началъ оттуда читать намъ
надробное слово.
Мы же при каждомъ стихѣ хохотали; и
вотъ что пречелъ оупъ:
«Жилъ Мурлыка; былъ Мурлыка котъ
сибирскій,
«Ростъ богатырскій, сизая шкурка, усы
какъ у турка;
«Былъ оупъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ,
за то и повѣшенъ,
«Радуйся, наше подполье!»... Но только
усѣлъ проповѣдникъ
Это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ
покойникъ очнулся.
Мы бѣжать... Куда ты! пошла ужасная
травля.
Двадцать изъ насъ осталось на мѣстѣ,
а раненыхъ втрое
Болѣе было. Тотъ воротился съ ободра-
ннымъ пузомъ,
Тотъ безъ уха, другой съ отбѣденной
мордой; иному

Хвостъ былъ оторванъ; у многихъ такъ
страшно искусаны были
Спины, что шкурки мотались, какъ тряпки;
царицу Прасковью
Чуть успѣли въ пору уволочъ за заднія
лапки;
Царь Припарій спасся съ рубцомъ на
носу; но премудрый
Брыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ до-
стались Мураыкъ
Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился
пиръ нашъ бѣдоу.

КЪ ИВ. ИВ. ДМИТРИЕВУ.

Нѣтъ, не прошла, нѣвецъ нашъ вѣчно юный,
Твоя пора: твой гений бодръ и свѣжъ;
Ты пробудилъ давно молчавшии струны,
И звуки насъ плѣнили тѣ жъ.

Нѣтъ, никогда ничтожный прахъ забвенья
Твоимъ струнамъ коснуться не дерзнетъ:
Невидимо ихъ гений вдоховенья
Всегда крылатый стережетъ.

Державина струнамъ родныя, плѣли
Онѣ дѣла тѣхъ чудныхъ прошлыхъ лѣтъ,
Когда вездѣ мы битвами гремѣли,
И битвамъ тѣмъ дивился свѣтъ.

Ты намъ воспѣлъ: «какъ буйныя титаны,
«Смутившіе Астри нашей дни,
«Ея орломъ пизринуты, попранны;
«Въ прахъ! въ прахъ! рекла... и гдѣ они?»

И нынѣ то жъ, нѣвецъ двухъ поколѣній,
Подъ сѣдиной ты третьему поешь,
И намъ, твоихъ питомцамъ вдохновеній,
Въ часъ славы руку подаешь.

Я помню дни—магически мечтою
Былъ для меня тогда разубранъ свѣтъ—
Тогда, явись, сорвалъ передо мною
Покровъ съ поэзии поэтъ.

Съ задумчивымъ, безмолвнымъ умиленьемъ
Твой голосъ я подслушивалъ тогда,
И вопрошалъ судьбу мою съ волненьемъ:
«Настунитъ ли и мнѣ чреда?»

О! въ эти дни, какъ райское видѣнье,
Былъ съ нами онъ, теперь ужъ не земной,

Онъ, для меня живое Провидѣнье,
Онъ, съ юности товарищъ твой.

О! какъ при немъ все сердце разгоралось!
Какъ онъ для насъ всю землю украсалъ!
Въ младенческой душѣ его, казалось,
Небесный Ангель обиталъ...

Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;
Ей молитва Россіи вѣрный сынъ;
И будить въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ
Святое имя: Карамзинъ. [слы

А ты цвѣти, нѣвецъ, нашъ вдохновитель,
Младый душой подъ сѣтломъ старыхъ дней;
И долго будь намъ въ старости учитель,
Какъ былъ во младости своей.

ДВѢ ЗАГАДКИ.

I.

Не человѣчьими руками
Жемчужный разноцвѣтный мость
Изъ водъ построены пады водами.
Чудесный видъ! огромный ростъ!
Раскинувъ паруса шумящи,
Не разъ корабль подъ нимъ проплылъ;
Но на хребтѣ его блестящій
Еще никто не восходилъ!
Идешь къ нему—онъ прочь стремится,
И въ то же время недвижимъ;
Съ своимъ потокомъ онъ родится,
И вмѣстѣ исчезаетъ съ нимъ.

II.

На пажити необозримой,
Не убавляясь никогда,
Скитаются нечисленно
Серебрунныя стада.
Въ рожокъ серебряный играетъ
Настухъ, приставленный къ стадамъ;
Онъ ихъ въ златую дверь выпускаетъ,
И счетъ ведетъ имъ по ночамъ.
И недочета имъ не зная,
Насетъ онъ ихъ давно, давно;
Стада поить вода живая
И умирать имъ не дано.
Онъ одной дорогой бродятъ,
Подъ стражей пастырской руки,
И юноши ихъ тамъ находятъ,
Гдѣ находили старики.
У нихъ есть вождь—овенъ прекрасный;

Ихъ сторожить огромный *лесъ*;
Есть *левъ* межъ ними неопасный
И *два*—чудо изъ чудесъ.

ПРИХОДЪ ВЕСНЫ.

Зелень пивы, рощи лепеть,
Въ пѣбѣ жаворонка трепеть,
Теплый дождь, сверканье водъ,
Вась назвавши, что прибавить?
Чѣмъ пивымъ тебя прославить,
Жизнь души, весны приходъ?

П Ъ С Н Я.

Къ востоку, все къ востоку
Стремление земли—
Къ востоку, все къ востоку
Летить моя душа;
Далеко на востокъ,
За синевой гѣбовъ,
За синими горами
Прекрасная живеть.

И мнѣ въ разлукѣ съ нею
Все мнится, что она
Прекрасное преданье
Чудесной старины,
Что мнѣ она явилась
Когда-то въ древни дни,
Что мнѣ объ ней остался
Одинъ блаженный сонъ.

Въ долину къ пастырямъ смиреннымъ
Являлась каждою весной,
При первомъ жаворонковъ пѣньѣ,
Младая дѣва-красота.
Откуда гостя прилетела
И кто была—не знали тамъ.
Она, какъ милый сонъ, являлась,
Какъ милый пропала сонъ!
Одушевительная благодать
Ея—счастливила сердца,
Но видъ небесно-величавый
Благоговѣнье пробуждалъ.
И вѣкъ она цвѣты дарила,
Не обдѣляя никого;
Съдой старикъ и отрокъ юный
Вѣкъ милый получали даръ.
Когда случайно ей встрѣчалась

Чета любовниковъ младыхъ,
Имъ подавала, улыбаясь,
Она избранный лучший цвѣтъ...

П Ъ С Н Я.

Розы расцвѣтають—
Сердце, отдохни;
Скоро засіяютъ
Благодатны дни;
Все съ змой печальной
Грустное пройдетъ;
Сердце будетъ ясно;
Розою прекрасной
Счастье расцвѣтеть.

Розы расцвѣтають—
Сердце, уповай;
Есть, намъ обѣщавъ,
Гдѣ-то лучший край.
Вѣчно молодая
Тамъ весна живеть;
Тамъ, въ долинь рая
Жизнь для насъ иная
Розой расцвѣтеть.

Тропись, тропься, пробудись!
Милый мраморъ, оживись!
Образъ сладостный, безъ жизни—
Пламенѣи огнемъ души!..

Я на тебя съ тоской гляжу.
Въ груди огонь, въ душѣ молчанье.
Хочу сказать... Но что скажу?
О, другъ, пойми мое молчанье!
Тиха любовь къ тебѣ моя;
Она всѣхъ чувствъ успокоенье,
Хранитель-гений бытія,
Души надежда и спасенье.

Чего ты ждешь, мой трубадуръ?
Тебя невѣрная забыла.
Напрасно здѣсь ее искать:
Ея здѣсь нѣтъ, она далеко.
Навей на арфу китарисъ;
Увяла роза упованья;

Пой муку сердца и любви:
Ты, трубадуръ, навѣкъ безъ милой!

«Я позабыть! покинуть я!
Кому теперь на свѣтъ вѣрять?
Пойдемъ, пойдемъ въ кровавый бой:
Пускай паду на полъ чести.
Жить безъ псе, жить безъ любви —
Такая жизнь тяжелѣ смерти.
Пусть знаетъ свѣтъ, что трубадуръ
Погибъ съ тоски, погибъ отъ милой!»

ПѢСНЬ БЕДУНКИ.

Въ степь за мной послѣдуй, царь!
Трона тамъ ты не пайдешь,
Но пайдешь мою любовь,
И въ молодой моей груди
Сердце полное тобой!

Я твоя, когда твой взоръ

Для меня одной горитъ
Первымъ пламенемъ любви...
Будь чиста твоя любовь,
Какъ рождающійся ключъ.

Если жъ, царь, ты для меня
Сердце, вѣрное тебѣ,
Оскорбилъ и пренебрегъ...
Не ходи за мною въ степь!
Не муди моей души!

М Е Ч Т А.

Всѣмъ владѣеть обаяньемъ!
Все покорствуемъ ему!
Очарованнымъ покровомъ
Облачаетъ мѣръ оно;
Сей покровъ непроицаемъ
Для затменныхъ нашихъ глазъ;
Самъ спадетъ онъ. Съ уюваньемъ,
Смертный, жди, не испытай.

ПРИМѢЧАНИЯ.

На кончину ея величества королевы Виртембергской. [Элегія].

Вед. кн. *Екатерина Павловна* (1788—1819) была четвертою дочерью Павла Петровича и любимой сестрой импер. Александра I. Въ 1808 г. Франціей сдѣланы были дипломатическія предложенія о бракѣ великой княжны съ Наполеономъ; но предложенія эти были отклонены, по настоянію княжны, — и въ слѣдующемъ году Ек. Павловна вступила въ бракъ съ принцемъ Георгомъ Ольденбургскимъ. Екатерина Павловна вмѣстѣ съ мужемъ поселилась въ Твери, и здѣсь при ея дворѣ Карамзинъ читалъ императору Александру отрывки изъ своей *Исторіи*. По предложенію вел. княгини, Карамзинъ былъ напечатан и его знаменитая *Затѣска о Старой и Новой Россіи*, — которая Ек. Павловной была передана государю... Въ 1812 г. супругъ Екатерины Павловны скончался; спустя четыре года, въ 1816 г. она вступила во второй бракъ съ наследнымъ принцемъ Виртембергскимъ Вильгельмомъ, въ томъ же году занявшимъ Виртембергскій престолъ; спустя три года, въ 1819 г. неожиданно послѣдовала смерть великой княгини.

Я съ благодарностью сердечной извѣщаю...

Едва ли настоящее стихотвореніе, какъ и два слѣдующихъ, не было обращено къ гр. А. Вл. *Вобринской*, которая дѣтвомъ 1819 г. жила въ Павловскѣ, устранила у себя нерѣдко балы, и въ домѣ которой Жуковский въ это время часто бывалъ за-просто. Предполагаютъ, что у гр. Вобринской онъ познакомился и съ родителями гр. С. А. Самойловой, къ которой обращены нѣкоторые изъ нижеприведенныхъ, относящихся къ этому же году, стихотвореній поэта.

Циркулярное посланіе къ чувствительнымъ сердцамъ...

Совершенно тожественный текстъ читаемъ въ бумагахъ поэта, въ П. П. Б.-кѣ (папка № 26), также въ автографѣ почти бвлвовомъ, съ собственноручно же написаннымъ на оборотѣ слѣдующимъ загадочнымъ адресомъ: „*Циркулярное посланіе къ чувствительнымъ сердцамъ, въ которыхъ изображается горестное состояніе нѣкоего стихотворца, принужденнаго употребить собственныя дѣв ноги для путешествія въ жаркое время на званый обѣдъ и желаннаго пережить сіе горестное состояніе на радостное и роскошно прокатиться въ императорской линіей, услаждаясь въ ожиданіи званнаго обѣда небеснымъ звантракомъ разговора съ любезными граціями овира иви императорскихъ величествъ и высочествъ.*“

Цвѣтъ завѣта.

Время написанія стихотворенія указывается самимъ авторомъ въ письмѣ къ Максимовичу, при письмѣ къ нему этого стихотворенія. Относительно

содержанія стихотворенія поэтъ замѣчаетъ въ томъ же письмѣ къ Максимовичу:

„Посылаю вамъ для вашего „Кіевлянина“ мой старѣйшій еще неизвѣстный стихотворный грѣхъ. Эти стихи не могутъ имѣть яснаго смысла для читателей, но объяснить для нихъ этотъ смыслъ я не могу. Они писаны по желанію, на заданный предметъ, и получили бы особенный интересъ, если бы можно было прибавить къ нимъ надлежащій комментарий. Теперь же они безъ интереса для читателей и, посылая ихъ вамъ, доказываю только мою готовность исполнить ваше желаніе — пріютить меня въ вашемъ альманахѣ... „Комментарій“ этотъ даетъ А. И. Тургеневъ въ одномъ изъ ишемъ своихъ къ Вяземскому: „Посылаю тебѣ — иишетъ онъ — стихи Жуковского, написанные по заказу великой княгини. Она же дала и тему па нѣмецкомъ: „Ländler Gras“; у нѣмцевъ—цвѣтъ завѣта. Чего не выразить чародѣй Жуковский! Въ семь „Цвѣтѣ“ соединяется воспоминаніе прошедшаго съ таинственностью будущаго. Онъ часто означаетъ какую-нибудь эпоху или минутой жизни, наиримѣръ, свиданіе или разлуку. Знаменованіе его скорѣе понять, нежели объяснить можно. Но намъ, нѣмцамъ, весь мистицизмъ чувствительности понятенъ...“ Вед. кн. Александра Θεодоровна, супруга наследника престола Николая Павловича и ученица Жуковского—услышавъ съ своей сестрой прислать другъ другу первые весенніе цвѣты, которые каждая изъ нихъ увидитъ... Подъ новымъ „товарищемъ“ (въ 10 строфѣ) разумѣется в. кн. Александръ Николаевъ, которому въ это время было годъ съ нѣсколькими мѣсяцами. Отвѣчая на это письмо, Вяземскій дѣлаетъ довольно мѣткую характеристику всей поэзіи Жуковского и ея превосходства сравнительно съ произведеніями Дмитріева, Мерзлякова: „Знаешь ли, что въ Жуковскомъ вѣрнѣйшая примѣта его чародѣйства? — Способность, съ которою онъ себя, т. е. поэзію, переноситъ во все недоступныя мѣста. Для него дворецъ преобразовывается въ сятиню, все скверное очищается передъ нимъ; онъ говоритъ помазанымъ слушателямъ: „Хорошо, я буду говорить вамъ, по по-своему!“ и эти помазаніе его слушаютъ. Возьми его *Славянку*, стихи къ великой княгинѣ *Наше рожденіе*, стихи на смерть другой... *Цвѣтъ завѣта* (Цвѣтъ завѣта) его прелесть. Былъ ли такой языкъ до него? Нѣтъ! Значитъкомъ ли онъ новато у насъ поэтическое языка? Какъ думаете вы, въ шее высокопревосходительство, милостивый государь Иванъ Ивановичъ, вы, у коего умъ прохолодилъ душу, а душа, не совѣсть остывшая, ему на зло согрѣваетъ умъ, вы, который вообще правильный и образный стихотворецъ, а иногда порывамъ и поэтъ? Какъ думаете ты о томъ, пушневая стѣлканка, не постигающая тайны языка стихотворнаго, но посвященный на тайны поэзіи, ты, который проишетъ

ней свои поэтическія пожитки въ „Бесѣдѣ“ московской. Аполлономъ разжалованный Мерзляковъ? Что вы ни думали бы, а Жуковский вѣсь переживетъ. Пускай языкъ нашъ и измѣнится, нѣкоторые дѣтки его не повянутъ. Стихотворныя красоты языка могутъ со временемъ поблекнуть, поэтическая — всегда свѣжа, всегда душаста. Въ старомъ дѣтничѣ французовъ Маротъ еще благоухаетъ и понынѣ!..“

Въ альбомъ жены С. Н. Глинки, на смерть престарѣвшей.

С. Н. Глинка (1775—1847), извѣстный издатель „Русскаго Вѣстника“; Жуковский, однако, не разделялъ его ultra-патріотическихъ увлеченій.. Въ одномъ изъ писемъ къ А. И. Тургеневу, Жуковский, упоминающая объ Олгаріи, замѣчаетъ: „Я желалъ бы имѣть его. Я его читалъ, но хочу нѣсколько разъ почитать то, что онъ пишетъ о русскихъ. Хотя, признаться, онъ и не очень привѣтливъ, но я не думаю, чтобы онъ выдумывалъ, и, вопреки Глинки, начинаю быть увѣреннымъ, что нынѣшнее время лучше старина, даже и со стороны нравственности. Грубость не есть чистота нравовъ.“ (Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 69). „Я очень далека отъ восхищеній à la Glinka“—замѣчаетъ онъ въ другомъ письмѣ (ib., стр. 81).

Нъ Столыпину.

Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ (1778—1825), впоследствии сенаторъ, принадлежалъ къ числу передовыхъ людей своего времени.

Праматерь внучѣ.

Въ изд. 1849 г. отнесено къ 1818 г., хотя здѣсь же, въ примѣчаніи, указывается: „Стихи сии написаны на первое причащеніе ея имп. выс. в. кн. Маріи Николаевны“. Вел. кн. Марія Николаевна, впоследствии герцогиня Лейхтенбергская, род. 6 августа 1819 г., † 9 февр. 1876 г.

Гр. С. А. Самойловой.

Собла Александровна Самойлова (род. въ 1797 году) воспитанница Екатерининскаго института, затѣмъ фрейлина императрицы. 1818-й годъ вмѣстѣ съ императрицей проводитъ за границей, возвращается оттуда къ 1819 году, лѣто 1820 г. проводитъ въ Павловскѣ,—а осенью этого же года дѣлается вѣрстой гр. А. В. Бобринскаго, за котораго и выходитъ замужъ въ апрѣль слѣдующаго года. Кн. Вяземскій думаетъ слѣдующую характеристику гр. Самойловой: „Она была женщина рѣдкой любезности, спокойной, но неотразимой очаровательности... Ей равно покорялись мужчины и женщины. Она была кроткой, милостивой, извѣстительной наружности. Въ глазахъ и улыбкѣ ея были чувство, мысль и добродетельная привѣтливость. Ясный, совершенно женскій умъ ея былъ развитъ и освѣщенъ необыкновенною образованностью. Европейскія литературы были ей знакомы, не исключая и русской. Жуковский, встрѣтившій ея еще у императрицы Маріи Феодоровны, при которой она была фрейлиной, узналъ ее, оцѣнить, воспѣвалъ и остался съ нею навсегда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Императрица Александра Феодоровна угадала ее по чувству и сблизилась съ нею, часто выдалась и во время постоянного переезду... Графиня мало показывалась въ многолюдныхъ обществахъ. Она среди общества, среди столицъ, жила какъ-то отдѣльною жизнью, домашнею, келейною; занималась воспитаніемъ сыновей своихъ, чтеніемъ, умственной дѣятельностью; она, такъ сказать, издали и заочно слѣдила за движеніями общественной жизни, но слѣдила съ участіемъ и пропитательностью. Салонъ ея былъ ежедневно открытъ по вечерамъ. Тутъ находились немногіе, но избранные!“

(Отч. Арх. I, 489).

Начало знакомства съ С. А. Самойловой Жуковского, повидимому, относится къ 1819—1820 гг. „Съ ея родителями,—замѣчаетъ г. Кузьманъ:—онъ могъ познакомиться съ гр. Бобринской, у которой онъ часто бывалъ, и которая лѣтомъ 1819 года устранила въ Павловскѣ много баловъ.“ Графиня Са-

мойловой поэтъ нашъ, повидимому, сильно увлекся: лѣтомъ 1820 года между гр. Самойловой и поэтомъ произошло даже, повидимому, какое-то объясненіе. Въ „запискахъ“ своихъ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій 8 октября 1820 года замѣчаетъ: „При отъѣздѣ моемъ Жуковский, какъ сказывали мнѣ, объяснялся съ Г. С. Въ бытность твою здѣсь, нишетъ онъ дочери, ты знала, что считали его въ нее влюбленнымъ. Онъ ей сказалъ, что отъѣзжаетъ съ сожалѣніемъ о томъ, что исканію его дружбы ея она не отвѣтствовала, и изъясненіе его къ ней дружбы приписала, какъ видно, другому чувствованію, которое, впрочемъ, внушить она всѣхъ болѣе можетъ. Какъ доведено было до этого и что далѣе имъ было сказано, не знаю; но на эти слова, она, сказавъ,—молчала, и будто показываясь у ней на глазахъ слезы. Какъ ты это растолкуешь? По мнѣнію К. И., отъ которой я это слышалъ,—онъ это говорилъ для того, что боялся слыть влюбленнымъ: il craint extrêmement d'être ridicule.—А буде она подлинно плакала, то мнѣ кажется отъ досады.—И подлинно: какъ? Человѣкъ приходитъ женшилъ сказать: не подумай, ради Бога, чтобы я въ тебя былъ влюбленъ!“ (Хроника недавней старина, Сиб., 1876, стр. 241—242. Ср. Кузьмана, „Павѣстия“ V, стр. 115).

Не безъ основанія г. Кузьманъ сблизаетъ съ этимъ новымъ романтическимъ эпизодомъ въ жизни поэта вѣтотыя поэмки его въ послѣдніи изъ *Оболеской*,—гдѣ поэтъ между прочимъ рисуетъ идеальную свою жену...

Нъ гр. Шуваловой.

Графиня *Ек. П. Шувалова*, вышедшая впоследствии замужъ за гр. Шлифена (Schliffen), была фрейлиною вел. кн. Александра Феодоровна.

Подробный отчетъ о лунѣ.

Печатаемъ по изд. 1849 г.—гдѣ къ стихотворенію присоединено авторомъ слѣдующее примѣчаніе:

„Прекрасная лунная ночь въ Павловскѣ подала поводъ написать это посланіе. Государыня императрица угодно было дать замѣтить поэту красотою ночи, и онъ, неисполнивъ разнаго, прежде имъ сдѣланнаго, описанія дну, признается въ стихахъ своихъ, что изъ которыхъ изъ этихъ описанныхъ днухъ не была столь прелестна, какъ та, которая въ ту ночь освѣщала Павловскія роши и воды...“

Письмо въ стихахъ нъ А. Г. Хомутовой. [Благодарю васъ всей душой...]

Напечатъ было лишь по смерти автора въ „Отч. Зап.“, 1855, № 1,—съ слѣдующимъ примѣчаніемъ отъ редакціи:

„Подуцнѣмъ этихъ стихотвореній мы обязаны любезной свнхотдательности Анны Григорьевны Х... . . . и, къ которой они написаны по слѣдующему случаю. Въ 1820 г., на вечерѣ у графини В. Василіи Андреевичъ Жуковский увидѣлъ и просидѣлъ ему прочесть какую-то нѣмецкую книгу, въ которой много говорилось о мертвецахъ, привидѣніяхъ, предчувствіяхъ и проч. Прятельница графини В. Анны Григорьевны, бывшая тутъ, на другой день напомнила графинѣ о просьбѣ Василіи Андреевича и, запечатавъ книгу, написала на конвертѣ, вмѣсто адреса, слѣдующіе стихи:

Pourquoi toujours par des fantomes
Voulez vous effrayer les hommes,
Notre tenebreux enchanteur?
Il suffit que votre genie
Les fasse tous mourir d'envie
Sans les faire mourir de peur.

Жуковский отвѣчалъ на нихъ стихами же:

Валодароу васъ всей душою, и проч.

Кромѣ того, имѣя отъ кого-то порученіе переслать Аннѣ Григорьевнѣ траурную матерію для платья, онъ прибавилъ въ PS:

Я честь имѣю вамъ послать, и проч.

Подлинникъ этихъ стихотвореній хранится у Анны Григорьевны Х... . . ?—*Ред.* („Отч. Зап.“, 1855, янв., стр. 1—2).

Къ кн. О. Голицыну.

Каталони (Cataloni, по мужу Valabreque), знаменитая итальянская пѣвица († 1849), имѣвшая необычайный успѣхъ въ Парижѣ, Лондонѣ,—бывшая и у насъ, въ Россіи. Въ 1806 г., въ Лондонѣ, ея гонораръ за одинъ сезонъ въ театрѣ достигъ небывалой для того времени суммы—180 тысячъ франковъ. „Я не очень здорова, пишетъ Карамзинъ Дмитріеву, въ іюнѣ 1820 г. изъ Парискаго Седа—однако жъ слушаемое Каталони, здѣсь и въ Павловскомъ. Прекрасно, удивительное пѣніе!“ (Письма къ Дмитріеву, стр. 290, 0135).

Къ кн. А. Ю. Оболенской.

Къ ней же.

Гр. *Агр. Юрьевна Оболенская* († 15 февр. 1829) была дочь Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго; въ 1813—1823 гг. жила въ Москвѣ.—лѣтомъ 1820 года пріѣхала въ Петербургъ, къ отцу. Мужъ ея, кн. А. П. Оболенскій, былъ губернаторомъ въ Калугѣ. Ему принадлежатъ значительная часть „Записокъ“, вошедшихъ въ „Хронику недавней старины“ (СПб., 1876).

Посланіе къ В. А. Перовскому.

Василій Алексѣевичъ Перовскій (род. въ 1795 г.; ум. въ 1837), впоследствии графъ, былъ побочнымъ сыномъ графа А. К. Разумовскаго. Старшій братъ его, Алексѣй Алексѣевичъ, больше извѣстенъ подъ своимъ литературнымъ псевдонимомъ: Антонъ Погорьблскій. Жуковскій былъ близокъ съ обоими братьями, но особенно съ младшимъ, съ которымъ его рано сблизил и ихъ общественныя отношенія. Какъ и Жуковскій, В. А. Перовскій былъ близокъ къ семьѣ в. кн. Николая Павловича. Въ 1818 г. Перовскій былъ адъютантомъ вел. князя; познѣе, въ 30 г., онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Оренбургъ. Ко времени этого губернаторства относитъ пріѣздъ въ Оренбургъ Пушкина и Жуковскаго; оба оставались у Перовскаго. Перовскій и Жуковскій были въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ связаны самой идеальной трогательной дружбой: „чистая, какъ горный хрусталь, душа поэта, его нѣжное, любящее сердце, выдающийся умъ и крупный поэтический талантъ,—замѣчаетъ г. Захарьинъ:—встрѣтились съ душою столь же благородною и свѣтлою, съ сердцемъ столь же искреннимъ и любящимъ, но болѣе мужественнымъ и закаленнымъ въ житейскихъ буряхъ и влюбаномъ, съ умомъ столь же обширнымъ и яснымъ, къ коему присоединялся, какъ бы взамѣтъ поэтическаго таланта, весьма сильный здравый смыслъ...“ Идеальная дружба двухъ замѣчательныхъ лицъ выдержала наиболѣе сильную пробу: оба они оказались одно время влюбленными въ одну и ту же дѣвушку—гр. С. А. Самойлову, которая, повидимому, къ обоимъ имъ была одинаково равнодушна, и вскорѣ вышла замужъ за гр. А. А. Вобрикскаго... Именно съ этимъ романтическимъ эпизодомъ и связано разсматриваемое стихотвореніе. Перовскій первый признался въ своемъ чувствѣ; Жуковскій на откровенность отвѣчалъ великодушнѣе, — и въ своемъ посланіи уступаетъ своему другу дорогу, желая ему успѣха и счастья..

Письмо къ А. Л. Нарышкину и объясненіе къ нему.

Александръ Львовичъ Нарышкинъ (род. 1760; † 1826), оберъ-гофмаршалъ, главный директоръ театровъ, извѣстный своими остроатами.

Пери и ангелъ.

Однажды пери молодая...

Пери—воображаемая существа, ниже ангеловъ, но превосходяще людей, не живутъ на небѣ, но въ пѣвѣтахъ радуги, и цорхаютъ въ бальзамическихъ облакахъ; питаются одними исцарапанными розъ и жасминовъ и подвержены общей участи смертныхъ. Индійцы и другіе восточные народы представляютъ ихъ себѣ въ видѣ женщинъ, коихъ отличное свойство составляютъ красота и благотворительность.

Светжа долина Камешмира...

Камешмиръ—озеро, усѣянное множествомъ острововъ. Сочиненія В. А. Жуковскаго Т. III.

вовъ, изъ конхъ на одномъ растутъ платановыя деревья, отъ которыхъ онъ и названъ *Шахъ-Шеймуръ*.

Быстрые звездныхъ тѣхъ мечей...

Магометане думаютъ, что падающія звѣзды суть огненные палицы, коими добрые ангелы отгоняютъ злыхъ, держащихся приближаться къ небесной области.

Я знаю тайны Хильминара...

Сорокъ столповъ. Такъ персіане называютъ развалины Персеполя. Полагаютъ, будто дворецъ въ немъ и всѣ зданія въ Балбекѣ построены гениемъ для сохраненія многочисленныхъ сокровищъ въ ихъ подвалахъ, которыя и донынѣ тамъ находятся.

Тамъ острова благоданій...

Острова Паухайя.

Сосудъ Ямидовъ золотой...

Чаша Ямхиды, найденная, какъ полагаютъ, въ развалинахъ Персеполя.

Свѣрляны Газны, выхръ войны...

Махмудъ Газна, или Газни, завоевалъ Индію въ началѣ II столѣтія.

На поевъ своихъ навѣсилъ онъ...

Повѣствуютъ, что султанъ Махмудъ содержалъ 400 сѣрыхъ лягавыхъ собакъ. На каждой изъ нихъ былъ ошейникъ, украшенный дорогими камнями, а покрывала, обшитыя золотомъ бахромою съ жемчугами.

Стремится—и къ горамъ луны...

Горы Лунныя, въ древности montes lunae. При подосвѣ ихъ полагаютъ источникъ Нила.

И великанъ новорожденный...

Ниль, извѣстный въ Абиссиніи подъ названіемъ Абен и Алави, т. е. великанъ.

Розетты знойною долиной...

Сады Розетты выполнены голубыми.

На пеликановъ озеръ крымскъ...

О пеликанъ на Меридомовѣ озерѣ упоминаетъ Савари.

Печально тихая султана...

Султана—прекрасная птица, названная такъ по ея величавости и блестящему синему цвѣту перьевъ: носъ и ноги у ней также синіе. Она служила украшеніемъ храмовъ и дворцовъ у грековъ и римлянъ.

Гена лишь, бродя всю ночь...

Жаксонъ упоминаетъ о моровой язвѣ, случившейся въ восточной Аравіи, во время ея тамъ пребыванія. Птицы въ сіе время удалялись отъ челоувѣческихъ жилищъ; гены, напротивъ того, приходили на кладбища.

И умираетъ въ сладкопльнѣ...

Феніксъ — баснословная птица, которая, проживъ тысячу лѣтъ, приготавливаетъ себѣ костеръ и, пропѣвъ трогательную пѣсню, машетъ крыльями и сгораетъ на немъ отъ лучей солнечныхъ.

Въ Эдемъ души тѣютъ святя...

На берегу квадратнаго озера находится тысяча чашъ, составленныхъ изъ звѣздъ. Души, предпрѣдѣнныя наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ, пьютъ изъ нихъ кристаллыныя воды.

Отмизна розы, Суристанъ...

Ричардсонъ полагаетъ, что Сирія получила свое названіе отъ Сури (Suri), прекраснаго и нѣжнаго рода розановъ, которыми страна сія всегда славилась.

Веселья веретеникъ...

Брюсъ пишетъ, что число ящерицъ, которыхъ онъ видѣлъ однажды на дворѣ храма Солнца въ Балбекѣ, простиралось до вѣсколькихъ тысячъ; что ими были покрыты камни ея развалины, стѣны и земля.

На падіяхъ Солнцаго храмъ она...

Храмъ Солнца въ Балбехъ.

Въ концѣ текста замѣчено: „съ англійскаго“.

Уже упоминавшійся нами выше Томасъ Муръ (Thomas Moog, 1779—1852) принадлежалъ къ лучшимъ, наиболее блестящимъ представителямъ англійскаго романтизма. Имя его ставится здѣсь рядомъ съ именемъ Байрона. Это былъ одинъ изъ самыхъ плодотворныхъ и трудолюбивыхъ писателей своей страны. Блестящій поэтъ,—Муръ въ то же время является даровитымъ историкомъ, критикомъ и публицистомъ. Его замѣтки къ своимъ сочиненіямъ показываютъ, какъ много онъ работалъ надъ своимъ образованіемъ,—надъ пріобрѣтеніемъ этой замѣчательной эрудиціи въ области классиковъ и Востока... Дружескія связи съ знаменитостями, какъ въ области литературы и искусства, такъ равно и въ лондонскихъ аристократическихъ салонахъ,—прдали еще больше блеску его собственной славы. Муръ много путешествовалъ,—жилъ то въ Америкѣ, то въ Италіи и Франціи... Важнѣйшія произведенія Мура—*Ирландскія Мелодіи* (*Irish Melodies*, 1807—1834), послѣ своего перваго появленія въ 1807 г. много разъ дополнявшія авторомъ, и *Лалла-Рукъ, восточная повѣсть* (*Lalla Rook, oriental romance*, 1817). Въ „Ирландскихъ Мелодіяхъ“ Муръ выступилъ, какъ лучший представитель народности въ литературѣ и искусствѣ, и въ этомъ отношеніи шель какъ бы непосредственно по слѣдамъ Гердера. Въ своемъ произведеніи поэтъ воспользовался собранными и изданными незадолго передъ тѣмъ мелодіями народныхъ пѣсень Ирландіи, написали къ нимъ слова, тѣсно примыкающія по содержанию и характеру къ этимъ мелодіямъ,—и въ результатъ получилось произведеніе, возбуждившее всеобщій восторгъ и одѣлавшееся въ Ирландіи народной книгой. Пѣсни проникнуты глубокой и страстной любовью къ „зеленому Эрну“,—къ Ирландіи и ея населенію. „Все, что пережилъ несчастный ирландскій народъ въ долгіе годы униженія, его горестности, его живость и одушевленіе, его востановленіе, его смѣхъ сквозь слезы,—все нашло выраженіе въ звучныхъ стихахъ Мура“... Совершенно другимъ характеромъ отличается *Lalla Rook*. Произведеніе это должно быть поставлено рядомъ съ знаменитыми поэмами Байрона, сюжеты которыхъ вынесены авторомъ съ востока. Надъ своей поэмой авторъ работалъ около пяти лѣтъ (1812—1817), изучалъ Бостокъ по книгамъ,—но такъ хорошо проникся характеромъ и въсѣмъ бытомъ страны, что, когда поэма вышла въ свѣтъ, „многіе ориенталисты не хотѣли вѣрить, что Муръ не былъ на востокѣ и не зналъ восточныхъ языковъ“. Поэма Мура переведена на персидскій языкъ, и говорятъ, персы считаютъ ее за свое собственное національное произведеніе... Слова поэмы уже задолго предшествовали ея появленію; издателемъ автору было заплачено за нее 3.000 ф. стерл. (около 5.000 руб. за строчку)... Сюжетъ поэмы—путешествіе прекрасной Лалла Рукъ, дочери владѣтеля Индіи, Аурагаба, изъ столицы Индостана Дели въ Кашмиръ, гдѣ ее ждетъ ея женихъ, наследный принцъ Бухарскаго ханства, Адрисъ,—котораго она еще никогда не видала, но съ которымъ заочно уже обручена. Произведеніе состоитъ собственно изъ четырехъ отдѣльныхъ небольшихъ поэмъ,—искусно вплетенныхъ въ общую канву сюжета: I. *Хорассанскій пророкъ подъ покрываломъ*; II. *Рай и Перс*; III *Оне-ноклонники* и IV. *Семь зарема*. Въ каждой изъ этихъ четырехъ поэмъ содержание совершенно различное, отдѣльное и самостоятельное. Въ первой—историческое; рассказывается объ одномъ восточномъ лежероцкѣ, который за свои кокетства наконецъ обличается вѣрнымъ послѣдователемъ Ислама. Сюжетъ второй—рассказъ о персѣ, особомъ высшемъ ангело-подобномъ существѣ, которое нѣкогда вмѣстѣ съ другими свѣтлыми духами наслаждалось небеснымъ блаженствомъ, но потомъ утратило его: чтобы вернуть свое утраченное счастье, персѣ для умноженія небесъ, приноситъ имъ въ даръ въ первый разъ кровь война, отдавашаго свою жизнь за родину, во второй—вдохъ любви,—наконецъ слезу

раскаившагося грѣшника;—только послѣдняя отвораеяетъ ей двери райа... Содержание третьей поэмы—опять историческое: рассказъ о возстаніи Гафедъ и гибели его возлюбленной,—поэма изображаетъ борьбу одного племени съ арабскимъ пророкомъ, насильственно обращающимъ въ магометанство... Четвертая поэма—она бѣдѣе всѣхъ остальныхъ по сюжету,—рассказываетъ исторію любимой одальски камерирскаго царя Солimana, Нурмаганъ, потерявшей любовь своего повелителя и желающей снова вернуть ее: благодаря чарующимъ звукамъ лютни и своего голоса, не безъ помощи также и волшебницы, Нурмаганъ успѣваетъ въ этомъ. Пѣсня Нурмаганъ, полная чистой духовной любви, побѣждающая Солimana,—въ поэмѣ какъ бы противопоставляется пѣснямъ другой одальски, соперницы Нурмаганъ—которыя дышатъ огнемъ лишь одной чувственной страсти... Эти четыре поэмы вложены авторомъ въ уста странствующаго пѣвца Фермороза, который какъ бы случайно присоединяется къ свѣтъ путешествующей принцессѣ,—услаждаетъ ее во время путевыхъ остановокъ своимъ пѣніемъ и разсказами, и подъ конецъ такъ увлекаетъ молодую, поэтически настроенную, принцессу, что та начинаетъ страшиться своего брака съ ожидающимъ ее въ Кашмирѣ, совершенно неизвѣстнымъ ей женихомъ: ея сердце полно любовью къ пѣвцу... По окончаніи пути, накануне представленія жениху, Лалла Рукъ проводитъ тяжелую, мучительную ночь; эти внутреннія муки придаютъ, однако, принцессѣ лишь новую прелесть, и когда, съ наступленіемъ утра, придворныя дамы явились одѣвать ее подъ вѣнецъ—принцесса предстала имъ въ красотѣ еще небывалой... Тщетно, на пути къ жениху, въ окружающихъ массахъ народа принцесса ищетъ глазами прелестнаго пѣвца,—чтобы хоть въ послѣдній разъ взглянуть на него. Его нигдѣ нѣтъ... Вотъ она уже переплыла озеро и по водамъ чуднаго канала миновала арки дворцовыхъ галлерей, остановилась у ступеней мраморной лѣстницы, по которой ей нужно войти въ залу, гдѣ на тронѣ ожидаетъ ее ея женихъ,—приближается уже къ ступенямъ трона,—Алорисъ сходить съ него навстрѣчу вѣстѣ, хочетъ взять ее за руку,—но она съ крикомъ падаетъ къ его ногамъ: Лалла Рукъ узнала въ царственномъ женихѣ своемъ прекраснаго пѣвца Фермороза... Все произведеніе англійскаго поэта дышетъ поразительными красками неподражаемой поэтической живописи, „которая часто нѣсколькими ударами кисти создаетъ удивительныя, очаровательныя своими контрастами картины,—вноситъ все волшебство западной романтики въ самую среду Востока, вовсе не уничтожая при томъ мѣстнаго колорита, вѣрность котораго съ восторгомъ восхвалялъ такой знатокъ, какъ Байронъ... Именно это превосходное произведеніе показываетъ, прибавляетъ историкъ,—что англійскій романтизмъ избралъ направление, которое такъ высоко ставитъ его надъ романтизмомъ нѣмцевъ, Шлегеля и Фукъ?... Стихотвореніе Жуковскаго представляетъ переводъ втораго разсказа: *Рай и Перс*. Къ поэмѣ Мура Жуковскій обратился за границей, въ Германіи, живя въ Берлинѣ, по случаю цѣлаго ряда празднествъ, бывшихъ здѣсь при прусскомъ дворѣ, въ январѣ 1821 года, во время пребыванія въ Берлинѣ великой княгини Александры Феодоровны. Особое, вышедшее тогда же, изданіе: *Lallah Rookh, divertissement mêlé de chants et de danses* (Berlin, 1822)—въ рядѣ превосходныхъ иллюстрацій представляетъ бывшія во время этихъ празднествъ разнообразныя процессіи, группы, картины и т. п. Въ празднествахъ принималъ ближайшее участіе: великая княгиня Александра Феодоровна, игравшая главную роль Лалла Рукъ, великой княгини Николай Павловичъ, игравшій роль жениха Адриуса, принцъ Вильгельмъ, братъ прусскаго короля—Арунгзебъ и т. д.,—множество лицъ двора и высшей берлинской знати.

Поэмой Мура и упоминаемымъ берлинскимъ празднествамъ посвящены были и два слѣдующія, читаемая у насъ въ текстѣ, стихотворенія: *Лалла Рукъ* и *Явленіе поэты въ видѣ Лалла Рукъ*—свидѣтельствую-

шія между прочимъ, о томъ очарованіи, которое произвела на поэта личность великой княгини.

Шильонскій узникъ. Повѣсть. Лорда Байрона.

Не можемъ не привести нѣсколькихъ замѣчаній объ этомъ произведеніи Жуковского, встрѣчающихся въ письмахъ А. С. Пушкина. Въ сентябрѣ 1822 года, пѣвчая Грѣдича о полученіи изданныхъ подъ его наблюденіемъ „Кавказскаго Пльнника“ и „Шильонскаго Узника“, Пушкинъ пишетъ ему: „Пріѣхали Пльнники, — и сердечно васъ благодарю... Переводъ Жуковского — est un tour de force. Злодѣи! въ бореньяхъ съ трудностью сплать необычайныи! Должно быть Байрономъ, чтобъ выразить съ столь страшной истиной первые признаки сумасшествія, а Жуковскимъ — чтобъ это перевыразить. Мнѣ кажется, что слогъ Жуковского въ послѣднее время ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть. Уже онъ не напишетъ ни „Свѣтланки“, ни „Людишки“, ни прелестныхъ элегій 1-ой части „Спящихъ Дѣвъ“. Дай Богъ, чтобъ онъ началъ создавать... Въ слѣдующемъ году, по поводу своихъ „Братьевъ Разбойниковъ“, Пушкинъ замѣчаетъ въ письмѣ къ Вяземскому: „Вотъ тебѣ и „Разбойники“... Нѣкоторыя стихи напоминаютъ переводъ Шильонскаго Узника. Это несчастіе для меня. Я сошелся съ Жуковскимъ нечаянно: отрывокъ мой написанъ въ концѣ 1821 года... Въ письмѣ къ брату: „То, что назъ „Шильонскаго Узника“ — прелесть.“ („Соч.“ Пушкина, изд. Литер. фонда, VII, стр. 41—42, 58, 38).

Замокъ Смальгольмъ. Баллада. Изъ Вальтеръ-Скотта.

ПРИМЪЧАНІЯ АВТОРА.

Замокъ Смальгольмъ (Smayholm или Smallholm-Tower), гдѣ полагается сцена происшествія, описаннаго въ сей балладѣ, извѣстенъ любителямъ шотландскихъ древностей и живописныхъ видовъ. Онъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, неподалеку отъ сѣверныхъ предѣловъ графства Роксбургскаго и въ самой срединѣ пустынныхъ утесистыхъ горъ, называемыхъ *песчаными скалами* (Sandiknocrags). Доселѣ цѣло главное зданіе, огромная четвероугольная башня; окружающій ее широкій дворъ былъ обнесенъ стѣною, нынѣ упавшею, и сверхъ того защищаемъ почти отовсюду глубокими оврагами и болотомъ; приближеніе къ одному возможно только съ западной стороны, и то по крутой, каменистой тропинкѣ. Комнаты замка, какъ во всѣхъ пограничныхъ пограничныхъ крѣпостяхъ, расположены по одной въ каждомъ ярусѣ и соединяются узенькими дѣйствицами; стѣны въ девять футовъ толщины; кромѣ внутреннихъ деревяныхъ дверей, входъ огражденъ извнѣ желѣзною рѣшеткою; на кровлѣ два *бартисана*, или платформа, кои могли служить и для обороны въ случаѣ осады, и для прогулки и обозрѣнія окрестностей. Одна изъ ближайшихъ къ замку горъ господствуетъ надъ прочими; она называется *Watchfold* (*сторожевая*); тутъ, въ смутныя времена безпрестанной войны съ Англіей, зажглася маякъ и стоялъ караулъ. У стѣны, внѣ двора, и теперь еще видны развалины часовни.

Вальтеръ-Скоттъ, авторъ сей баллады, въ младенцѣствѣ своемъ жилъ въ соседствѣ Смальгольма, иногда и въ самомъ замкѣ, который принадлежитъ одному изъ его родственниковъ, и по чувству благодарности поэтической, захотѣлъ прославить его стихотворною сказкою: формы оной (между прочимъ, частыя рѣмы на подуступи) замствованы имъ изъ народныхъ *бывшихъ пѣсень* южной Шотландіи (Border tale); содержаніе имѣетъ сходство съ однимъ стариннымъ преданіемъ, донынѣ сохранившимся у севѣрныхъ ирландцевъ.

Ангель и пѣвецъ.

Стихотвореніе написано было къ музыкальному вечеру, бывшему въ Гатчинѣ 6 окт. 1823 г., въ числѣ другихъ празднествъ, по случаю пріѣзда виртембергской принцессы Шарлотты, невѣсты в. кн. Михаила Павловича.

Къ Гете.

Стихотвореніе находится въ письмѣ А. И. Тургенева къ его брату Н. И. Тургеневу отъ 8 сентября 1827 года; приводимъ относящуюся сюда начальную часть письма:

„Лейпцигъ. 8 сентября 1827 г.

„Въ полночь пріѣхалъ Жуковский. Мы свидѣлись въ 6 час. утра, ибо онъ не хотѣлъ будить меня. Онъ зажилъ три дня въ Веймарѣ въ бесѣдѣ съ Гете, отъ котораго и я получилъ милое слово чрезъ канцлера Моллера, который писалъ ко мнѣ. Жуковский жалѣетъ, что меня не было съ нимъ у Гете. Онъ былъ необыкновенно любезенъ и какъ отецъ съ нимъ. Жуковскому хотѣлось, чтобы я раздѣлилъ эти милоты съ нимъ; ибо онъ говоритъ, что Гете и Шиллеръ образовали его, а съ ними вмѣстѣ онъ росъ и мужался съ нами, Тургеневыми, и душевное и умственное образованіе получалъ съ нами, начиная съ брата Андрея; что только въ чужихъ краяхъ укрѣпился душа его, между прочимъ и твоими письмами, и что здѣсь началось европейское его образованіе; и я жалѣю, что не былъ съ нимъ въ Веймарѣ, хотя и многого бы лишился, что пріобрѣлъ въ Лейпцигѣ; но Гете — незамѣнимъ. Я не знаю, что я чувствую, глядя на Жуковского и види его любовь и къ тебѣ. Мы уже много о тебѣ говорили. Онъ читалъ выписки изъ нѣкоторыхъ писемъ твоихъ Штейну, переводя ихъ прежде. Не говорю тебѣ о мнѣнн Штейна; ты его знаешь. И Гр. Головинъ говоритъ съ нимъ и просилъ его опрavelть его предло мою и увѣрить, что онъ не изъ тѣхъ, кои думали бы о тебѣ, какъ о выномомъ; но что мнѣ въ его мнѣнн? Съ кѣмъ онъ согласился въ приторвѣ? Я этого не знаю, но предвижу; ибо ни Гр. Стр., ни онъ самъ ничего мнѣ не сказали въ его оправданіе, какъ о судьѣ твоемъ; но Богъ съ нимъ. Для него лучше, если совѣтъ не совсѣмъ умерла въ немъ: для насъ все равно. Я прочелъ Жуковскому нѣсколько строкъ твоего сочиненія объ освобожденнн крестьянъ въ Россіи. Онъ хочетъ имѣть оригиналь твою, и я даю ему. У меня останутся двѣ копіи. Вотъ стихи Жуковского, оставленные имъ въ Веймарѣ у Гете:

„Творецъ великихъ вдохновенн!“..

(слѣдуетъ текстъ стихотворенія).

Въ первый разъ съ Гете Жуковский видѣлся еще въ 1821 году. По поводу этого свиданія Жуковский тогда же писалъ в. кн. Александрѣ Теодоровнѣ (въ ноябрѣ 1821 г.): „Отъ снѣгу не могъ пробить въ Веймарѣ болѣе одного дня; тамъ имѣлъ счастье представиться ея императорскому высочеству великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, которая пріѣхала меня съ очаровательною милостію, и ей же милостно обязана я свиданіемъ съ Гете; онъ находился въ лейп, и чтобъ я имѣлъ время къ нему съѣздить, ея высочеству угодно было прислать мнѣ коллежкю, и я въ тотъ же день видѣлъ поэта. По свиданіе мое съ нимъ было похоже на плаваніе мое по Рейну; оно было туманное, хотя онъ прінялъ меня съ ласкою“... Недѣлю двѣ спустя послѣ свиданія Жуковского съ Гете, послѣдній въ особомъ письмѣ (отъ 16 ноября г. е. 1821 г.), выражалъ сожалѣніе по поводу краткости свиданія, между прочимъ писалъ нашему поэту: *Wenn ein unerwartet hereinretrender, schnell entwickelter neuer Freund sogleich sich wieder entfernt, überdenken wir erst was wir hatten sagen, wonach wir uns erkundigen, was mitteilen sollen. Dass dieses doppelt und dreifach der Fall gewesen, als Sie und Ihr werther Geleitsmann mich in der stillen nächtlichen Einsideley zuruckliessen, darf ich nicht beuehren; indessen nehmen Sie gegewärtig Blatt als wiederholtes Willkommen und Lebewohl“.* (Ильсемо начеъ. въ Goethe-Sahrhub, herausgegeben von L. Geiger, IV, Frankfurt an Main, 1883, стр. 177).

Государынн Александрѣ Теодоровнѣ.

Въ изданнн восьмомъ (1885) замѣчено: „Относится къ апрѣлю 1823 года, и написано по случаю открытія на Васил. островѣ новыя существующаго Дома прнрнзныи бѣдныхъ имени императрицы Александры Теодоровнн“.

У гроба государыни Маріи Ѳеодоровны.

Супруга Павла I и мать императоровъ Александра Павловича и Николая Павловича, императрица Марія Ѳеодоровна приобрѣла широкую извѣстность своею благотворительностью.

„Императрица Марія Ѳеодоровна,— замѣчаетъ изслѣдователь:— оставила ненаглядные слѣды своей полезной жизни. Послѣднія тридцать лѣтъ ея были посвящены неунышной дѣятельности на пользу бѣдныхъ, сиротъ и страждущихъ. Никакой министр не могъ сравняться съ нею въ дѣятельности. Управленіе воспитательными и богоугодными заведеніями, ею на себя взятое, не было лишь временнымъ, внушеннымъ порывами состраданія, а безпрерывнымъ, стройнымъ трудомъ. Стоитъ только прочитать обширную записку „Русскимъ Архивомъ“ переписку этой неутомимой руководительницы многочисленныхъ учреждений съ Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ, княземъ С. И. Гагаринымъ, почетнымъ опекуномъ М. Восп. дома Н. И. Барановымъ, съ начальникомъ Парискаго училища глухонемыхъ аббатомъ Сикеромъ, а также съ А. Б. Куракинымъ, чтобы убедиться, какой ревностный, порою мелочный трудъ несла государыня. Кромѣ благотворительности,— продолжаетъ тотъ же изслѣдователь:— эту личность отличаетъ и другое качество, дорогое каждому ревнителю просвѣщенія. Императрица Марія Ѳеодоровна сгруппировала вокругъ себя избранное общество ученыхъ и поэтовъ. Въ Павловскѣ на литературныя ея собранія съѣзжались Карамзинъ, Крыловъ, Дмитріевъ, Нелединскій-Мелецкій, Гнѣдичъ и др. Литературный кружокъ, собранный императрицею, не служилъ лишь поверхностному развлеченію. Она дѣйствительно любила литературу и знала цѣну умственной работы. Въ письмѣ, которымъ она сочла долгомъ напугивать обоихъ младшихъ сыновей своихъ, в. к. Николая и Михаила Павловичей, при отправленіи ихъ въ 1814 году во Францію, она настоятельно требуетъ, чтобы и во время хлопотъ путешествія юные князья не забывали умственной работы. Въ ея наставленіяхъ слышится голосъ собственнаго опыта, вынесеннаго изъ жизни, подѣленной между энергической практикой и напряженнымъ досугомъ, посвященнымъ наукамъ и искусству. „Исполнить тѣ обязанности службы, которыя вашъ

военный наставникъ найдетъ для васъ нужными, употребляйте,— пишетъ она:— въ пользу часы досуга, посвящая ихъ ежедневнымъ занятіямъ, чтенію, предстоящему умственному труду. Вамъ нужно укрѣпить вашъ разумъ, надобно питаться высокими образцами, которые представляютъ древность и исторію, надобно наполнить свою голову этими великими примѣрами и стараться приобрести твердость началъ и возвышенность души, обработать себѣ высокой нравственный характеръ и идти по слѣдамъ великихъ людей... Праздность и умственная тѣнь убиваютъ душевныя способности и заглушаютъ зародыши самыхъ лучшихъ надеждъ... Ей больно было бы, если бѣ сыновья ея дали о себѣ понятіе, что „военныя бездѣлцы интересуютъ ихъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ...“ Въ самыхъ военныхъ заботахъ ей пріятнѣе видѣть сыновей своихъ изучающими все, что касается до главнаго— „сбереженію солдата, которымъ такъ часто пренебрегаютъ, жертвуя имъ красивой одеждою, бесполезнымъ упражненіемъ, личному честолюбію и невѣжеству начальника...“ (Загаринъ, В. А. Жуковский и его произведенія. Изд. 2. М. 1883, стр. 186—188. „Рус. Арх.“, 1868, стр. 351—353).

Исповѣдь батистоваго платна.

Стихотвореніе это оставалось до сихъ поръ не изданнымъ. Автографъ его, довольно четко написанный, хотя съ значительными помятками и исправленіями рукою поэта, вмѣстѣ въ собраніи бумагъ поэта, переданномъ П. В. Жуковскимъ въ Имп. публ. библ. (по „опис.“ Бычкова, № 36, л. 9).

Русская пѣснь на взятіи Варшавы.

Напеч. было въ „Сѣв. Пчелѣ“, 1831, № 201. (Заглавіе: *Русская пѣснь на взятіи Варшавы*, и далѣе прибавлено въ скобкахъ: „*На голосъ: Громъ победы раздавайся!*“) и въ томъ же году особой брошюрой, вмѣстѣ съ стихотвореніями Пушкина: *Клеветникамъ Россіи* и *Воронинская годовщина*, подъ общимъ заглавіемъ: „*На взятіи Варшавы*“ (СПб., 1831). Въ концѣ текста въ брошюрѣ стихотвореніе помѣчено *5 сентября 1831 года*. Ту же дату оно имѣетъ въ „перечнѣ“ стихотвореній 1831 г.: *На взятіи Варшавы, 5 сентября*. Въ собраніи сочиненій при жизни поэта не было внесено.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1819.

	стр.
На конципу ея величества, королевы Виртембергской. Элегія	3
Государынь императрицъ Маріа Теодоровицъ	5
«Я съ благодарностью ердечною извѣщаю...»	10
«Я только что хотѣлъ гонца къ вамъ послать...»	—
«Считаю вызовъ вашъ я милостью судьбы...»	—
Циркулярное посланіе къ чувствительнымъ сердцамъ, въ которомъ изображается горестное состояніе нѣкоего стихотворца...	11
Гр. С. А. Самойловой. (Графиня признаюсь)	—
Цвѣтъ завѣта	13
*Отвѣты на вопросы въ игрѣ «секретарь» (на слова: <i>звѣзда и корабль, быкъ и роза</i>).	14
Ея превосходительству, В. Н. Ушаковой, ихъ сиятельствамъ, графинѣ Самойловой, графинѣ Шуваловой, княжнѣ Козловской и княжнѣ Волконской, отъ нѣкотораго жалкаго стихотворца прошеніе (Большой, покинутый поэтъ)	15
Гр. С. А. Самойловой (Ужъ думалъ я, что я забыть)	—
«Варвара Павловна, Элиза и Лизета...»	16
Къ гр. Шуваловой, [послѣ ея дебюта въ роли мертвеца].	—
Мойеру (Счастливецъ! ея ты любимъ)	17
Къ Эмми. <i>Изъ Шиллера</i>	—
Въ альбомъ жены С. Н. Глинки, на смерть крестника	—
Къ мимолетствшему знакомому генію. Жизнь (Видѣніе во снѣ)	18
Къ Столыпину (Вотъ вамъ, слуга Оемиды вѣрный)	—
Праматерь вуюкъ	19
Эпитафія Мими	—
Къ гр. С. А. Самойловой	—
I. «Напрасно я мечтою льстился...»	—
II. «Вчера я васъ не убѣдилъ...»	20
III. «Графини! Будьте вы спокойны»	21

стр.

Утро на горѣ	22
Путешественникъ и поселянка. <i>Изъ Гете</i>	—
Узникъ. Валлада	24
Ценкъ и Гальціона. Отрывокъ изъ Овидіевыхъ «Превращеній»	25
Отвѣтъ кн. Вяземскому на его стихотвореніе: «Воспоминаніе»	32
Влизость весны (На небѣ тишина)	—
Къ портрету императрицы Елизаветы Алексѣвны	—
I. «Кто на блистательной...»	33
II. «Въ паричахъ скромная...»	—
Къ портрету Ватюшкова	—
Къ портрету Гете	—

1820.

Къ гр. Шуваловой (Уже одиннадцатый часть)	—
«Минуту насъ она собой плѣнила...»	—
Подробный отчетъ о дунѣ. Посланіе къ государынѣ императрицѣ Маріа Теодоровицъ	—
Письмо къ А. Г. Хомутовой	37
Къ К. О. Голицыну (Я слова, князь, не позабылъ)	38
Къ княгинѣ А. Ю. Оболенской	39
Къ ней же (Княгиня! для чего отъ насъ)	40
Посланіе къ В. А. Перовскому (Товарищъ, вотъ тебѣ рука!)	42
Письмо къ А. Л. Нарышкину и «объясненіе» къ нему	43
Пѣсня (Отымаешь наши радости)	44
Три путника. <i>Изъ Уланда</i>	45
Въ комитетъ, учрежденный по случаю похоронъ Павловской вѣщи, или бѣлки, отъ депутата Жуковского	—
«Что радость?—Вабочка...»	46
Прощальная пѣсня воспитанницъ института при выпускѣ. (Подруги! часъ разлуки наступилъ)	—

1821.

«Тѣнится всѣ къ тебѣ во храмъ...»	47
Воспоминаніе (О милыхъ спутникахъ)	—
Нери и ангелъ. Повѣсть. <i>Изъ Мура</i>	—
Лалла Рукъ	54
Явленіе поэзии въ видѣ Лалла Рукъ	55

стр.	стр.
Въ альбомъ Е. А. Алябьевой.	—
«Узрѣвъ черты сіи...»	—
Обѣты (Будьте, о духи лѣсовъ).	56
Шилонскій узникъ. Повѣсть. <i>Изъ Байрона.</i>	—
Замокъ Смальгольмъ. Баллада. <i>Изъ Вальтеръ-Скотта.</i>	61
Побѣдитель. <i>Изъ Уланда.</i>	63
Привидѣніе.	—
Море, Элегія.	64
1823.	
19 марта 1823. (Ты предо мною).	—
Ангелъ и пѣвецъ.	—
Къ В. П. Ушаковой и гр. П. А. Хилковой (Гендриковой).	65
«Я музу юную, бывало...»	66
1824.	
Прощальная пѣснь пѣтая воспитанницами Общества благородныхъ дѣвицъ, при выпускѣ 1824 г.	67
Танственный посѣтитель.	—
Мотылекъ и пѣвица.	68
Побѣдка на маневры (Вчера былъ день прекрасной долѣ).	—
1826.	
Хоръ дѣвицъ Екатеринбургскаго института, на послѣднемъ экзаменѣ, по случаю выпуска ихъ 20 февраля 1826 г.	70
Прощальная пѣснь воспитанницъ Общества благородныхъ дѣвицъ, при выпускѣ, 1827 г.	71
Къ Гете (Творецъ великихъ вдохновеній).	71
1828.	
На мнръ съ Персией.	—
Государынѣ императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ (Ты памятникъ себѣ святой соорудила).	—
У гроба государыни императрицы Маріи Теодоровны.	72
Торжество побѣдителей. Баллада. <i>Изъ Шиллера.</i>	73
Видѣніе.	75
Солнце и Борей.	—
Умпрающій лебедь.	76
**Звѣзда и комета.	—
**«Меня ты хочешь знать...»	—
Могіла.	—
Любовь	77
Къ младенцу (Во дни твоей весны).	—
Утѣшеніе.	—
Къ сестрамъ и братьямъ.	—
Жалоба.	—
Тоска	—
Стремленіе.	78
1829.	
Мысли. <i>Изъ Гете.</i>	—
Наматнники.	—
а) «То мѣсто...» . <i>Изъ Гете.</i>	—
б) «Гто скрытъ...» . <i>Съ англійскаго.</i>	—
Смертный и боги.	—
«Вѣки идутъ...»	—
«Нѣкогда музъ угостить...»	79
1831.	
Сидъ. Орывокъ. <i>Съ Гердерова перевода.</i>	—
Кубокъ. Баллада. <i>Изъ Шиллера.</i>	85
Перчатка. Повѣсть. <i>Изъ Шиллера.</i>	87
Воскресное утро въ деревнѣ. <i>Изъ Гебеля.</i>	88
Неожиданное свиданіе. Быль. <i>Изъ Гебеля.</i>	89
Поликратовъ перстень. Баллада. <i>Изъ Шиллера.</i>	90
Жалоба Цереры. Баллада. <i>Изъ Шиллера.</i>	91
Доника. Баллада. <i>Изъ Саути.</i>	93
Судъ Божій надъ епископомъ. Баллада. <i>Изъ Саути.</i>	94
Замокъ на берегу моря. <i>Изъ Уланда.</i>	95
Алонзо. Баллада. <i>Изъ Уланда.</i>	—
Ленора. Баллада. <i>Изъ Бюрнера.</i>	96
Покаяніе. Баллада.	99
**Исповѣдь батистоваго платка.	101
Королева Урака и пять мучениковъ. Баллада. <i>Изъ Саути.</i>	102
Двѣ были и еще одна.	104
Дѣтскій островъ.	111
Островъ.	—
Пери.	112
Сраженіе съ змѣемъ. Повѣсть. <i>Подражаніе Шиллеру.</i>	112
Судъ Божій. Повѣсть. <i>Подражаніе Шиллеру.</i>	116
Сказка о царѣ Берендѣѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кошея безсмертнаго и о премудрости Марыи Царевны, Кошеевой дочери.	119
Спящая царевна. Сказка.	123
Русская пѣснь на взятіе Варшавы.	132
Русская слава.	—
Война мышей и лягушекъ. Сказка. Орывокъ.	133
Къ Ив. Пв. Дмитріеву (Нѣтъ, не прошла).	140
Двѣ загадки.	—
Приходъ весны (Зелень нивы).	141
Пѣсня (Къ востоку, все къ востоку).	—
«Въ долину къ пастырямъ смиреннымъ...»	—
Пѣсня (Розы расцвѣтаютъ).	—
«Тронься, тронься...»	—
«Я на тебя съ тоской гляжу...»	—
«Чего ты ждешь, мой трубадуръ...»	—
Пѣснь бедуинки.	142
Мечта.	—
Примѣчанія.	143

F

24.157/1.6